

детектив - событие

Елена Михалкова



темная сторона
души

Annotation

Юлия надолго забыла, что у нее есть дочь, и вернулась домой лишь постарев и потеряв все. Кроме тяжелого характера. Теперь ее единственное развлечение – изводить родных, соседей, знакомых...

Вика никогда не называла ее мамой: Юлия Михайловна бросила дочь в детстве, отказала в помощи в юности, а сейчас пыталась разрушить ее семью. Но когда мать убили, Вика поняла, что любила и ненавидела ее одновременно...

Маша уверена, что муж Вики, подозреваемый в убийстве Юлии Михайловны, ни в чем не виноват. Ведь многие в их дачном поселке ненавидели эту вздорную старуху и желали ей смерти...

У всех есть свои скелеты в шкафу. Но не каждый пойдет на убийство, чтобы избежать разоблачения...

- [Темная сторона души](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
- [Эпилог](#)



Темная сторона души

Она сама виновата. Зачем она подталкивает меня к тому, чего мне не хочется делать? Зачем она говорит эти слова, после которых у меня нет другого выхода, кроме как убить ее? Зачем она остается одна в своем доме – доме с открытыми настежь дверями и окнами, через которые внутрь может попасть любой? И зачем так спокойно лежит на кровати, будто только и ждет, когда я приду и сделаю то, к чему она меня вынуждает?

Если была бы хоть маленькая преграда, чтобы остановиться, сказать себе «нельзя», сказать: «Оставь, она сама умрет через пару-тройку лет!» Но такой преграды нет, и даже калитка возле ее дома закрывается на маленький перекидной крючок сверху, а мне ли не знать, как он откидывается.

Может быть, сегодня кто-нибудь из детей запрет калитку на засов? Но она открывается легко, как обычно. Может быть, эта женщина закроет изнутри входную дверь? Нет, не закроет. Ей не до того – она лежит на кровати, ухмыляясь, и ждет только новой жертвы, в которую сможет всадить очередную порцию своего яда.

Для меня ее яд смертелен. Да и для многих других тоже. Я же вижу это, как бы они ни прятались, ни маскировались, ни закрывались картонными лицами с ухмыляющимися рожцами. «У нас все хорошо!», «У нас все здоровы!»

Неправда. Вы не здоровы, вы уже заражены – заражены ее ядом, так быстро действующим на вас – веселых, хороших, добрых... и совершенно беззащитных. Я прекрасно знаю: вы ничего не сможете с ней сделать именно потому, что вы такие хорошие и правильные.

Но я смогу. Я смогу, потому что мне нужно защитить от ее яда себя – себя в первую очередь, иначе моя жизнь прекратится. Поэтому сейчас я зайду за колышущуюся занавеску, подойду к кровати, на которой лежит ухмыляющееся существо, и сделаю то, что нужно сделать, – закончу ее жизнь, ее собственную дрянную, гадкую, неправильную жизнь, и мне даже не будет страшно или противно.

Она сама виновата.

Глава 1

Традиции постепенно терялись.

Дедушка с бабушкой еще пили чай за круглым столом, покрытым кружевной скатертью, на которой желтела тень от тонкого фарфорового чайника с треснувшей крышкой. Крышка была заботливо склеена дедушкой, скатерть, между прочим, связана собственноручно прабабушкой, а зеленые цветы по краям вывязаны ее сестрой, которая одна во всей семье умела вязать такие тонкие, нежные кружевные цветы, почему-то всегда зеленого цвета. Над столом висела старая люстра с тысячей маленьких звонких стекляшек, на комодѣ стояла узорчатая коробочка со старым, пожелтевшим лото, которую обязательно доставали после чая и ставили на стол. Это была традиция – лото после чая с пирогами, и еще непременно разговоры обо всем на свете, которые Маша слушала, затаив дыхание.

Обсуждали политику Кубы, историю побега Наполеона, рецепты приготовления моченых яблок, путешествие на «Кон-Тики», растительность Средней Азии и тысячу других невозможно интересных вещей. Бабушка вязала крючком свои бесконечные шали, дедушка потягивал остывший чай с ароматом яблок, а Маша, папа и мама раскладывали деревянные бочонки на плотных, треснутых карточках с цифрами, пахнувших, как паутина в углу за печкой.

Чайник разбился, люстру поменяли на современную, скатерть убрали в комод, бочонки из лото растерялись один за другим. И бабушка с дедушкой умерли. Теперь за чаем собирались втроем: родители и Маша. Конечно, беседовали по-прежнему, но чаевничали не каждый день, а только по выходным, и беседы стали не такими интересными. Маша пару раз пыталась расстелить на столе старую скатерть с зелеными цветами, но родители недоуменно пожимали плечами: зачем, если есть такая красивая клеенка с геометрическим рисунком? И Маша отступала, сворачивала скатерть, аккуратно складывала в большой пакет и возвращала на место, в верхний ящик комода.

Правда, совместный чай по выходным еще оставался, и оставалось яблочное варенье – то, как его варили. Маша привозила на дачу своих друзей, и все садились под самой старой яблоней ранеткой, раскинувшейся около дома, чистили яблоки, складывая кусочки в огромные тазы, а потом мама заливала все это богатство сахарным сиропом и варила, варила, варила, так что по всей деревне расплывался запах яблочного варенья. Папа

аккуратно раскладывал варенье по банкам, и банки прятали в погреб.

Но традиции постепенно терялись, разбазаривались со временем так бездумно, что Маше иногда становилось до слез обидно. Родители приезжали на дачу все реже. Друзья предпочитали отдыхать на курортах за границей, где было «все включено». Когда Маша слышала это «все включено», ей сразу вспоминалась бабушка, всю жизнь экономившая электричество и любившая покрикивать, войдя в дом: «Почему у вас все включено, а? Тут лампа, там лампа, здесь два светильника горят. Ишь, устроили иллюминацию средь бела дня!» И Маше казалось, что друзья приезжают на такие курорты, где все залито безжалостным светом тысяч ламп, от которого некуда деться.

Она вышла замуж. Родился Костя, которого чуть ли не с самого рождения стали привозить на их старенькую дачу. Маше было там хорошо, несмотря на туалет на улице и стирку руками в холодной воде, а вот Игорь быстро начинал ныть: «Хочу домой, хочу в город...» В лесу ему было скучно, на реке ему было мокро, в саду скучно и мокро. Он был до мозга костей городским, и даже деревенская тишина с пением птиц по утрам и стрекотанием ночных кузнечиков нервировала его. Он любил просыпаться под шум машин, а откуда же возьмется шум машин в маленькой деревеньке, до которой даже асфальтовую дорогу не проложили и пять километров от леса шла кривая ухабистая колея?

Когда они развелись, Игорь сообщил:

– Машка, ты меня знаешь: помогу всем, чем смогу. Но в твоё Простоквашино я больше ни ногой!

– Сдалась мне там твоя нога, – парировала Маша. – Только грядки топчешь. И не Простоквашино, а Засорино!

– Засорино... – закатил глаза супруг, теперь уже бывший. – О, прекрасное Засорино, которое я больше не увижу, надеюсь, никогда! Милые, добрые засоринцы, живите в мире и спокойствии. Не лицедреть мне отныне ваши рожи, не обремененные интеллектом. И слава богу!

– Иди на фиг, – сказала Маша. – Сам ты рожа, не обремененная интеллектом.

В глубине души она признавала некоторую правоту за Игорем, что не мешало ей любить деревню нежной любовью. И Костя обожал Засорино – там был лес, была река, там были его приятели – мальчишки, чьи родители привозили на все лето к бабушкам-дедушкам – в общем, полное раздолье. Они приезжали вчетвером, с Костиными бабушкой и дедушкой, сразу затапливали печку-голландку, и, пока она трещала поленьями, Маша доставала сваренную еще в городе картошку и резала колбаску, обжаривая

кружочки на сливочном масле. Колбаска сердилась, шипела и плевалась маслом в разные стороны, и Маша проворно отскакивала от плиты. Потом довольный Костя лопал колбасу, закусывая ее картошкой, и, казалось, даже волосы у него вставали заборчиком от удовольствия.

– Классно, что приехали, – мычал он с набитым ртом. – Только бы завтра дождя не было.

День, когда они потеряли их маленький дом, стал для Маши черным. Ей было очень стыдно за то, что даже известие о болезни матери она восприняла не так остро, как решение родителей продать дачу, чтобы хватило денег на больницу. Когда она позвонила отцу и заикнулась о том, чтобы пожертвовать машиной, а не домом, он отрезал:

– Машина нужна для дела, а дача – блажь, баловство. И без дачи можно прекрасно обойтись.

«А как же Костя?» – хотела спросить Маша, но промолчала. Отец весь был на нервах, и убеждать его в том, что внуку необходимо уезжать на лето из города, было бесполезно.

– А если ты хочешь для Кости хорошего отдыха, то начинай нормально зарабатывать и вывози его на море, – безжалостно прибавил отец, словно прочитав ее мысли. – А то все горазды пользоваться родительским, на свое, видишь ли, заработать не могут.

Маша так опешила от его злых и несправедливых слов, что даже не нашлась, что сказать. Отец положил трубку, а через два месяца домик в Засорине продали семейной паре, которая собиралась поселить там своих старых родителей.

Вопросом, куда же поехать на лето с двенадцатилетним Костей, Маша озадачилась с начала зимы, как только мама пошла на поправку. Сценарии для детской передачи, которые она писала, давали ей неплохой заработок, но его хватало только на жизнь. Откладывать не получалось, как Маша ни пыталась, – обязательно в самый неподходящий момент возникали экстренные ситуации, которые требовали денег и съедали все скромные Машины сбережения. Она пыталась найти подработку, но тогда оставалось меньше времени на придумывание сценариев. Чем ближе к концу подходила зима, тем в большее отчаяние впадала Маша – перспектива сидеть с Костей все лето в душном городе приводила ее в ужас. Тем более что сама она ни одного лета так не проводила – ее работа позволяла уезжать куда угодно, был бы с собой компьютер, и Маша давным-давно купила гудящий тяжелый ноутбук, который и перевозила каждый год в Засорино в конце мая.

Она позвонила в несколько туристических агентств, облазила форумы и выяснила, что на те деньги, которые ей все-таки удалось отложить к весне, можно поехать только в Крым или на юг России: снимать там частное жилье с туалетом на улице, готовить самим, но зато жить у моря. Правда, максимум месяц.

На море Маше не хотелось. Нет, в Грецию, Испанию или в Болгарию она поехала бы с удовольствием. С тем большим, что никогда не была в этих странах. Но, отдохнув один раз в небольшом городке под Сочи и другой – в Крыму, она на всю жизнь запомнила грязные, замусоренные пляжи, песок, в котором легко можно было напороться на битое стекло, хамоватых официантов в кафе и фрукты по московским ценам.

– Скажите, а почему у вас персики стоят дороже, чем в Москве? – как-то раз удивленно спросила она толстую бабу около их пансионата, небрежно взвешивающую свой товар.

– Ой, вот и ехай в свою Москву, раз тебе там дешевле, – лениво протянула баба, даже не взглянув на Машу. – То-то я посмотрю, как там твой заморыш будет жить.

Неожиданное хамство и слово «заморыш» применительно к худенькому высокому Косте, жадными глазами смотрящему на фрукты в коробках, привело Машу в бешенство. Она никогда не умела скандалить с продавщицами в магазинах, но сейчас ей захотелось вцепиться торговке в обесцвеченные перекисью волосы и макнуть ее наглой мордой в ящик с подпорченными персиками, стоящий у той под ногами. Но тут над ухом раздался голос Игоря:

– Персики покупаешь? А я там хорошие груши нашел, и недорого.

– Не покупаю, – сквозь зубы ответила Маша. – Пойдем отсюда.

В общем, вспоминать те поездки было неприятно, и на юг Маше не хотелось. Не говоря уже о том, что оставлять ноутбук в комнатке, ключи от которой будут у хозяев, попросту опасно. Рисковать ноутбуком Маша не могла.

Обдумав все варианты, она позвонила Игорю. Они поддерживали хорошие отношения, хотя с Костей, по ее мнению, Игорь мог бы видаться и почаще. Но в целом бывший муж из него получился почти идеальный. «Куда лучше, чем просто муж», – иногда думалось Маше. Их отношения за шесть лет брака исчерпали себя и закончились, как заканчивается борщ в кастрюле: с одной стороны, жаль, что не осталось, с другой – было вкусно, да и можно сварить еще. Правда, последние два года, когда оба они уже не любили друг друга и мучились из-за этого, были тяжелыми для Маши. Но у нее был Костя – любимый Костя, кареглазый Костя, похожий на веселого

олененка, весело выкидывающего тонкие прямые ножки в разные стороны. А у Игоря – та девушка, появление которой и помогло им расставить все по своим местам. Девушка потом исчезла, ее место заняла другая, но Игорь так и не женился, проводя жизнь в свое удовольствие.

– Игорь, помоги нам, пожалуйста, – попросила Маша, позвонив ему. – Не могу я Костю летом в городе оставить. Ну не могу! Подкинь денег, а? Или – хочешь, давай вместе куда-нибудь поедем. Ты же знаешь, тебе со мной нормально будет... Или у тебя сейчас подруга? – спросила она, почувствовав по молчанию на том конце провода, что ее предложение Игорю не понравилось.

– Да нет... не подруга... – пробормотал бывший муж. – Не в бабе дело. Понимаешь, нет у меня сейчас денег, правда.

– Может, в банке... – начала Маша, зная, что под Игореву стабильную зарплату можно было бы взять кредит.

– Ты понимаешь, какая проблема: я с работы уволился, – неохотно сказал Игорь. – Пытаемся с Володькой Красновым кое-что свое раскрутить. Не хочу говорить ничего пока, но – сама понимаешь: сижу с голой задницей, все, что было, в дело вложил. Ты меня знаешь, я для Кости и кредит бы взял, и с вами бы поехал. Нету, Маш. Честное слово.

Маша поверила ему и без всяких честных слов. Игорь и раньше иногда говорил, как ему надоело работать на других, его мечтой был свой бизнес, хотя бы маленький. Но узнать, что бывший муж собрался раскручивать бизнес именно сейчас, стало для Маши неприятной неожиданностью. Последний путь к тому, чтобы вывезти сына из Москвы хотя бы на месяц, оказался тупиковым.

Маша совсем приуныла. Наступил май, деревья окутались зеленым дымом, в котором, если подойти поближе, можно было различить маленькие листики. Она срывала листик, вертела в руках, растирала между пальцами и жадно принюхивалась, с тоской вспоминая деревню и проданный дом. Помыкавшись неделю в раздумьях, Маша решила, что делать нечего, придется ехать в нелюбимый Крым. «Ничего, ноутбук буду прятать куда-нибудь, – успокаивала себя Маша, хотя услужливое воображение подсовывало картинку: она роет ямку под деревом, закапывает туда ноутбук и, оглядываясь по сторонам, крадется к дому, в котором спят хозяева. – Зато море, фрукты, песок... в общем, Косте будет хорошо».

– Мам, я на море не хочу, – решительно заявил сын, узнав о ее планах.

– С ума сошел? – изумилась Маша. – Знаешь, как на море здорово!

– Знаю. Я там уже два раза был, – напомнил Костя. – Мне не

понравилось. Да чего там хорошего – просто большая лужа, только соленая.

– Тогда ты был маленький, глупый! А сейчас ты плавать будешь, на экскурсии съездим, пещеры посмотрим. Хочешь в пещеру?

– Я в деревню хочу, – тихо сказал Костя, отвернувшись в сторону и копаясь в шкафу с посудой.

Маша вздохнула и села на табуретку.

– Хорошо, – устало согласилась она. – Я попробую еще раз поискать – может быть, нам сдадут какой-нибудь домик на лето. Не на все три месяца, конечно, – на все денег не хватит, – но хотя бы на два. И не разорь ты шкаф, твоя немытая чашка в раковине стоит!

На следующее утро Маша накупила газет и села звонить по объявлениям. Она успела сделать три звонка и выяснить, что ни один из вариантов ей не подходит, когда телефон в ее руке дернулся и заверещал так, что она вздрогнула.

«Костя, поганец, опять звонок поменял!» – мелькнуло у нее в голове, пока она нажимала кнопку соединения. И вместо того чтобы сказать «алло», она грозно выдохнула в телефон:

– Придешь домой – убью!

В телефоне повисло молчание, а затем мягкий женский голос осторожно спросил:

– Маша, ты? Это Вероника. Извини, я, наверное, не вовремя...

Вечером Костя валялся на диване, а радостная Маша разбирала вещи в шкафу, откладывая в сторону то, что нужно взять с собой, и пересказывая сыну утренний телефонный разговор.

– В общем, тетя Вероника с мужем приглашают нас к себе на все лето. Представляешь? Бесплатно! Костя, ты знаешь, как там у них здорово?

– Мама, да помню я, мы же вместе ездили! Ты забыла все, что ли?

– Точно, забыла, – рассмеялась Маша, покачав головой. – Они же в прошлом году на выходные нас приглашали. Надо же, совсем из головы вылетело.... Ну что, ты рад?

– Рад, конечно. Жалко только, что у них Димка маленький, а то было бы совсем здорово.

– Во-первых, не такой уж и маленький – ему уже восемь лет. Во-вторых, зато Ирка большая.

– Ирка – девчонка, – возразил сын. – Девчонка – это не то. В деревне принципиальна мужская компания.

– Где ты таких выражений набрался? – изумилась Маша. – От отца, что ли? Будет тебе мужская компания, все будет! И друзей новых найдешь, и с Димкой найдете чем заняться. Все будет.

Она замерла около полки со свитером в руках, глядя вверх Костиной головы. Господи, как неожиданно и как хорошо! Они поедут на дачу к Веронике, и можно будет провести там целое лето! Подумать только, целое лето... Долгое, теплое, счастливое лето.

Глава 2

Дмитрий, муж Вероники Егоровой, никогда не называл мать жены иначе, чем Юлия Михайловна. Иногда – «она», но все понимали, о ком идет речь.

– А ты рассказала про нее? – спросил он, подтаскивая сумки с продуктами к багажнику старенькой «девятки».

– Сказала, – вздохнула Вероника и положила пакет на заднее сиденье.

– И что Маша?

– Митенька, она так обрадовалась приглашению, что, кажется, даже не слушала меня особенно. Нет, слушала, конечно, только всерьез не восприняла. Подумаешь, ну живет еще в доме больная старуха... Дом-то большой, места хватит на всех.

Вероника услышала от Маши, что ей с Костей негде отдохнуть, две недели назад и теперь предложила поехать к ним на дачу в Игошино. Во-первых, ей искренне хотелось помочь приятельнице, к тому же она знала, что Машка – человек необременительный, легкий в общении и жить с ней – одно удовольствие. Во-вторых, имелась у Вероники и другая веская причина. «Может быть, Юля хотя бы при Маше будет вести себя прилично? – с отчаянием думала она. – Все-таки посторонний человек, с ребенком... А Димка станет с Костей играть, и, даст бог, мальчику будет не до бабушки».

Митя погрузил сумки в багажник, сверху положил связку зеленых бананов и поднял голову. Из окна третьего этажа на него смотрели две приплюснутые мордочки – Димкина и Иришкина. «Тварь, – мелькнуло у него в голове при взгляде на детей. – Мерзкая, уродливая тварь. Уже сидит в доме, как паук, ждет, когда я привезу Веронику и детей». А вслух сказал:

– Когда Маша с сыном приедут?

– Завтра, ближе к вечеру, – отозвалась Вероника, запихивая пакеты между сиденьями. – И очень хорошо, что не раньше: успеем все разобрать, в доме прибраться...

«Подготовиться», – хотела добавить она, но не добавила. Подготовиться к тому, что ожидало их в игошинском доме, было нельзя. И уж тем более нельзя было подготовить к этому Машу с ее сыном-подростком. Впрочем, за мальчика Вероника волновалась меньше всего. Костю она хорошо помнила по его предыдущему визиту – веселый, жизнерадостный мальчишка, которому и дела-то не будет до того, кто там

еще живет в одном с ним доме. Вот Димка...

И она вслед за мужем озабоченно подняла глаза к окну, откуда таранилась теперь только мальчишеская физиономия.

– Иришка уже спускается, наверное, – раздался голос мужа. – Пойду за Димкой.

– Свет не забудь выключить, – напомнила Вероника, хотя знала, что на мужа можно положиться больше, чем на себя саму: все проверит и закроет на десять замков.

Оставшись одна около машины, она в пятый раз пересчитала пакеты, хотя еще в прошлый раз забыла, сколько их должно быть. Мытые яблоки лежали на виду – ехать до Игошина предстояло три часа, дети, как всегда, проголодаются.

Вероника Егорова вспомнила яблоневый сад около их деревенского дома – небольшой, но со старыми, раскидистыми деревьями, представила мать, ковыляющую по саду, и ее пробрал озноб, как от холода.

* * *

Веронику с детства воспитывала бабушка. Мать появлялась редко – забегала на полчаса, съедала поставленную хмурой бабушкой на стол тарелку супа и исчезала, бросив перед уходом что-нибудь обидное. Например: «Что-то Верка на блоху стала похожа...» Вероника никогда не видела блох, но знала, что они маленькие и противные. Маленькой и противной быть не хотелось.

– Ты ее не слушай, – успокаивала бабушка, видя, как насупилась девочка после ухода матери. – Болтает, что на язык попадет. Всегда такая была. Не бери на сердце.

Бабушка часто повторяла: «Не бери на сердце», и почти всегда это относилось к матери Вероники. Юлия Михайловна вела свободную жизнь, считала, что главное – собственное счастье, а хрупкая болезненная девочка мешала обретению этого счастья. Ее нужно было водить в садик, одевать, умывать... Нет, Юля Ледянина не хотела ничем таким этим заниматься. Конечно, деньги она подкидывала, но воспитывать – увольте!

Вот потому-то Вероника с бабушкой жили в своей квартире, а мать – неизвестно где. Иногда она даже оказывалась в другом городе, и тогда Вероника не видела ее по нескольку месяцев.

Когда она училась в шестом классе, мать исчезла на целый год – искать счастья в Сочи. Потом однажды приехала поздно вечером – голодная,

тощая, как бродячая кошка, с лихорадочным блеском в глазах. Вероника должна была спать, но проснулась от голосов, подкралась к двери и смотрела на женщину, которая сидела к ней спиной. Темные ее волосы вились, спускаясь до лопаток. Вероника очень радовалась, что у нее самой волосы светлые, заплетенные в косички, совсем непохожие на Юлины.

– Что ж ты делаешь-то, а? Бесстыжая твоя душа! – сурово проговорила бабушка из угла. – Родную дочь год не видела.

– И еще столько бы не видеть, – хрипловато хохотнув, ответила Юля. – Да ладно, мать, я шучу. Я же знаю, что с тобой ей лучше, чем со мной. Я – перекасти-поле, трын-трава: сегодня здесь, завтра там. В общем, свободная птица.

Бабушка помолчала, а потом произнесла такое слово, что Вероника за дверью сжалась в комочек от ужаса и изумления: как ее добрая, вежливая бабушка могла подобное сказать?! Это слово иногда выкрикивал дворник Семен, напившись и гоняя по двору свою жену, иногда так ругались взрослые дворовые мальчишки, и Вероника знала, что повторять его нельзя, потому что – матерное.

– Как ты меня назвала? – изумилась Юлия, поднимаясь с места. – Как?!

– Блядь ты самая настоящая, а не свободная птица, – повторила бабушка. – Уходи отсюда, пока ребенка не разбудила. Уходи! Иди ищи нового мужика. Без тебя обойдемся.

После того случая Юля долго не появлялась. Вероника радовалась: никаких теплых чувств к женщине, требовавшей называть себя только Юля и ни в коем случае не мама, она не испытывала. Мать была слеплена из другого теста: высокая, крепкая в кости, темноволосая и темноглазая, с широким, точно негритянским носом и нагловатыми широко расставленными глазами. Губы у нее были пухлые, сочные, и Вероника знала: мать гордится, что никогда не пользовалась помадой, – «нужды не было».

А Вероника с бабушкой были маленькие, беленькие, с тонкими ручками-ножками. «Ну чисто одуванчик!» – умилялись на Веронику соседки. А она смотрела доверчиво голубыми глазами, не понимая, хорошо это или плохо – быть похожей на одуванчик. Наверное, плохо: дунул – и остался одуванчик голышом, а голышом стыдно.

Такой же маленькой и тоненькой она оставалась и в семнадцать лет, когда остальные девчонки из их класса неожиданно вытянулись, повзрослели, приобрели положенные выпуклости, которыми очень гордились. Веронике гордиться было нечем, поэтому она тайком от

бабушки подкладывала в бюстгальтер две собственноручно сшитые подкладочки, увеличивавшие ее грудь до приличных размеров. Как-то раз – уже в институте – подкладка выпала, и Вероника осталась с одной грудью. Бабушка, узнав об этом, хохотала до колик, и самой Веронике тоже стало смешно: надо же, какими глупостями занимается! Подкладки она выкинула в тот же вечер, решив, что будет гордиться своим сходством с бабушкой – у той тоже грудь небольшая.

Так они и жили – в мелких женских заботах, в небольших житейских радостях. В институте у Вероники появились первые мальчишки-ухажеры, и по вечерам она до поздней ночи пересказывала бабушке, кто что сказал, какими словами она ответила, и советовалась, что ей делать дальше. Обеим эта полуночная болтовня доставляла огромное удовольствие, и Веронике казалось, что так будет долго-долго: запах герани на окне, накрытый платком ночничок на полу и приглушенный бабушкин голос – нежный, любящий.

Бабушка умерла в одну секунду. Взмахнула рукой, стоя около плиты, застонала, повалилась на бок и нелепо задергалась на полу, так что задралась толстая шерстяная юбка. И замерла. Вероника закричала, заметалась по квартире, выворачивая ящики с лекарствами, пыталась вложить какие-то таблетки в бабушкины синие губы, а потом звонила, звонила соседкам, отчаянно крича: «Вызовите „Скорую“! Ну вызовите же „Скорую“!!!»

Но «Скорая» ничем помочь уже не могла. «Сердечный приступ, – сказали врачи, разводя руками. – А что вы хотите, лет-то ей уже немало». На кладбище Вероника стояла вдалеке от матери, рассматривала оградку, покрашенную яркой желтой краской, и думала, что цвет ее бабушке бы не понравился.

Второй удар ждал Веронику после похорон. Мать, закутанная по самые брови в черный платок, подошла к ней и сказала:

– Я через два часа приеду домой. Приготовь там пожрать чего-нибудь.

Вероника не сразу поняла, о чем говорит мать, и переспросила:

– Куда приедешь?

– Куда-куда... В квартиру нашу, вот куда.

– Зачем? – по-прежнему не понимала Вероника.

– То есть как это зачем? – усмехнулась Юля, вскидывая широкие брови. – Жить. Хватит мне по чужим квартирам мыкаться – чай, не побирушка. Теперь, доченька, мы с тобой будем вместе горе наше горевать.

Вероника взглянула на мать с ужасом и отвращением, потому что «горе горевать» было бабушкиным выражением и еще потому, что из уст

этой чужой женщины оно было лживым, как и она сама. Но час спустя, послушно варя суп, убедила себя, что несправедлива к матери, что так нельзя думать о единственном оставшемся у нее родном человеке. «Бабушка бы не одобрила», – сказала себе Вероника, твердо решив налаживать отношения с Юлей.

И, к удивлению Вероники, отношения и впрямь стали потихоньку налаживаться. Утром она убежала в институт, приготовив на скорую руку завтрак на двоих, пока Юлия Михайловна спала. Когда Вероника возвращалась во второй половине дня, матери дома не было – устраивала свои неизвестные дочери дела. Вечером она приходила и за ужином начинала расспрашивать Веронику о преподавателях, подругах и мальчиках. «Как бабушка», – думала Вероника. И рассказывала, рассказывала с удовольствием – тем более что мать иногда едко и точно комментировала ее рассказы так, что Вероника словно смотрела другим взглядом на участников событий. Взгляд был взрослый и циничный, но часто справедливый.

Юлия Михайловна очень одобряла, что Вероника учится хорошо, и пару раз даже подбрасывала дочери денег, когда та заканчивала сессию с отличными оценками.

– Учись, учись, – приговаривала она, выкладывая на комод купюры. – Образование в жизни во как нужно! Знаешь, как я жалею, что институт бросила? Могла бы многого в жизни добиться... Ну ничего, добьюсь еще, а ты учись хорошо, у тебя головка светлая.

И Вероника радовалась ее похвале куда больше, чем деньгам. Она сама не заметила, что начала постепенно привязываться к матери. Иногда ей даже хотелось назвать ее не Юлей, как всегда, а мамой, но сдерживалась, зная, что той не понравится. И обращалась к ней по-старому.

С Митей Егоровым она познакомилась в гостях у подруги и сразу в него влюбилась. Он был невысокий, спокойный и такой взрослый, словно между ними была разница не в пять лет, а в пятнадцать. Митя работал на заводе инженером, жил в общежитии, что тоже было в глазах Вероники необычным и романтичным. А ему Вероника казалась хрупким цветком, который в любую секунду может сломаться под грубым порывом ветра. Ее хотелось защищать, оберегать, нежно прижимать к груди и не позволять таскать тяжести. Они начали встречаться через три дня после знакомства, и скоро вся группа знала, что у Вероники Ледяниной есть взрослый парень, с которым «все очень серьезно».

Известие о беременности привело Веронику в состояние шока. Конечно, она любила Митю, но ребенок... на пятом курсе... Что же делать?

Едва задав себе этот вопрос, Вероника осознала ответ: она хочет ребенка. Учеба... ну что ж, придется напрячься. А дома, в конце концов, есть мама. То есть Юля. Она поможет.

– Ребенок?!

Юлия Михайловна с презрением смотрела на съжившуюся в кресле Веронику.

– Ты, безмозглая корова, ухитрилась забеременеть? Сейчас? Когда тебе еще целый год учиться? О чем ты думала, дура белобрысая?!

Вероника не могла даже открыть рот под потоком ругательств матери.

– Ты сама еще полуребенок, ты не можешь толком нести ответственность даже за себя, а не то что за другого человека, – отчеканивала мать, словно вбивая каждое слово гвоздями Веронике в голову. – Со мной пришла посоветоваться? Нет, дорогуша, ты пришла сказать: вот тебе, Юленька, подарок в подоле – помогай мне и расти его! Так вот, милая моя, что я тебе скажу...

Мать остановилась на секунду и подумала.

– Я тебе взвалить на меня такую ношу не дам. У меня сейчас жизнь в самом расцвете, и не так-то долго моему расцвету продолжаться. Поэтому или ты отправляешься к врачу, и мы с тобой живем потом по-хорошему, или... или иди на все четыре стороны. Если ты такая взрослая, что смогла ребеночка заделать, значит, сможешь и прокормить его. Решай сама.

Она вышла из комнаты, оставив оглушенную Веронику одну. Вероника поморгала, встала из кресла и подумала, что должна позвонить Мите. Но сначала нужно собрать вещи.

Ненавижу ее. Господи, как я ее ненавижу! Никогда не думал, что способен на такое.

Самое плохое не ненависть, а то, как я воспринимаю это чувство. Оно мне нравится. Что скрывать, я никогда не считал себя героем, способным защитить свою семью от любых катаклизмов. Я боялся хулиганов в подворотне – стыдно признаваться, но боялся. Я и сейчас их боюсь. Боюсь, что с детьми что-нибудь случится, а я не смогу помочь им. Я очень многого боюсь.

Но ненависть во мне делает меня сильнее. Я ощущаю ее своим другом, и меня пугает это, ведь так недалеко и до шизофрении: разве можно думать о каком-то чувстве, которое тебе подвластно, как о друге? Но в том-то и дело, что моя ненависть неподвластна мне. Она поднимается из таких глубин, которые я никогда не предполагал в себе, и хочет

выплеснуться наружу. Не в крике – крик беспомощен, не в махании кулаками – драка ничего не решает... Нет, моей ненависти нужно большее: уничтожить угрозу моей семье, стереть ее с лица земли, чтобы ничто не напоминало о ее существовании.

Я и опасаясь своей ненависти, и горжусь ею, и еще горжусь собой – тем, что я, оказывается, не такой уж и трус, каким считал себя много-много лет. Но за гордостью прячется паника: что, если настанет момент, когда моя ненависть выплеснется целиком? Что тогда будет с нами?

Глава 3

Сидя на стареньком диванчике, Макар Илюшин с усмешкой смотрел, как его друг и напарник по работе Серега Бабкин разбирает сумку. Сначала оттуда мощной рукой Бабкина были выужены две небольшие гири и заботливо припрятаны под кровать, откуда кокетливо выглядывал фарфоровый горшок с васильком на боку. Бабкин хмыкнул и горшок задвинул подальше, а гири поставил поближе.

– Думаешь, не пригодится? – невинно спросил Макар, кивая на горшок.

Но Бабкин на провокации поддаваться не желал и в ответ только засопел. Следом за гирями последовал эспандер, зацепившийся за «молнию» сумки и жалобно заскрипевший, когда Бабкин попытался освободить его. В конце концов эспандер был освобожден, а следом Сергей вытащил из сумки маленький пакет с вещами, зарядное устройство для телефона, зубную щетку – и сумка Бабкина опустела.

– Это все, что ты привез?

По-мальчишески взъерошив руками светлые волосы, Макар воззрился на свой чемодан, ждущий очереди в углу. Чемодан был не очень большой, но такой плотный и солидный, что при взгляде на него сразу становилось ясно: вещей в нем много.

– Зачем тащить с собой всю квартиру? – спросил Бабкин, подходя к окну и изучая пасторальный пейзаж – четырех коров, лениво бредущих по пыльной дороге. – Я тебе сразу сказал: у тетушки все, что надо, имеется. От дяди куча шмоток осталась. Да здесь ничего и не нужно: майка, шорты, вот и весь гардероб.

– А перед девушками ты в чем будешь форсить, мой неприхотливый друг? – поинтересовался Макар.

– Перед какими девушками?! Макар, это деревня. Деревня с большой буквы. Тихое, спокойное место. Глушь, глухомань, дыра без цивилизации. Ты местный магазин видел?

Макар вспомнил сарай под огромной вывеской, на которой было написано: «Универсальный магазин». Да, «Универсальный магазин» впечатлял.

– Ну вот, – констатировал Бабкин, не дожидаясь ответа. – Короче, забудь про город. Озеро – есть, лес – есть, еда у тетушки – ум отъесть можно. Что еще для счастья нужно? Все, московскую жару можешь

выкинуть из головы. Месяц отдыха с полным отключением мозгов. Да здравствует Игошино и любимая тетушка Дарья!

Он плюхнулся на широченную кровать и раскинул руки в разные стороны, чуть не свернув светильник со столика. Макар повздыхал, поднялся с диванчика и направился к чемодану.

Со стороны они смотрелись если не комично, то, по меньшей мере, странно – большой, грузный, коротко стриженный темноволосый Сергей и худой светловолосый Макар, которого все и всегда при первом знакомстве принимали за студента-очкарика. Кроме тех, кто, встречаясь с ним, уже знал, что видит перед собой состоявшегося профессионала – человека, занимающегося частными расследованиями. Макару было тридцать три года, из которых последние шесть лет он работал на себя. Вполне успешно. Его правилом было полагаться на интуицию больше, чем на ум, и вместе с Бабкиным, который от природы был рационален и логичен, они составили отличную пару. Илюшин в их союзе был главным, что было понятно обоим и никогда не обсуждалось. Но в последний год спокойный, флегматичный Сергей становился для Макара все незаменимее.

Илюшин раскладывал вещи на полке в шкафу, когда дверь открылась и в комнату вошла Дарья Олеговна, а по-простому – тетя Даша. Невысокая, улыбчивая, загорелая, она выглядела моложе своих шестидесяти пяти лет. Короткие, рыжие от хны волосы были заколоты гребенкой, на которой сейчас красовалась зеленая гусеница.

– Сереж, Егоровы-то приехали, – сообщила она, доставая из кармана фартука пучок укропа и водружая его поверх горки вареных овощей в пластмассовом тазике. Пучок тут же запах на всю комнату. – Ирка у них за год выросла – не узнать! Еще год-другой – и будет тебе невеста.

– Была у меня уже одна невеста, – пробурчал Бабкин. Он поднялся с кровати, подошел к тетушке и осторожно снял гусеницу с гребенки. – Все помнят, чем дело кончилось?

– Да ладно тебе, подумаешь, нашел одну стервозину, – махнула рукой Дарья Олеговна, предпочитавшая не вспоминать про очень неудачный брак племянника, закончившийся разводом. – Что же теперь, все холостым ходить до старости?

Бабкин открыл окно, отогнул краешек москитной сетки и бросил извивающуюся гусеницу на траву.

– Ирка у Егоровых на мать будет похожа, – заметил он, усаживаясь за стол. – Худая и белобрысяя.

– Не белобрысяя, а блондинка, – поправил его Макар. – Белобрысый – это я.

– А тебе какие нужны? – удивилась тетя Даша, вытаскивая из шкафа разделочную доску, ножи и тарелки. – Давайте-ка овощи режьте, крошку на обед устроим. Жена должна быть...

Она задумалась, вынула из тазика редиску и придирчиво оглядела со всех сторон. Редиска была – загляденье.

– Как редиска, – подсказал Макар. – Розовая и пузатая.

– Жена должна быть – как та... – Бабкин нахмурился, пытаясь вспомнить имя. – Ну, как же ее... красивая... О, Кэтрин Зета-Джонс!

– Не знаю такой, – покачала головой Дарья Олеговна, откладывая редиску в тарелку. – Я из заграничных только Мэрилин Монро помню. Уж больно сисяста была, если сбоку посмотреть, – добавила она с осуждением.

Макар с Бабкиным переглянулись и захохотали.

Липа Сергеевна услышала гогот из Дарьиного дома и вздрогнула. Ну надо же. Везде приезжие! Сколько их в Игошино понаехало нынешним летом – прямо на удивление.

Она, кряхтя, распрямилась над кустиками картошки, отбросила в сторону сорняк и огляделась. Вот к Даше племянник приехал. С товарищем, молоденьким совсем. Товарищ вроде ничего, приличный, дебоширить не должен. В дачников дом, что на другой стороне улицы, городские заселились, женщина молодая с ребенком и мать ее. Ну, их-то не видно и не слышно, они все с больной деткой возятся. Марья Ковригина свой дом сдала, уехала к детям, а у нее теперь парень молодой ходит по огороду, сказал – Родионом зовут. Тоже, получается, на целое лето приехал. Ну, Балуковых можно не считать – у них всегда сын гостит с семейством, их тоже многовато получилось: сами Балуковы-старшие, Алексей Георгиевич с Галиной, сын Васька с женой Катериной, а с ними и трое детей. Хотя Кирилл ихний совсем уж взрослый, лет девятнадцать, поди, стукнуло. Да и Балуковы-старшие, Алексей Георгиевич с Галиной. Много, много их там... Вроде больше нету приезжих. Или кого забыла?

Липа Сергеевна подумала и окликнула мужа, возившегося в бане.

– Вань! Иван Петрович!

– Чего тебе? – высунулся старик из двери.

– А вот скажи-ка, кроме дачникова дома и Марьи Ковригиной развалюхи, еще куда приехали, а?

Иван Петрович задумался, провел морщинистой рукой по лысине.

– К Дарье приехали, – кивнул он наконец на соседский дом. – Говорят, на месяц.

– Про Дарью сама знаю, – отмахнулась Липа Сергеевна. – А больше

нет? Кажись, еще есть приезжие рядом, а вспомнить не могу.

– Да как же! – хлопнул себя по лысине Иван Петрович. – Ты, мать, совсем стала стара. У Егоровых-то приезжих – полон дом! Бабенка какая-то с сыном, да и старуха.

Вот! Вот что не могла вспомнить Липа Сергеевна! Бабенка с сыном – это ладно, это ерунда. А вот старуха – это куда интереснее. Родную мать, значит, Вероника в деревню привезла. Вот как оно получилось...

Липа Сергеевна усмехнулась, покачала головой и вытащила еще один сорняк из земли. Ох и интересно будет у соседней нынче летом!

Маша сидела на качелях, с которых только что с трудом согнала Костю, и пыталась разглядеть застекленную веранду сквозь ветки деревьев. Там, на веранде, собиралась хлопотать Вероника, но Маше казалось, что веранда пуста. И сколько она ни приглядывалась, так и не могла разглядеть – есть там кто-нибудь или нет. Конечно, чего же проще было, чем спрыгнуть с качелей и подойти к дому, но делать этого Маше не хотелось. Как не хотелось сейчас и заходить в прохладные уютные комнаты, хотя на улице стояла жара.

– Ма, я пойду с Димкой побегаю на улице! – крикнул Костя, перепрыгивая через клумбу.

– Побегай, только осторожно, – рассеянно ответила Маша. – Через полчаса приходи, купаться пойдем.

Она знала, что дом достался Мите Егорову в наследство от родителей. Он был большой, с верандой и мансардой, со скрипящими половицами, на которых аккуратно разложены полосатые коврики, нежно именуемые половичками. И очень уютный. Много лет подряд сюда свозились из городских квартир вещи, которые в городе смотрелись старьем, хламом, но хламом, который жалко выкинуть на помойку. Здесь они оживали, и их новая жизнь была куда необычнее, чем прежняя.

Старые столики с изогнутыми ножками, древний комод, прабабушкин трельяж с потемневшим зеркалом, фарфоровые безделушки на полках – все было несовременное, но очень родное, свое. Наверное, новый коттедж на окраине деревни – двухэтажный, каменный, с подогреваемыми полами и сауной в подвале – был удобнее для жизни, комфортнее, как стало принято говорить последние годы. Но в коттедже Маше не хотелось бы жить летом, несмотря на все блага цивилизации, присутствовавшие в нем. А в доме Егоровых – хотелось.

С Вероникой они познакомились на работе, когда Маша только начинала писать сценарии для детской передачи, сама не веря, получится

ли у нее что-нибудь. Но получилось. Диалоги веселых зверят, написанные ею, смешили весь отдел, от режиссера до оператора. Передача шла всего семь минут, но в эти семь минут Маша успевала уложить маленькую историю или трогательную сказку, которые всегда нравились детям.

А Вероника Егорова придумывала сценарии, которые на рабочем языке обозвали «культпросвет». В ее сценариях герои объясняли, отчего дует ветер, почему вода в море соленая, а в реке – нет, откуда взялись динозавры и так далее. Разыскивая такие сюжеты, заодно и Вероника узнавала много нового для себя, потому что понятия не имела ни про ветер, ни про воду, ни тем более про динозавров. Откуда взялись, откуда... Из яиц вылупились!

Они познакомились с Машей и, несмотря на то что Вероника была на восемь лет старше, стали созваниваться по поводу и без, что у женщин всегда означает начало хорошего приятельства. Обменивались идеями для сценариев, бранили редакторов, обсуждали собственных и чужих детей. Как ни парадоксально, именно Маша относилась к Веронике чуть покровительственно, считая ту слишком впечатлительной, податливой, незащищенной. Да и муж у Вероники был ей под стать – невысокий, полноватый. Он напоминал Маше актера из любимого фильма «Ирония судьбы» с очень подходящей его внешности фамилией – Мягков. Дмитрию Егорову, которого жена называла Митей, она бы тоже подошла.

И дети у Вероники и Мити получились им обоим под стать: что Иришка, что Димка. Димка еще был поживее, хотя тоже чересчур самоуглубленный, по мнению Маши, а вот Ира выросла и вовсе несовременной девочкой. Слушала старые советские песни, фальшиво подпевая «Наде-ежда, мой компас земной...», вышивала крестиком котят, бессмысленно тарачившихся из рамок со стен ее комнаты, готовилась поступать в педагогический, чтобы потом сеять разумное, доброе, вечное. «Зануда», – говорил про Ирину Костя, и Маша про себя признавала за сыном некоторую правоту. Сейчас девочка сидела в своей комнате и читала учебник перед экзаменом, на который папа должен отвезти ее в город через две недели.

«Где же все остальные? – встрепелась Маша, выбираясь из качелей. – Ирина у себя, Дима с Костиком бегают на улице. А Вероника с Митей? Неужели тоже дома в такую погоду? Надо их на речку позвать...»

Но прежде чем она успела сделать шаг по направлению к дому, за ее спиной раздался язвительный женский голос:

– Что, делом собралась заняться? Давай-давай, давно пора. А то понавезли гостей – ничего не делают, только жрут да на качельках сидят.

Тунеядцы.

Маша обернулась и встретила насмешливый взгляд темных глаз. Она подумала секунду, но сдержалась и не стала отвечать. Толкнула качели и быстро пошла к дому.

«Возлюби ближнего своего, как самого себя». Два дня я мысленно повторяю эти слова, но сегодня поймала себя на том, что говорю их бездумно, как заученный текст. И ужаснулась. Враг рода человеческого искушает меня: я представляю картины, которые должны вызывать омерзение, но они наполняют мою душу радостью и облегчением. Я много молюсь эти дни, я стала меньше есть, чувствуя, что от голода голова становится легкой и светлой. Но лишь до тех пор, пока я не вижу ту женщину за оградой.

И тогда страшное чувство охватывает меня – мне кажется, будто все мои молитвы напрасны. Я слышу ее голос, и ее слова проникают в мою душу, как корни сорняка в землю, и вытягивают из нее все соки. Я слабею, но мне нельзя быть слабой, ни в коем случае нельзя. Дай мне силы, Господи. Дай мне силы....

Но демон напротив меня смеется, и я не слышу ответа на свою молитву. Лишь отвратительный хриловатый смех, разрушающий все, что я так долго и с таким трудом строила. Господи, прости меня, я так хочу убить его, чтобы спасти всех нас! Господи, прости меня... Господи, дай мне силы остановиться.

Глава 4

Рожала Вероника мучительно. Она старалась никогда не вспоминать, как заходила в крике от невыносимой боли и как орала на нее стоявшая рядом санитарка. Долгое время одна мысль о втором ребенке приводила Веронику в ужас – слишком сильны были воспоминания о первых родах.

Когда Митя увидел ее на пороге роддома со свертком в руках – бледную, с запавшими глазами, с убогим хвостиком на затылке, – то чуть не расплакался от жалости к жене. И только потом вспомнил, что в кулечке с розовыми бантиками лежит его собственный ребенок. Девочка спала, и крошечное личико размером не больше его собственного кулака показалось Мите Егорову красивым, как и лицо его жены. «Слава богу, теперь все наладится», – подумал он, сам толком не зная, что именно наладится, но твердо веря, что теперь все будет хорошо.

Все и правда было хорошо первые три дня. Ребенок спал, ел, громко причмокивая, и опять спал. Митя гладил бесконечные пеленки, соседи по общежитию заглядывали раз в полчаса, чтобы поздравить молодых родителей и сообщить Мите, что его дочка – вылитая мать. Как будто он сам не знал!

А на четвертый день Вероника заболела. Температурила, смотрела воспаленными глазами, тряслась в ознобе и стонала во сне, дотрагиваясь до груди. Вызванный врач покачал головой и сообщил:

– Мастит у вас, мамочка, и очень запущенный. Будем в больницу отправлять. Куда ж вы раньше-то смотрели? Собирайтесь, спускайтесь к машине.

После отъезда жены в больницу для Мити Егорова началась сумасшедшая круговерть. Он договорился на работе и нянчил ребенка, но перед глазами вставало лицо Вероники – исхудавшее, со впалыми скулами. Пару раз он договаривался с женами друзей и оставлял Иришку на них, а сам мчался в больницу, вылавливал врачей, жадно выслушивал прогнозы и потом сидел у кровати жены, чуть не плача оттого, что нужно ехать обратно. Если бы Митя мог разорваться, он бы разорвался, потому что оставлять Веронику на казенный больничный присмотр было не в его силах. Он занял денег, таскал нянечкам и медсестрам конфетные коробки, но деньги быстро закончились, а на свою зарплату инженера он не мог купить жене достойный уход. И тогда Митя в отчаянии вспомнил про Юлию Михайловну...

Выгнав нахала зятя из квартиры, Юлия Ледянина затаилась сигаретой и выпустила дым в свое отражение в зеркале на шифоньере. Значит, хвост Веронике прижало... Ничего, ничего, девочке только полезно повзрослеть, да и ее супругу тоже. Ничего смертельного в их ситуации нет – подумаешь, в больнице за ней не ухаживают как следует, а мужику с ребенком тяжело. Значит, не нужно было рожать. Каждый человек должен сам отвечать за свои поступки – Юлия Михайловна знала об этом с юности. А то как замуж выскакивать на пятом курсе, Вероника сама справится, а как сложности начались – так Юленька помогай.

Нет уж, дудки! Вот припрет их по-настоящему – тогда поможет, а сейчас пусть сами выкручиваются. Заодно проверят, такой уж ли крепкий у них брак. Уж если оставаться одной, так не в сорок и не в тридцать, а в двадцать пять – тогда еще есть шанс приличного мужика найти, даже если сама с дитем. А Вероника наверняка останется одна – не выдержит этот хлюпик испытаний, нет, не выдержит. Нормальный парень деньги бы зарабатывал, вагоны разгружал, а этот к матери жены приклепал. Ну надо же, выбрала Вероника слизняка!

Юлия Михайловна потушила сигарету в пепельнице и открыла шкаф. Предстояло выбрать одежду для свидания, а к такому делу в ее возрасте нужно подходить ответственно.

Тяжелое время Вероникиной болезни закалило обоих – и Митю, и Веронику. Когда жена вернулась домой из больницы, Митя на радостях устроил торжественный ужин – с макаронами, посыпанными сыром, и банкой кильки в томатном соусе. Хорошо еще, что на кильку денег хватило: после того, как он раздал долги, они с Вероникой остались почти ни с чем. Кильки Митя художественно разложил на плоском блюде, взятом у соседей, и когда Вероника увидела цветок из рыбешек, то начала смеяться так заразительно, что за ней засмеялся и он, хотя за занавеской только что заснула Иришка, а будить ее не стоило – раскапризничается, захнычет. Но они смеялись, смеялись от души, будучи в полной уверенности, что тяжелое время закончилось.

Про мать Вероника старалась не вспоминать. Митя рассказал ей о том, как теща высмеяла его и выставила вон, только спустя полгода. Жена выслушала его рассказ, покивала, помолчала. Потом сказала:

– Знаешь, Митенька, это даже хорошо. Не будет у нас с тобой лишних иллюзий.

В общежитии они жили долго – до тех пор, пока Мите не дали крохотную квартиру, в прихожей которой было не раздеться, а в кухне – не

приготовить толком еды, настолько они были малы. Но Вероника и Митя были счастливы. На радостях Вероника позвонила матери, с которой не созванивалась уже несколько лет. Но Юлия Михайловна разделить радость дочери не пожелала: сообщила, что куда-то опаздывает, и потребовала больше из-за всякой ерунды ее не беспокоить.

– Квартиру получили, три на два метра... – фыркнула она в трубку. – Десять лет ждали и дождались наконец. Неудачник твой муж, так и передай ему.

Вероника зареклась разговаривать с матерью, но ничего поделать с собой не могла: на каждый Новый год и день рождения Юлии Михайловны стала звонить и поздравлять. Когда мать была в хорошем настроении, она могла мило поболтать с Вероникой, и тогда дочь узнавала от матери о новых событиях в ее жизни. Юлия Михайловна успела выйти замуж и развестись, устроиться на новую работу, бросить ее и вернуться к старой. Если была в плохом, она отрезала: «И тебе всего хорошего» – и бросала трубку. Однажды Юлия Михайловна ни с того ни с сего набросилась на Веронику и наговорила такого, что Вероника после разговора чуть не расплакалась и долго сидела на табуретке, прижимая ладони к горящим щекам. «Курицей меня назвала... Кургузой идиоткой... За что? Что я ей плохого сделала?»

– Веруня, зачем ты ей звонишь? – спросил тогда Митя. Сам он никогда первым не вспоминал про Юлию Ледянину. – Она ведь даже не мать тебе, а биологический производитель. Так зачем? Не понимаю.

Вероника задумалась.

– Знаешь, Митя, наверное, из-за чувства долга, – призналась она в конце концов. – Меня бабушка так приучила. Постороннему человеку стыдно рассказать: живем с матерью в одном городе и созваниваемся два раза в год!

– Ты бы, Вероника, поменьше о посторонних думала и побольше о себе, – посоветовал Митя.

Она не совсем поняла, что имел в виду муж, но переспрашивать не стала, поскольку знала: после случая с больницей Митя возненавидел тещу. Они никогда не говорили об этом, но она все чувствовала, и такая ненависть в спокойном, мягком муже ее немного пугала.

Годы шли. Вероника родила Димочку, Митя сменил работу, уйдя наконец с опостылевшего завода, и принялся «крутиться». Несмотря на все его усилия, больших денег в семье не появлялось, но на жизнь хватало, и Вероника гордилась мужем. Да, не Рокфеллер – но Рокфеллер ей и не нужен был. А уж когда Митя сообщил о своих планах купить в кредит

трехкомнатную квартиру, в которой наконец-то хватило бы места для всех, и показал Веронике расчеты, она окончательно убедилась в том, что ее муж не неудачник, как злобствовала Юля, а Мужчина с большой буквы. Только настоящий Мужчина может столько сделать для своей семьи, сколько ее Митенька. Конечно, пугал кредит, взятый на такое огромное количество лет, что даже заглядывать в это будущее становилось страшно, а не то что думать о собственном материальном достатке. Но в конце концов аргументы мужа перевесили, и семья Егоровых переехала в новую квартиру.

С того времени об отпусках и вожделенных поездках на море пришлось забыть. Денег еле-еле хватало на выплату ежемесячных взносов. Зато у них имелась прекрасная дача в Игошине, и уж кому-кому, а Веронике было грех жаловаться: живут в своей квартире, при машине, да и дети все лето в деревне, на свежем воздухе. Что еще надо? Иногда подкрадывалось предательское желание: «Поехать бы в Италию! Хоть одним глазком на Венецию взглянуть!», но Вероника такие мысли отгоняла. Может быть, потом, когда ребятишки подрастут, когда они с мужем кредит выплатят... А сейчас нужно работать, а не пустыми несбыточными мечтами голову забивать.

Ей стукнуло сорок, Мите – сорок пять. Оба были вполне довольны жизнью, и если б не постоянная напряженная работа, считали бы себя счастливыми людьми.

Пока в их жизни не появилась Юлия Михайловна Ледянина.

К шестидесяти четырем годам у Юлии Михайловны болело все, как будто сама она превратилась в болезнь. Юлия с трудом ходила и старалась реже вставать с кровати. Давление бешено прыгало вверх-вниз, спина при любом неловком движении отзывалась болью, голова по утрам была тяжелая и какая-то мутная, словно в нее залили застоявшейся аквариумной воды.

В один пасмурный день Юлия Михайловна позвонила дочери и велела приехать...

Вечером Вероника ждала Митю, а в ушах стоял тихий звон, будто, внутри у нее оказался колокол. Она время от времени встряхивала головой, затыкала уши, но звон прекращался на пару минут, а потом возвращался обратно. Из-за него она даже пропустила момент прихода мужа, не услышав, как поворачивается ключ в замке.

– Вероника, ты что? – спросил Митя, увидев лицо жены. – Что с тобой?

– Митя, – одними губами произнесла она. – Митя, она хочет к нам переехать.

Дмитрий Егоров отказывался верить своим ушам. Переехать к ним?! С какой стати?! Только потому, что она больна настолько, что больше не может сама за собой ухаживать?

– Веруня, конечно, мы будем ей помогать, – как можно убедительнее сказал он. – Какой бы она ни была, но она тебя родила, я все понимаю. Будем приезжать, лекарства привозить, продукты...

Он осекся, увидев, с какой тоской смотрит на него Вероника.

– Митенька, ты не понимаешь, – покачала она головой. – Ты ее не видел. Она развалина, понимаешь? Ходит с трудом, еду готовит с трудом... Зашла при мне в туалет, а потом... – Вероника закрыла глаза рукой. – Митя, ее хватит еще на пару месяцев в лучшем случае, а потом она превратится в лежачую больную. Мы же не можем с тобой бросить лежачую старуху умирать одну! А она будет именно умирать, потому что ее пенсии хватает только на еду. Она же в жизни не работала!

Вероника с трудом сдержала всхлип. Дмитрий отодвинул тарелку с нетронутой едой и встал.

– Ну вот что, – тоном, не терпящим никаких возражений, заговорил он. – Независимо от того, что ты думаешь об этой женщине, в нашем доме она жить не будет. Она тебе не мать и никогда ею не была. Бросить ее, как ты говоришь, мы тоже не можем. Поэтому сделаем так: найдем сиделку, которая будет ухаживать за ней за квартиру. Я помню, какая огромная у нее трешка. Уверяю тебя, желающих найдется – вагон и маленькая тележка. Вот и все решение проблемы.

Он выдохся и сел, с тревогой глядя на жену, все еще закрывавшую глаза ладонью. Наконец она убрала руку, и Митя Егоров увидел в ее глазах отчаяние.

– Митенька, ничего не получится, – из глаз Вероники текли слезы. – Митенька, милый, она квартиру продала. Нет у нее квартиры. Нечем нам платить сиделке.

Юлия Леядина надумала уехать в Данию в двухтысячном году. Продала квартиру, получив за нее такие огромные деньги, каких в руках не держала. И решила тряхнуть стариной напоследок, утереть нос молодым стервам. Гуляла-кутила, пока хватало сил, а через четыре месяца спохватилась, но к тому времени сожитель уже укатил в Данию без нее. А одну Юлию Михайловну, как выяснилось, никто за границей не ждал и объятий для нее не распахивал.

Расстраиваться из-за этого она сочла большой глупостью. Ну что ж, значит, не покинет родимый СССР, то есть теперь уже Россию. Ничего, жить и здесь прекрасно можно, были бы деньги. А деньги были. Правда, купить на них трехкомнатную квартиру уже не получалось, и даже на двухкомнатную не хватало, поэтому Юлия Ледянина, недолго думая, сняла квартиру в аренду – хорошую квартиру, с большими окнами и высокими потолками.

Спустя шесть лет она уютилась в комнатке, куда ее пустили родственники старой приятельницы. Комнатушка была тесная, пыльная, вся забитая хламом, и Юлия Михайловна брезгливо морщила нос, открывая дверь в этот уют, как она называла свое жилье. В остальной квартире гадко пахло кошками, ходила туда-сюда нечесаная опухшая хозяйка, баба неопределенного возраста, и смотрела на Юлию Михайловну, как на пустое место.

Когда старая приятельница заявила, что больше родственники держать у себя «за бесплатно» Юлю не будут, она позвонила дочери. В конце концов, пусть позаботится о родной матери, раз за всю жизнь ни разу не позаботилась.

* * *

Маша, Костя и семейство Егоровых сидели за столом на веранде, доедая завтрак, а старуха устроилась около углового окна, оглядывая окрестности. Не зря она заставила зятя принести сюда кресло. Веранда в доме Егоровых высокая, и можно видеть, чем занимаются все соседи. «Капитанский мостик», – хмыкнула про себя Юлия Михайловна, а вслух сказала:

– Опять Царевы своего дебила гулять повели. Надо же, урод какой.

– Юля, он не урод, – не сдержалась Вероника, хотя Митя предостерегающе посмотрел на жену. – Он больной пятилетний мальчик. Как ты можешь такое говорить, да еще при детях? Его мама, Светлана, к нам заходила и угощала Ирину с Димой крыжовенным пирогом.

Мать расхохоталась.

– Какая ты у меня правильная, Верка! Заходила, угощала... Больной, никто не спорит. Но ведь все равно урод, правда? На него смотреть противно. Спроси хоть у собственного сына. Слышишь, Димка, тебе на этого кривобокого смотреть нравится?

Мальчик молчал, перемешивая манную кашу с вареньем.

– Вот, – удовлетворенно констатировала Ледянина. – Ребенок врать не будет. Урод – он и есть урод. Для них лучше было бы его в детдом отдать. Надо им посоветовать, а то сами, поди, не догадаются. А вот и главная выползла...

Маша невольно посмотрела в окно.

Елена Игоревна Царева, бабушка маленького Егора, всегда держала спину так прямо, что Маше казалось, будто той приколотили к позвоночнику доску. Лицо суховатое, не улыбочное. Да и с чего ему быть улыбочным, если у единственного внука – болезнь с обрубленным названием ДЦП, и он целыми днями сидит, скривившись на правую сторону и время от времени двигая нижней челюстью? От Светланы, его матери, Маша знала, что мальчик не говорит и даже не мычит, как ни бьется с ним бабушка. Только пускает слюни и скашивает глаза на что-то, видимое ему одному.

Елена Игоревна присела перед внуком на корточки, задрала штанину на его правой ноге и начала разминать стопу. Нога была костлявая, белая, и Маша смущенно отвела взгляд.

– Надо же, какой сегодня день на уродов богатый! – в полной тишине прозвучал резкий насмешливый голос Юлии Михайловны. – Все сегодня на огородах!

Вероника проследила за ее взглядом.

– Балукеры всегда с раннего утра работают, – ровно сказала она. – У них хозяйство большое, деревенское.

– Это старшие работают, дед с бабкой, – возразила мать, всматриваясь в соседей. – Да и сын с невесткой им помогают. А сегодня все отродья их повылазили – и внук, и внучки. Лучше бы дома сидели, рожи свои не показывали. У старшего вообще харю от задницы не отличить – какой стороной ни поверни, внутри кал найдешь.

Ирина поморщилась, а Костик усмехнулся под осуждающим взглядом Маши. Дмитрий Егоров хотел что-то сказать, но сдержался.

– Надо же столько нарожать, – продолжала Юлия Михайловна с искренним удивлением. – Трое детей, один другого гаже. Тьфу!

– Неправда, – вмешалась Маша, хотя давала себе обещание молчать в тряпочку. – Младшая девочка, Вася, у них хорошая.

– Так ей три года всего. А подрастет – и будет копия сестры. Как ее там, Ольга, что ли? Четырнадцать лет девке, а ей все коровы завидуют. Им-то такое вымя не светит, хоть обдергай их за соски! Да и дырка у нее, верно, как дупло свиное...

– Замолчите! – рявкнул неожиданно Митя, так что его дочь вздрогнула

и уронила ложку. – Не смей такие мерзости при моих детях говорить! У вас что ни слово – так...

– Дерьмо, – подсказала Юлия Михайловна, с удовольствием наблюдая за покрасневшим Митей. – Ну скажи, скажи... – подзадорила она зятя. – Что, боишься ротик свой испачкать? Суслик!

Димка, все время сидевший, уткнув глаза в тарелку, вскочил и бросился с веранды. Простучали по деревянным ступенькам его ботинки, и наступила тишина.

– Я... это... – встал Костя. – Короче, я наелся. Спасибо, тетя Вероник, очень вкусно было.

Он вышел с веранды, а за ним тихой тенью скользнула Ирина. Вероника хотела крикнуть дочери вслед, что нужно готовиться к экзаменам, но вместо этого счистила кашу с тарелок в ведро и встала к раковине. Прекрасный семейный завтрак, пожалуй, был закончен.

Опять она там – сидит у окна и высматривает, вынюхивает... Что вынюхивает? Не знаю. Но ее интерес к нашей семье мне не нравится, очень не нравится.

Что случится, если она узнает то, что мне нужно скрыть? Конечно, тогда придется убить ее. Она старая, не сможет сопротивляться. А меня никогда не заподозрят. Может, до того, как я убью тех двоих, убить ее? Заранее, чтобы потом ничего не мешало. Нет, наверное, не стоит. Поднимется шум, и мой план может не осуществиться, моя мечта не сбудется. Ужасно. Как я тогда буду жить?

За свою мечту я могу убить кого угодно, потому что мне пришлось так долго идти к ней! Но теперь она близко. Если только мне не испортит всю обедню глупая любопытная старуха, которой нравится везде совать свой нос.

Не нужно бы ей ничего знать о нас – дольше проживет.

* * *

Сергей Бабкин с утра наколот дров, а Макар, несмотря на горячие возражения Дарьи Олеговны, натаскал воды из колодца. К прополке огорода тетушка их не допустила, категорично заявив, что молодежи в деревне нужно отдыхать. Вот пусть и отдыхают – на озеро сходят, вместо того чтобы топорами махать. Дров-то, чай, она и сама могла бы наколоть...

– Боевая у тебя тетушка, – заметил Макар, пыля босыми ногами по

дороге на озеро. – Я бы тут помер от тоски, если б все лето жил один.

– Да ладно, она же не одна, – отмахнулся Бабкин. – Соседи есть, она с ними беседует. Думаешь, в городе лучше? Все то же самое. Разве что с телевизором поговорить можно, – философски закончил он.

Проселочная дорога закончилась, и теперь они шли по полю, заросшему высокой травой и васильками. Солнце палило, но на горизонте собирались тучи. Высоко над головой Макара плыло кучевое облако – пышное, как сахарная вата. В траве звенели кузнечики, деловито гудели басовитые шмели.

– Красота, – довольно пробурчал Бабкин, оглядывая поле с таким видом, как будто это было его поместье. – Главное – народу нет. Щас как спую во все горло....

Он открыл рот, но в ту же секунду Макар, внимательно присматривавшийся к раскидистой липе, растущей посреди поля в ста метрах от них, дернул его вниз.

– Макар, ты чего? – интуитивно понизил голос Сергей, приседая на корточки. Трава стеной стояла вокруг них, и они теперь ничего не видели, кроме ватного облака.

– Не знаю, – нахмурился Макар. – Показалось, что человек крадется около липы. Спрашивается, с чего это ему ползать в траве, если тропинка есть?

– Наверное, ребяташки местные играют, – объяснил Бабкин, осторожно приподнимаясь и пытаясь разглядеть липу. Там никого не было. – Ты тоже в войнушку поиграть захотел?

Макар попытался опять воспроизвести перед глазами картину, которая заставила его нырнуть в траву. Сергей сел рядом, выжидающе глядя на него.

– Не знаю, Серег, – признался наконец Илюшин. – Может, мне про браконьеров что-нибудь вспомнилось?

– Да ну тебя, какие браконьеры? Или ты полагаешь, у нас тут игошинские слоны бегают, бивнями трясут?

Сергей встал во весь рост, за ним нехотя поднялся Илюшин. По полю катились волны от ветра, и около липы ничего подозрительного не было.

– Давай подойдем посмотрим, чтоб не думалось, – предложил Бабкин, глядя на нахмуренное лицо Макара. – Чего тут, две минуты...

И, не дожидаясь реакции друга, двинулся по полю, оставляя за собой след из примятой травы. Илюшин пошел за ним.

«Почудилось Макару, – думал Бабкин. – Тихо, нет никого. Даже ребяташек. Да и зачем кому-то...»

Додумать он не успел. До липы оставалось десять шагов, когда из травы им навстречу поднялся человек, отряхивая сор с коленок. Он выпрямился во весь рост, посмотрел, прищурившись, на Макара с Сергеем, вставших, как вкопанные, и саркастически спросил:

– Ну что, господа сыщики, выследили серийного маньяка?

Родион Копушин не любил людей, превосходивших его в чем-либо. Он старался выискать в каждом из них недостатки, которые бы сводили на нет все их достоинства, а найдя, радовался, как может радоваться золотоискатель, обнаружив жилу. Недостатки означали, что эти люди не лучше его самого, а даже хуже, хотя со стороны и кажется, что ему, Родиону, до них далеко.

Крепкого мужика за забором напротив снятого им дома он заметил еще вчера и сразу решил, что такой здоровяк должен быть туп, как колода. «Пиво, бокс, дешевые шлюхи... И мочится мимо писсуара в общественных уборных. Может, ходит в спортзал по выходным – руки-то вроде накачаны», – быстро нарисовал для себя портрет детины Родион.

Таких крупных людей Копушин не переносил, потому что их превосходство над ним сразу бросалось в глаза: сам он был тощий и сутулый. Мысль, что внешность здоровяков компенсируется убогим интеллектом, поднимала самооценку Родиона.

Приятель здоровяка был ненамного старше самого Копушина – лет двадцати пяти от силы, и на выискивание его недостатков Родя не стал тратить времени: и так видно, что парнишка ничего особенного собой не представляет. Худой, белобрысый, на голову ниже своего быковатого дружка.

– Ящериц ловите? – неожиданно открыл рот «парнишка», хотя Родион был уверен, что разговор начнет здоровяк. – Кстати, у вас земля на штанах.

Взгляд его Копушину не понравился – очень уж внимательный и... изучающий. Это он их должен изучать, а не они его!

– Ничего страшного, отряхну, – широко улыбнулся Родион. – Я вас не очень задерживаю? Вы, кажется, на озеро шли. Сегодня вода очень теплая.

– Что ж вы здесь, на жаре, загораете, а не там? – удивился здоровяк. – Мы думали, может, вам помощь нужна.

– Да просто прилег отдохнуть на обратной дороге, – признался Роман. – Устал по жаре идти – со здоровьем у меня не очень. Задремал, а как голоса услышал, так проснулся. Даже испугался немного, честно говоря.

Он опять улыбнулся, всем своим видом показывая, «видите, какой я...

нелепый, в общем-то, и совершенно безобидный».

– А вы ведь тоже из Игошина, правда? – спросил он.

– Угу, – подтвердил здоровый. – Меня Сергеем зовут.

Он протянул для рукопожатия широкую ладонь, и Копушин постарался сжать ее как можно сильнее.

– Макар, – представился «парнишка».

– А я – Родион, – сказал Копушин. – Родион Раскольников.

Искупавшись в чистой озерной воде, которая в действительности оказалась холодной, Макар принялся скакать на солнце, чтобы согреться. Бабкин снисходительно наблюдал за ним из тени, стоя под ветвями ивы.

– Странный тип этот Родион, – заметил он. – Слышишь, Макар?

– Ага, – отозвался тот. – Мерзкий. Также мне, студентик, будущий известный журналист. Фамилия громкая ему нравится!

– Ты думаешь, она не его собственная?

– Уверен, что нет.

Макар остановился и повернулся к солнцу спиной, чтобы позагорать.

– Если бы у его родителей была такая фамилия, они бы ни за что в жизни не назвали сына Родионом, – пожал он плечами. – Достоевского в школе все проходили. Нет, он сам себе ее придумал. Очень самовлюбленный парень, по всему видно.

Бабкин подумал и мысленно согласился с Илюшиным. Раскольников ему тоже не понравился – какой-то и впрямь болезненный, а улыбка неприятная: губы растягивает, а глаза не улыбаются.

– Но это все чепуха, – продолжил Макар, уходя от солнца в тень бабкинской ивы. – Вопрос не в том, почему сей милый вьюноша корчит из себя бог знает что.

– А в чем?

– Вопрос в том, Серега, что под деревом было два человека, а не один. Понимаешь? Два. И пока мы подходили, второй успел убежать.

Глава 5

Светлана разминала Егору ноги так, как показывала ей мать. При этом нужно было читать молитву, но в молитву она не верила, а читать через силу не получалось. «Господи, спаси и сохрани», – формально произнесла она про себя самое простое, что знала, и посильнее нажала на кость. Мальчик дернулся, толкнул ее, и Светлана, потеряв равновесие, упала на спину, больно ударилась о какой-то пенек, незаметный в траве.

– Смотреть на твои мучения жалко, – раздался хриловатый голос за оградой.

Светлана подняла голову и опять увидела ее – соседку, которая разговаривала вчера с матерью. После разговора мать ходила чернее тучи, а вечером встала на колени перед иконой и долго молилась, отбивая поклоны. Так долго, что Светлана уснула, а когда проснулась в полночь от стонов Егора, увидела темную фигуру матери, застывшую на полу. Она испугалась, что мать потеряла сознание, бросилась поднимать ее, но та только шикнула на дочь, и Светлана стыдливо отошла в сторону.

Женщина сидела в плетеном кресле и обрывала малину с куста. Спортивные штаны и бледно-желтая майка навыпуск казались старыми, затасканными. «Но, наверное, в молодости красавица была», – подумала Света, разглядывая соседку. Впрочем, лицо у той и сейчас было запоминающимся, ярким, несмотря на возраст. Грубоватые черты, резкий, временами хриплый голос и какая-то постоянная издевка то ли в глазах, то ли в интонации.

– Что, мать грехи замаливает? – насмешливо спросила женщина.

– Зачем вы так? – тихо спросила Светлана. – Другая бы на вашем месте пожалела...

– Нечего вас жалеть, – отрезала Юлия Михайловна. – Каждая из вас знает, что нужно сделать, а все равно лицемерит. Вдобавок и сочувствия просите... Тоже мне, фальшивые страдалницы! Ты баба молодая, а хоронишь себя заживо с инвалидом. Знаешь ведь, что не вылечить его, так зачем мучаешься? И не любишь его ни капельки.

– Неправда! – выкрикнула Светлана, делая шаг назад, к коляске Егора.

– Да ладно тебе, – усмехнулась соседка. – Вижу, что мать тебя заставляет его любить. А самой-то тебе жизни хочется, счастья. Отдала бы ты его в детский дом, – буднично посоветовала она, вставая из кресла, – и всем стало бы хорошо. Тебе – потому что жить бы начала. Ему, – она

кивнула на молчаливого, криво сидящего в коляске ребенка, – потому что все равно, где мучиться. А матери твоей – потому что вроде как не она грех на душу взяла, а ты.

Светлана ожесточенно замотала головой. Юлия Михайловна глянула на нее, усмехнулась и пошла на другую сторону сада, подумав, что обход стоило сделать традицией хотя бы потому, что он веселил ее.

Кирилл Балуков, старший сын Катерины и Василия, заметил бабку с соседнего участка, когда она подошла к сетке забора вплотную. «Опять приперлась», – подумал он и про себя выматерился – не потому, что ему что-то не нравилось, а просто потому, что он привык мысленно прибавлять пару крепких слов по любому поводу. С ними было как-то легче.

– Эй, ты что не здороваешься? – сурово спросила старуха. – Язык отсох?

– Здравсьте, – хмуро пробурчал Кирилл. – Я вообще-то не «эй». У меня имя есть.

– И как же тебя зовут?

– А вам зачем? – нагло вато поинтересовался он.

Старуха откинула голову и захохотала. Вообще-то она была не такая уж старуха – выглядела моложе бабушки, да и смеялась не по-старчески. Она его злила – своими вопросами, хохотом без причины, а самое главное – тем, что уже третий день торчала за сеткой и смотрела за ними, смотрела во все глаза. А они у соседки темные, с хитринкой, как у Бабы-яги на картинках в детской книжке.

– Я не понял, чего смешного-то... – протянул Кирилл, стараясь подбавить в голосе угрозы.

– Не понял, потому что дебил, – хладнокровно ответила старая сволочь. – Как тебя по батюшке? Васильевич? Значит, Дебил Васильевич.

Кирилл сначала растерялся, а потом обозлился. Украдкой оглянувшись, чтобы проверить, нет ли рядом деда, он подошел поближе к забору и вполголоса, с наслаждением выплюнул изо рта самый грязный мат, который пришел ему на язык. Но проклятая бабка даже не покраснела – стояла, скалясь по-прежнему, и вроде бы даже получала удовольствие от того, что слышит.

– Поговори, поговори еще, – предложила она. – Вот расскажу деду про твои игры, тогда по-другому запоешь. Вот то-то же... – добавила она, заметив смятение на лице парня.

– Да пошла ты! – пробормотал Кирилл, потому что больше ему ничего не пришло на ум. Но голос его прозвучал испуганно. Блин, как же он сам

не сообразил, что противная старуха целыми днями на участке сидит да по сторонам глядит? Но вроде темно вчера было...

У калитки показался дед, и Кирилл торопливо пошел прочь от забора. Получается, она его видела вчера? И теперь может деду рассказать? Черт, что же делать?

Вслед ему донесся негромкий хрипловатый смех.

– Опять она соседей дразнит, – озабоченно сказал Митя, чистя картошку около раковины. – Скоро будет ходить к тем, кто на другой стороне улицы живет. Перессоримся мы со всеми, чует моя душа. Ты слышала, что она вчера Елене Игоревне советовала?

Вероника молча кивнула. Она слышала и пришла в ужас. Сказать бабушке больного ребенка, что лучше всего придушить его, – такое не помещалось у нее в голове. «Боже мой, откуда в ней столько злобы?!»

На ступеньках раздались тяжелые шаги, и Вероника вздрогнула – Юлия Михайловна шла в дом.

Маша сидела в мансарде и писала сценарий. Егоровы выделили для нее одну из двух верхних комнат – чистую, светлую, выходящую окошком на улицу. Маша была рада этому, потому что по саду постоянно расхаживала Юлия Ледянина, а любоваться матерью Вероники из окна Маше совершенно не хотелось.

«Ежик берет в руки метлу», – написала она и задумалась на секунду. Ну да, берет метлу и как следует стучит метлой по голове зайчику, который не убрал за собой комнату. Маша хмыкнула и стерла предложение. «Простой, понятный, добрый сценарий», – как заклинание, повторила она в четвертый раз и поглядела на монитор. «Как Ежик и Заяц делали уборку» – было написано вверху страницы крупным шрифтом. Тема была несложная, сюжет стандартный, повторяющийся в разных вариациях из года в год, и Маше нужно было только придумать игровую ситуацию, в которой один зверек учил бы другого убирать за собой комнату... и не разбрасывать огрызки по кровати. Последние были ее собственной «больной мозолью», потому что периодически, плюхаясь с размаху на диван, она обнаруживала под попой пару-тройку огрызков от яблок, оставленных, конечно же, поганцем Костей.

«Заяц входит в комнату и видит там Ежика, – быстро забарабанила Маша по клавишам, решив писать, что в голову придет. – Ежик сидит в неубранной комнате. Вокруг разбросаны окурки, объедки и пустые пивные бутылки. Реплика Зайца: „Ах ты колючая скотина! Мало того что топаешь

по ночам, так вдобавок и свинячишь!“ Реплика Ежика: „Отвали, ушастый пень. Морковку тебе в грызло...“

Маша остановилась и в ужасе перечитала написанное. Потом представила, как пятилетние дети с родителями смотрят ее передачу по телевизору, и хихикнула. Морковку в грызло, значит... Замечательно!

Она закрыла ноутбук и устала в окно. Сценарий – простейший, стандартный сценарий – не получался уже второй день. Вместо положенных куклам реплик в голову лезла всякая муть. Да не просто муть, а муть с ругательствами, ссорами, драками всех персонажей, включая добрейшего ведущего Дядю Колю, который в Машиных фантазиях раскручивал Ежика и Зайца над головой, бешено вращая глазами, а затем швырял прямо в камеру. «Так будет с каждым, кто не уберет за собой комнату!» – зловеще обещал Дядя Коля вместо ежевечернего ласкового «Добрых вам снов, мои дорогие друзья». «Ночные кошма-ары! – завывал Дядя Коля. – Вот что ждет вас, маленькие прохвосты, если я найду еще хоть один огрызок на диване!»

– Тьфу, – сказала Маша, вспомнив о Дяде Коле и вставая из-за стола. – Надо же, пакость какая.

После двух бесплодных дней вымучивания сценария приходилось признать: ее фантазии навеяны Юлией Михайловной. Сначала Маша гнала от себя эту мысль, но после того, как скромная Мышка из передачи, раз в неделю по вечерам обучающая детишек мастерить поделки, в ее сценарии слепила из пластилина кукиш, Маша задумалась. Кукиш любила показывать именно Вероникина мать: артистично складывала, начиная с мизинца, узловатые пальцы, будто веер сворачивала, и в самый последний момент просовывала большой палец между указательным и средним. Ноготь на пальце был крепкий, желтоватый, и именно его Юлия Михайловна подсовывала под нос тому, кому адресовался кукиш. Последний раз это был Димка, предложивший пойти на озеро с самого утра. Тут-то и получил он под нос фигу от бабушки.

– Сначала навес сделайте у забора, – потребовала Юлия Михайловна. – Старая я уже стала – под солнцем целый день сидеть. Слышь, зятек?

– Не хотите под солнцем сидеть, оставайтесь в доме, – ледяным голосом ответил Митя, поднимая на нее ненавидящий взгляд. – И не смейте меня зятком называть.

– Ах ты толстячок! – умилилась Юлия Михайловна. – Ладно, не гундось. Будешь сусликом.

«Бедная Вероника, – покачала головой, вспомнив ту сцену, Маша. –

Какое ангельское терпение нужно иметь, чтобы ни разу не сорваться. А уж про Митю и говорить нечего...» Нехорошая мысль о том, что муж Вероники и впрямь слегка напоминает упитанного суслика, притаилась где-то в уголке сознания, но Маша постаралась прогнать ее.

В задумчивости она бесцельно скользила взглядом по деревенским домам, пока ее внимание не привлек двор напротив. Из высокой мансарды Маше было видно, что на траве за забором лежит человек, закинув руки за голову, и крутит «велосипед» ногами в воздухе.

«Спортсмен, – догадалась Маша. – Может быть, он и отжиматься будет?»

Словно подслушав ее мысли, человек резко вскочил, прошелся туда-сюда по двору, потягиваясь, и упал на руки. «Десять... двадцать... сорок, – со все возрастающим уважением считала Маша. – Надо же... Интересно, что теперь?»

Объект ее любопытства исчез в доме, но появился спустя несколько секунд, держа в руках эспандер. Он растянул его плавным движением, выдохнув, свел руки вместе и снова развел. Во двор вышел молодой парень, что-то сказал спортсмену, а тот, к удивлению Маши, обернулся и уставился на ее окно. Маше стало и неловко, и смешно. Торопливо кивнув, она собиралась отойти в глубь комнаты, когда с первого этажа раздался крик. Кричала Ирина.

Сбежав вниз по лестнице, Маша обнаружила все семейство Егоровых, кроме Димки. Вероника с Митей застыли в дверях, за столом сидела, развалившись на стуле, Юлия Михайловна, а перед ней стояла Ирина, тряся крепко сжатыми кулачками.

– Вы... вы... – всхлипывала Ирина. – Не смейте так говорить, никогда!

– Ручонки убери, истеричка, – брезгливо бросила Юлия Михайловна.

– Ира, почему ты кричала? – бросилась к дочери Вероника. – Мы подумали, что-то случилось...

Митя в дверях не сводил глаз с ее матери. Юлия Михайловна со скучающим видом отвернулась и стала смотреть в окно, за которым по траве бродили упитанные белые курицы.

– А вот и случилось! – с надрывом выкрикнула Ирина. – Она мне сказала, что я никогда в институт не поступлю!

Юлия Михайловна покачала головой и откинулась на спинку стула.

– И все? Ты из-за этого раскричалась? – недоуменно спросила Вероника. – Ира, да что с тобой?

Она погладила дочь по спине, но Ирина дернулась и отошла в сторону.

– Ты у нее спроси, – кивнула она в сторону женщины на стуле. – Да, спроси, что она мне наговорила! Я... я даже слушать такое не могу....

Голос ее задрожал, она опустила на стул и уткнулась лицом в ладони.

– Юля, что здесь произошло? – повернулась Вероника к матери. – Что здесь случилось? – повторила она, повышая голос.

Юлия Михайловна помолчала, потом пожала плечами и усмехнулась.

– Дочь ты вырастила истеричкой, вот что случилось, – объяснила она, разглаживая широкими ладонями сбившуюся скатерть. – Подумаешь, ну сказала я ей, что на нее мужики западать не будут... Другая бы ум свой наострила, совета попросила, а твоя – орать принялась.

– Вы не только это сказали, – всхлипнула Ирина. – Вы еще про папу гадость сказали!

– А ты, Иринка, меньше слушай гадости, – вступил в разговор Митя, и все повернулись к нему, кроме матери Вероники. Маша аккуратно отступила за дверь, чтобы не быть непрошеным свидетелем семейной сцены. – И, пожалуйста, больше нас с мамой так не пугай. Пойдем.

– Кстати, оба ваших дурачка сейчас торчат под окном, – хрипловато хохотнув, сказала им вслед Юлия Михайловна. – И подслушивают. Выпороть бы обоих, да все равно ума не прибавится.

Маша вышла из-за двери, обогнула Митю и подошла к окну, около которого сидела Ледянина. Перегнулась – и увидела в густом палисаднике две мордочки, Димкину и Костину, смотревшие на нее со смешанным выражением раскаяния и восторга.

– Мам, почему они ее терпят? – спросил Костя, когда они отправились гулять в лес.

Неподалеку от Игошина по небу бродила фиолетовая туча, дожидаясь своего дождливого часа, поэтому Маша решила слишком от дома не отдаляться. Они вышли за околицу и начали петлять по тропинкам, извивающимся в зарослях папоротника.

– Потому что она – мать тети Вероники, – ответила Маша. – Скажи мне, Костя, а что бы ты делал на их месте? Выгнать ее нельзя, потому что квартиры у Юлии Михайловны нет. Отселить пожилую женщину не получается: денег не хватит. Поэтому они поступили, как порядочные люди. И теперь очень страдают от этого, – добавила она скорее себе, чем сыну, и тут же спохватилась: ребенку говорить лишнего не стоит.

Сын подумал, поднял с земли шишку и швырнул в дерево.

– Знаешь, что я бы сделал? – Он высоко подпрыгнул и ударил по

еловой ветке. – Я бы сделал так, чтобы всем было хорошо.

– И как же? – недоверчиво спросила Маша.

– Я бы ее убил, – ответил Костя, оборачиваясь и глядя на нее ясными карими глазами.

Глава 6

Алексей Георгиевич Балуков, пятидесяти восьми лет от роду, вошел в дом, и все разговоры сразу стихли. Даже четырехлетняя Васька перестала канючить игрушку у сестры, потому что знала – при бабушке шуметь нельзя, не то он рассердится. Дедушка любит в доме тишину и покой.

Сидя за столом и хлебная борщ, густо политый сметаной, как он любил, Алексей Георгиевич искоса оглядывал молчащее семейство.

Это тоже было его правило – за столом молчать, есть быстро, как в армии. Кто не успел поесть за десять минут, тот сам виноват: нужно было челюстями быстрее шевелить. Городской его снохе Катерине поначалу такое правило пришлось не по нраву. Возмущаться пыталась: да как же – у ребенка еду отнимать, если он не наелся?! Свекор ей быстро объяснил – как, а когда Катерина побежала жаловаться Василию, тот ее на место поставил. Хочешь детей в деревню бабушке с дедушкой привозить на все лето? Хочешь молочком свежим их отпаивать, помидорками-огурчиками-котлетками откармливать? Тогда живи не по своим правилам, а по их собственным. И Катерина согласилась, хоть и скрипела порой зубами. А куда ей было деваться? К родителям возвращаться, в городскую квартирку? Нет, уж лучше со свекром жить в мире и согласии...

Алексей Георгиевич усмехнулся и добавил еще ложку сметаны в борщ.

Катя-то, сноха его, по правде сказать, хороша. Сдобная бабенка. Когда за Ваську замуж вышла, тоща была, да еще и с гонором, а хуже тощей бабы с гонором ничего быть не может. А потом родила Кирилла с Ольгой, раздалась в плечах да попу наела, а самое главное – нрав у нее стал другой: спокойный. По огороду не бегала, а ходила, голос не повышала, зная, что Алексей Георгиевич крика не любит. Ишь, курочка...

То ли дело его собственная Галина. Она и молодухой-то была глуповата и некрасива, а с возрастом вовсе обабилась: расползлась, и говорить ни о чем, кроме детей, не может. Привезли ей Ваську – она и счастлива: бегаёт за девчонкой, на руках таскает, мошек от нее отгоняет. Одно слово – клуша.

Жена была старше Алексея Балукова на два года, и женился он на ней сорок лет назад по залету. Честно говоря, и по залету не женился бы: ну зачем ему, парню видному и работающему, сдалась не первой молодости девка, которую и брать-то никто не хотел? Но сделал глупость – пришлось расплачиваться. Галина от одной пьяной случки ухитрилась забеременеть,

и в дом Балучковых пришел ее отец – защищать честь дочери. Если б решал Алексей, не видать бы отцу Галины своей дуры замужем. Но решали отец с матерью, а они были люди старой закалки, упертые. Переговорили, обсудили – и быстро женили сына.

Кроме Василия, жена Алексею больше никого не родила, о чем он, бывало, и жалел. К играм и куролесам в постели она оказалась и вовсе неспособна – ни пыла не было у бабы, ни хотения. Но хозяйство вела исправно, работала с утра до ночи, а самое главное – почти не болела: так, простужалась за всю жизнь пару раз. А что еще от жены нужно? Чтоб здоровая была да молчаливая.

– Спасибо!

Внук Кирилл встал, отодвинул от себя тарелку, собрался уходить. Алексей Георгиевич бросил на него испытующий взгляд. Ой, дурень растет! Ничего, он его в ежовых-то рукавицах подержит, выправится парень.

– Кирилл, – окликнул он внука, когда тот уже стоял у двери.

– Что, дед? – обернулся парень, как показалось Балучкову, с испугом.

– Ты в теплице окна открыл?

– Открыл, – обрадованно закивал парень.

– Молодец, иди, – махнул рукой Балучков. – Ольга, почему ты сегодня копаешься?

– Не хочу, деда, – заныла та, – наелась.

Алексей Георгиевич промолчал. А что говорить, если девчонке четырнадцать, а отъелась так, будто два десятка лет лопает, не переставая. Ольга поняла, что дед сердиться не будет, выскочила из-за стола, унесла свою и брата посуду на кухню, сказала, что на речку идет, – и только ее и видели.

– А я второго дня с соседкой разговаривала, с приезжей, – ни с того ни с сего заявила Галина после того, как все доели и разбрелись по диванам и кроватям – отдохнуть.

Она суетилась вокруг стола, собирая ложки с вилками в таз.

– С матерью Егоровой? – подал голос Василий. – Она ко всем лезет, все около забора нашего трется. Как кошка драная.

– Хорошая она женщина, – с укором заметила ему мать. – До того по-доброму со мной поговорила, аж на душе легче стало.

Алексей Георгиевич хотел съязвить, но промолчал.

– Трудно ей приходится, – продолжала жена, ловко проводя по клеенчатой скатерти мокрой рукой. – Дочь родная житья не дает, зять – и вовсе со свету сжить хочет. И все нам завидовала: до чего, говорит, у вас

семья хорошая, дружная! А я ей говорю: ваша правда, говорю, Юлия Михайловна, – хорошая, дружная.

Балуков-старший пристально посмотрел на жену. Показалось ему, или в голосе у нее и впрямь прозвучала насмешка? Но пухлое лицо супруги было безмятежным, и Алексей Георгиевич успокоился. Показалось, конечно. Курица безмозглая, что с нее взять?

– Чем языком с соседками чесать, лучше бы малину проредила, – строго сказал он. – Заросло все, запаршивело. И хватит с Васькой нянчиться, у нее своя мать есть.

Галина без выражения взглянула на мужа голубыми глазами, помолчала и кивнула.

– Вечером прорежу. Жара спадет – и прорежу.

Она собрала грязную посуду в таз. Василий вскочил с кровати, взял у нее таз и вышел на кухню, а вслед за ним выскользнула и Катерина – помочь посуду мыть. Галина пошла за ними, но на полпути остановилась и обернулась.

– А про мать, Алексей, ты мне можешь не напоминать, – сказала она ровно. – Я о том, может, получше тебя знаю.

И закрыла за собой дверь, оставив мужа размышлять в одиночестве над ее странной фразой.

Ох, как же мне хотелось убить ее много лет назад! Временами на меня нападала страшная слабость, словно мое желание уже сбылось, и этой женщины больше нет на свете. Можно посидеть на скамейке, прийти в себя, успокоиться, зная, что теперь все будет, как раньше – до того, как она появилась в нашей жизни. Я находила скамейку и падала на нее, потому что ноги не держали. Помню, что вокруг важно расхаживали голуби, а вдалеке кричали детишки, и сидеть под солнышком было так славно и спокойно. Казалось – все уже случилось. Она мертва. Можно жить, как прежде, только нужно сначала восстановить то, что она раздавила. Собрать по кусочкам. У меня бы получилось...

Но спустя короткое время морок рассеивался, и я понимала: моя фантазия сыграла злую шутку. Эта женщина жива и будет жить долго-долго. Дольше нас, потому что она неплохо потрудилась, чтобы сократить наши дни. Она проехала по нас, словно танк, и даже не обернулась. Может, только немного посмеялась. Как мне хотелось отплатить ей! Как же мне хотелось убить ее...

Тогда ничего не получилось. И хорошо, что не получилось. Мы сами справились с нашей бедой. Я знаю, что любовь сильнее ненависти, но мне

потребовалось очень много времени и очень много боли, чтобы понять это.

Человека, из-за которого мне хотелось убить ее, давно нет. Я ухаживаю за его могилой и каждый раз, глядя на его фотографию, чувствую, что моя любовь жива. Так странно – человек умер, а любовь жива...

Но я пока не знаю, осталась ли во мне ненависть. Много лет назад мне так хотелось убить эту женщину, что от ярости и беспомощности сводило скулы, как от горького лимона. Сейчас я смотрю на нее и не могу разобраться в себе. Я хочу убить ее?

Маша с Костей собирались в баню. Большая помывка, как говорили Вероника с Митей, была назначена на пятницу, потому что в субботу липинская баня использовалась самими хозяевами.

– Ма, а почему баня липинская? – спросил Костя, услышав название бани.

– Потому что своей бани у тети Вероники нет, сторела три года назад, – объяснила Маша, складывая в стопочку чистые трусики и маечку сына. – Новую они построить не могут, вот и ходят помыться на ту сторону улицы к соседям. А соседку зовут Липа Сергеевна. Понял теперь, почему липинская?

– Понял, – кивнул Костя. – Только я не хочу вместе с этой мыться, – он ткнул рукой куда-то в пол, что было вовсе не обязательно: Маша и так прекрасно поняла, кого он имеет в виду.

– Юлия Михайловна с нами и не пойдет, – сказала она. – Мы с тобой вдвоем помоемся, последними. Знаешь какая славная банька будет: теплая, ласковая. Ты же горячую не любишь...

– Я вообще никакую не люблю, – сморщил Костя физиономию. – Мне из ведра нравится. И вообще – зачем в баню идти, если мы утром на озере купались?!

Разговор повторялся примерно в сотый раз, поэтому Маша не стала обращать внимания на нытье сына. В отдельный пакет она сложила грязную одежду и сейчас озабоченно прикидывала, сколько времени уйдет на стирку: вещей оказалось неожиданно много.

– Вероника... – позвала она, спускаясь по лестнице.

Никто не ответил. Но Маша пять минут назад слышала голос подружки из нижних комнат и была уверена, что та все еще в доме.

– Верони-ика! – повторила она, заглядывая в большую комнату. Там никого не оказалось, и Маша уже собиралась выйти, как хрипловатый

голос будто совсем рядом с ней произнес:

– Столько лет прошло, а все пережевываешь в голове, забыть не можешь?

Вздвигнув, Маша резко обернулась и увидела в палисаднике за открытым окном две фигуры. Ветер дул в окно, принося голоса с собой, и казалось, что разговаривают в комнате.

– И хотела бы забыть, да не получается, – отозвалась Вероника сдержанно. – Очень хочется поддержку семьи получить в темный час, понимаешь?

В ответ раздался негромкий смех. Юлия Михайловна смеялась искренне, от души.

– Значит, ты, Верка, лежала в больнице пару недель и решила, что вот оно, несчастье? – спросила она наконец. – Темный час? Да ты просто ничего в жизни не видела, ничего о ней не знаешь, вот тебе и кажется всякая ерунда несчастьем.

Вероника начала что-то говорить, но Юлия Михайловна перебила ее. Голосом, из которого исчезло все веселье, проговорила, наклонившись к дочери:

– Запомни, милая: твой самый темный час еще впереди. Ждет он тебя, слышишь? Вот дождется – и вспомнишь ты ту больницу как легкую жизнь. Помяни мое слово – дождется!

– Юля, прекрати, пожалуйста, – негромко сказала Вероника, но мать уже вышла из палисадника и прикрыла за собой калитку. Вероника осталась сидеть с тяткой в руке над маленькими бархатцами, трепетавшими на ветру растопыренными листочками.

После полдника Вероника показала Маше дорогу в баню.

– Вот по той тропинке надо идти, а потом направо завернуть, – объясняла она, стоя около дома Липы Сергеевны. – В общем, просто рядом с их участком пройти.

– Знаешь, Вероника, давай-ка мы с тобой вместе сходим, – покачала головой Маша. – А то мне неловко разгуливать по чужому огороду. Вдруг не туда поверну?

Вероника открыла калитку и по вытоптанной тропинке пошла впереди Маши. Маленькая черная покосившаяся банька виднелась далеко впереди, в самом конце заросшего поля.

– Зачем же было так далеко баню строить? – проворчала Маша, старательно обходя кусачую крапиву. – Пока идешь обратно, опять перепачкаешься.

Она остановилась и огляделась. Они прошли половину пути, оставив за собой участок с длинными ровными грядками. Впереди росла трава, из которой выглядывали ромашки, а за банькой сразу начинался шумящий лес. Дорога к нему проходила метрах в ста от бани, и по ней сейчас брели, покачивая белыми головами, две козы.

– Ты коз не боишься? – оборачиваясь к ней, улыбнулась Вероника.

– Побаиваюсь, – призналась Маша. – Думаешь, они тоже мыться в баню пойдут?

Вероника рассмеялась.

– Поздороваться точно подойдут, потому что это наши знакомые козы, – ответила она. – И хозяин их – наш знакомый.

Они как раз подошли к дверям бани, и козы, тряся головами, подбежали к Веронике. За ними по тропинке от дороги шел хозяин – коренастый широкоплечий мужик в штанах-шароварах и куртке на голое тело.

– Здравсьте, Вероника Сергевна, – за двадцать шагов громко поздоровался он, тряся перед собой маленькой корзинкой. – Вот, деткам подарочек несуч!

Маша удивленно взглянула на Веронику. Та улыбнулась и пожала плечами.

– Это Лесник, – негромко сказала она. – Я сейчас вас познакомлю, он тебе понравится...

Голубоглазый Лесник, а, точнее, Степан Андреевич Лесников, и в самом деле понравился Маше. В том, как он заглядывал Веронике в глаза, как ласково почесывал своих коз, как протягивал корзинку, доверху наполненную ароматной лесной земляникой, было что-то очень трогательное.

– Он и в самом деле раньше лесником работал, – рассказывала Вероника, потом, когда они с Машей сидели на крыльчке бани и поедали пахучие сладкие ягоды, – пока не уволили его. Хороший человек, но в такие запои уходит, что даже деревенским пьянчужкам не снилось. А лесу постоянный пригляд нужен. В общем, наш Степан Андреевич давно уже не лесник... А мы с ним дружим, – продолжала она, – молоко у него заказываем, да и он сам просто так заходит. Митя даже подшучивает, что Лесник в меня влюблен.

Она неожиданно покраснела и протянула Маше корзинку с ягодами.

– Это хорошо, – сказала Маша, поднимаясь с крыльца. – Если Митя тебя бросит, без мужика не останешься.

Вероника подняла на нее возмущенный взгляд и собиралась что-то

сказать, но рассмеялась вслед за Машей.

– Ну тебя! Я ведь всерьез приняла. Совсем шутки перестала понимать в последнее время, потому что...

Она не договорила, но это и не требовалось: Маша знала, что имеет в виду Вероника.

– Пойдем, баню топить пора, – позвала она и пошла по тропинке к дому Липы Сергеевны, осторожно поднимая корзинку над травой.

Баня к их приходу получилась такой, какой и обещала Маша, – теплой и мягкой. Они с Костей с удовольствием поплескались холодной водой из тазиков, выпустили несчастную бабочку, бившуюся о крохотное запотевшее окошко, и долго потешались над веником из нескольких жалких веточек, стоявшим в углу. Как Маша ни пыталась объяснить Косте, что им не подметают пол, а парятся, он отказывался ей верить. Придумал, что на нем летает старушка Липа Сергеевна, потому что метла – это для молодых ведьм, а веник – как раз для старых, и был страшно доволен своей выдумкой.

– Ты бы спасибо сказал Липе Сергеевне, – шутя пристыдила его Маша. – Она по доброте душевной нас помыться пустила, а ты говоришь – Баба-яга. Иди одевайся... Сам Кощей Бессмертный!

Улыбающийся Костя выскочил в предбанник, быстренько растерся полотенцем и натянул на себя чистую майку и штаны.

– Mam, я пошел! – крикнул он под дверь. – Что тете Веронике сказать? Ты когда придешь?

– Скажи – примерно через час, – откликнулась Маша. – Голову вымою, белье постираю – и приду. Ключ у меня, дверь я закрою – пусть не беспокоится.

Послышалось угуканье, показывающее, что Костя воспринял информацию, проскрипела дверь, и Маша осталась в бане одна.

Она набросила на дверь крючок и принялась стирать белье, тихонько напевая себе под нос. Где-то в углу жужжала муха, по крыше пару раз пробежала птичка. Маша глянула в окошко и удивилась: оказывается, уже стемнело, а она и не заметила со своей стиркой. Конечно, возиться ей пришлось долго, потому что за многие годы беспорочной службы стиральной машинки Маша совершенно отвыкла стирать руками. Вдобавок маленький обмылок хозяйственного мыла постоянно выскальзывал из рук, и она отругала себя за то, что не догадалась попросить у Вероники стиральный порошок.

За дверью послышались шаги.

– Костя, это ты? – обрадовалась Маша, решив поэксплуатировать сына и сгонять его за порошком, чтобы достирать остатки белья как белый человек. – Костя?

За дверью молчали.

– Вероника? – спросила Маша, перестав полоскать майку.

Человек за дверью не отвечал.

«Хозяйка, наверное, пришла меня выгонять, – сокрушенно решила Маша. – Ну конечно, деревенские рано спать ложатся, а сейчас уже стемнело. Эх, не достаю...»

Наклонившись, она зашла из предбанника внутрь бани, шагнула к окошку, чтобы посмотреть, кто пришел, и замерла на месте, чуть не вскрикнув. Снаружи к окну были прижаты две ладони.

– Костя, что... – осторожно начала она, но оборвала себя на полуслове. Пальцы были не Костины. Руки, плотно прижатые к стеклу, не могли быть руками двенадцатилетнего мальчишки. Нужно было бы попытаться через щели рассмотреть, кто там балуется возле бани, но Маше почему-то совершенно не хотелось этого делать. Ей стало не по себе.

Пересилив себя, она быстро подошла к окну и стукнула по нему ладонью.

– Эй, ну-ка прекратите! – скомандовала она громко, стараясь говорить уверенно.

Руки неожиданно исчезли, но не успела Маша наклониться, чтобы посмотреть на безобразника, как прямо перед ее лицом что-то закрыло окно, и она отшатнулась. Приглядевшись, Маша поняла, что загородила его старая доска, которую она видела за баней. Доска была прижата к окошечку так, что не оставалось даже щели.

Маша вернулась в предбанник, подошла к двери и положила руку на крючок. «Сейчас открою и наору на урода, – решила она. – Матом». Она, правда, совершенно не умела материться, но сама мысль о том, как страшно она облает того, кто стоит снаружи, придала ей храбрости. Маша уже собиралась распахнуть дверь, когда снаружи раздался странный звук.

– Ш-ш-ш-ш, – сказал тот, кто был за дверью. – Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш...

Он стоял вплотную к двери, прижав губы к узенькой щели, и говорил только «ш-ш-ш-ш...». Это было так дико и абсурдно, что Маша перепугалась. Она не была трусихой, не боялась темноты и страшных маньяков в городских парках, но, стоя в предбаннике в одной майке и вслушиваясь в негромкое шипение, испугалась.

– Долго шипеть будешь? – спросила она, сглотнув и постаравшись взять себя в руки. – Отойди от двери, сейчас кипятком обварю!

Снаружи послышался смешок. Человек, который шипел, откуда-то знал, что никакого кипятка у нее нет и что она не откроет дверь.

«Господи, да кто там может быть? – уговаривала себя Маша, не сводя глаз с крючка, казавшегося очень маленьким и ненадежным. – Ну, подросток шалит. Или, может, пьяный подошел...» Маленькая тусклая лампочка над головой неожиданно мигнула, и Маша дернулась: остаться в темном предбаннике было бы совсем жутко.

Шипение прекратилось. Теперь за дверью стояла тишина – но тишина неправильная, ненастоящая. Настоящая была с жужжанием мухи, с топотком трясогузки по крыше, а наступившая была тишиной ожидания. Тот, кто стоял снаружи, ждал, что сделает Маша. Он наверняка не боялся, что она закричит, потому что баня стояла вдалеке от дома, а хозяйка глуховаты. Нет, кричать бессмысленно... Маша прислушалась к звукам за дверью, и ей показалось, что теперь тишина изменилась.

«Ушел?»

Сунула ноги в стоптанные кроссовки, подошла к двери и затаила дыхание. Тихо. Она сжала руки в кулаки, разжала и быстро откинула крючок. Дверь со скрипом открылась, впуская в предбанник свежий вечерний воздух.

Маша шагнула наружу и быстро огляделась. Тропинка терялась в сумерках, но на ней никого не было. Светились окошки домов. Где-то грустно промычала корова. Маше нужно пройти по тропинке всего каких-то пятьдесят шагов, чтобы оказаться рядом с домом старушки Липы Сергеевны... Но она остановилась на месте, настороженно вглядываясь в высокую траву по сторонам тропинки.

Тот человек находился теперь там. Маша сглотнула слюну и обругала себя за трусость, но ничего не помогало: что-то внутри подсказывало, что он просто играет с ней, как кошка с мышкой, прячется в траве, присматривается к ней и хихикает. Она ясно представила, как он прыгнет на нее сзади, когда она пойдет по тропинке. «Ну конечно, как Рэмбо!» – попыталась она сыронизировать сама над собой, но самоирония не помогла. Страх засел внутри – противный, как наевшийся таракан.

«Нельзя стоять здесь всю ночь», – сказала она себе. Сзади раздался шорох. Маша вскрикнула, резко обернулась, но оказалось – всего лишь ветер качнул дверь.

– Все, хватит, – решительно сказала Маша и пошла по тропинке. Первый шаг, второй, третий... Она уже почти поверила в то, что напридумывала себе всяких ужасов, когда в десяти шагах от нее из травы стала подниматься темная фигура.

У Маши перехватило горло, так что она не смогла даже вскрикнуть. Она бросилась сначала к бане, но внезапно заметила на дорожке вдоль леса человека, идущего к околице, – он был еле виден в сгустившихся сумерках. Не раздумывая ни секунды, Маша помчалась к нему.

Ей казалось, что она никогда так не бегала. Трава хлестала по голым ногам, а около дороги она споткнулась, и старенькая кроссовка чуть не слетела. Маша вылетела прямо на человека, остолбеневшего при виде ее, и выдохнула:

– Там кто-то в траве прячется, мне страшно! Пожалуйста, проводите меня до дома!

И только тогда, подняв глаза, узнала спортсмена из дома напротив.

Когда запыхавшаяся дамочка выскочила на Сергея, как чертик из коробки, он чуть не отскочил в сторону. Это была соседка, про которую на днях сказал ему Макар. Тогда он не рассмотрел ее издали, заметил только, что волосы у нее рыжие. Они и впрямь были светло-рыжие, как у собаки колли, собранные сейчас в хвостик сзади. Лицо у нее было бледное, с двумя красными пятнами на щеках, а глаза такие испуганные, словно она увидела привидение. Сергей сначала даже не понял, что она сказала.

– Человек в траве, – повторила Маша, которая очень хотела вцепиться в его рукав, но понимала, что будет тогда выглядеть полной идиоткой. Мужик с хмурой физиономией, кажется, и так счел ее ненормальной.

– Где? – быстро спросил Бабкин, уже направляясь к бане. – Покажите, где вы его видели.

Немного удивленная столь активными действиями, Маша пошла за ним, оглядываясь по сторонам. Страх ее почти исчез, и осталось только воспоминание о страхе – гадкое, липкое. Они дошли до бани, и мужик обошел ее кругом, зашел внутрь и даже поднял голову, оглядывая крышу. Маша держалась рядом с ним, не отставая ни на шаг.

– Расскажите-ка подробнее... – попросил он и сел на крыльцо.

Маша послушно рассказала, не забыв про шипение. Бабкин взглянул на окно. Доска лежала на траве.

– Вы... проводите меня, пожалуйста, – попросила Маша неуверенно.

– Провожу, конечно, – удивленно посмотрел на нее сосед. – Вы, главное, не бойтесь.

«Решил, что у меня тараканы в голове живут, – поняла она. – Человек шипел... в траве прятался...» Ей захотелось убедить мужчину в том, что она ничего не придумала, но Маша сдержалась. В конце концов, какая разница, что подумает о ней сосед из дома напротив?

Бабкин незаметно бросил взгляд на женщину. Она уже пришла в себя – пятна исчезли, лицо приобрело нормальный цвет. Ей года тридцать два – тридцать три, но из-за хвостика на затылке выглядит моложе... Серые глаза вопросительно взглянули на него, и Сергей поднялся с крыльца.

– Пойдемте, а то совсем стемнеет, – сказал он. – Вещи свои не забудьте.

Когда они дошли до дома Егоровых, и в самом деле стало темно. Вдалеке горел одинокий фонарь. Маша поставила тазик на крыльцо и обернулась к соседу.

– Спасибо вам большое, – благодарно улыбнулась она. – Я и правда очень испугалась.

– Было отчего, – лаконично ответил Бабкин. – Кстати, меня Сергеем зовут.

– А меня – Машей.

Она ждала, что он скажет что-нибудь вроде стандартного «приятно познакомиться», но Сергей молчал, глядя на нее, покачиваясь вперед-назад и заложив руки за спину.

– Изучили? – спросила Маша серьезно.

– Угу, – кивнул тот. – Пойдете завтра с утра с нами на озеро?

– А я... я с Костей, – растерялась Маша.

– А я... я с Макаром, – с такой же интонацией ответил Сергей, и она искренне рассмеялась – получилось забавно и похоже.

– В десять зайду, – пообещал Бабкин. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – сказала она ему в спину.

Бабкин перешел дорогу и скрылся в своем дворе. Ему хотелось дойти до бани соседей, но он понимал, что ни малейшего смысла в том нет: тот, кто прятался в траве, уже двести раз успел удрать далеко-далеко.

«Что ж за сволочь? – подумал Сергей, заходя в дом. – Шипел он, значит...»

– Ты в лесу заблудился? – сонно пробормотал со своего дивана Макар.

– В траве, – хмыкнул в ответ Сергей. – Грибы искал.

– Нашел?

– Почти. Тощий такой гриб, гнилой. Если не ошибаюсь, Раскольников его фамилия.

Глава 7

К утру Маша окончательно уверилась, что вчерашнее вечернее происшествие было совершенно незначительным: подумаешь, кто-то из деревенских шутников захотел посмеяться над глупой городской теткой. А потому Веронике с Митей она решила ничего не рассказывать, чтобы, во-первых, лишний раз не выставлять себя трусихой, а во-вторых, не пугать и без того запуганную Веронику.

Но отмолчаться не получилось.

Когда утром Маша с Костей спустились к завтраку, то обнаружили Юлию Михайловну, восседающую не на своем обычном месте у окна, а за столом, напротив Машиного стула. На сей раз на ней были не заношенные майка и штаны, а цветастое кимоно с длинным шелковым поясом.

Дождавшись, пока все поздороваются и рассядутся за столом – поедать испеченную Вероникой с утра творожную запеканку, – Юлия Михайловна выждала паузу и невинно сообщила:

– А наша гостья-то вчера отличилась! Мужика с собой из бани привела...

Пять пар глаз уставились на Машу. Костя только открыл рот, как Маша невозмутимо спросила:

– Завидуете, Юлия Михайловна?

И пока Ледянина искала, что бы достойно ответить, Маша перехватила инициативу и рассказала озадаченным Егоровым о том, что случилось накануне.

– Руки к стеклу прижимал? – недоверчиво переспросил Митя Егоров и переглянулся с женой.

– Угу, – кивнула Маша, мельком поглядев на Костю. Тот сидел нахмурившись и переводил взгляд с одного взрослого на другого.

– Хм, что-то новенькое, – покачал головой Митя. – Никогда такого не было.

– Алкашей в Игошине хватает, но все они тихие, безобидные, – вступила Вероника. – А около бани прятаться и потом в траве сидеть... я даже не знаю, на что это похоже...

Она еще раз посмотрела на мужа, и в глазах обоих Маша явственно прочитала недоверие. Очевидно, что неизвестного, поджидавшего ее ночью в траве, они сочли плодом Машиного встревоженного воображения.

– Я теперь с тобой везде буду ходить! – громко заявил Костя.

– Защитничек... – хмыкнула Юлия Михайловна. – Правда, все лучше нашего суслика.

Она выразительно поглядела на зятя. Маша внутренне сжалась, ожидая очередного скандала, но Митя, к ее удивлению, отреагировал довольно спокойно.

– Юлия Михайловна, вы можете называть меня как хотите, – пожал он плечами и встал, чтобы помочь Веронике собрать посуду. – Вы уже старый, больной человек и не можете контролировать себя. А на больных обижаться....

Он не закончил фразу, повернулся лицом к раковине и принялся мыть посуду. Дети за столом замерли, и Маша поняла: они ждут продолжения, ждут, что же ответит старуха! Им, конечно, страшно, противно, но одновременно интересно. Она встретилась глазами с Юлией Михайловной и прочитала в них удовлетворение. Мать Вероники была довольна, она улыбалась. «Бедный Митя», – успела подумать Маша до того, как Юлия Ледянина заговорила.

– Уже лучше, – одобрительно заметила она, поигрывая концом своего шелкового пояса. Ткань извивалась между ее пальцев, как тропическая змейка. – Значит, ты придумал домашние заготовки и теперь будешь их использовать. Неплохо, неплохо... – Она хрипло хохотнула, как всегда, когда была чем-то довольна. – Только вот, суслик, у тебя соображалки не хватит на большее. Ну-ка скажи мне, – ее голос стал резким, речь ускорилась, – ведь именно ты вчера ходил за ней подглядывать, правда? – Она кивнула в сторону Маши. – Знаю, что ты. Из окна тебя видела, как ты крался через дорогу. Сказал-то ведь, что пошел калитку заднюю прикрыть, а сам...

– Неправда! – выкрикнул Митя, обернувшись, и все увидели, какое красное у него лицо. – Зачем же вы так нагло и гадко врете?!

– Митенька, Митенька, успокойся, – дрожащим голосом попросила Вероника. – Юля, ну как тебе не стыдно...

– Мне?! – изумилась старуха. – Не мне, а ему должно быть стыдно!

Ее указательный палец, обмотанный красно-зеленой тканью, вытянулся в сторону зятя.

Маша одним глотком влила в себя чай и собралась поскорее встать из-за стола, но тут раздался голос Ирины.

– Папа, это правда? – спросила она, глядя на отца. – То, что она говорит, – правда?

– Ирина, да ты что! – строго сказала Вероника. – У Юли шутки такие, разве не знаешь?

– Нет, папа, ты сам скажи! – настаивала Ирина, поджимая тонкие губки.

– Фу-ты, пропасть! – Митя в сердцах так приложил тарелку об стол, что по ее краю пошла трещина. – Неужели у тебя, Ирка, совести хватает такие вопросы мне задавать? Да ты за кого меня принимаешь?!

– А ты не кричи на меня! – выкрикнула Ирина, вскочила с места и выбежала из комнаты.

Митя секунду смотрел вслед дочери, а затем ушел в дом, крепко прикрыв за собой дверь. Вероника вздохнула и села на место, сжимая в руках надтреснутую тарелку.

Снаружи раздался стук в калитку.

– Эй, хозяйева! – послышался мужской голос. – Дома кто есть?

– Есть! – откликнулась Маша. – Одну минуту!

Она быстро вымыла посуду за собой и Костей и сочувственно посмотрела на Веронику. Та так и сидела, проводя пальцем по маленькой трещинке на тарелке. Маша хотела что-то сказать, но поняла, что любые слова сейчас бесполезны, и вышла из кухни. Новый знакомый уже ждал, и задерживать его ей не хотелось.

Три часа, проведенные на озере, пролетели незаметно... Друг Сергея с редким и забавным именем Макар остался дома, и Сергей пообещал познакомить их в другой раз.

– Вы ему понравитесь, – успокаивающе сказал он Маше по дороге таким тоном, каким обычно люди говорят: «Не беспокойтесь, он вам понравится».

Маша хмыкнула и хотела спросить, с какой стати она должна нравиться неизвестно кому, но передумала. Стоило признаться самой себе, что ей и в самом деле хотелось бы понравиться другу Сергея, кем бы он ни был.

Ее беспокоило, как Костя отнесется к новому знакомцу, но, к Машиному облегчению, в первые же десять минут все разрешилось наилучшим образом, стоило только Сергею упомянуть о том, кем он работает.

– Не, вы реально сыщик? – изумленно протянул Костя.

– Чисто конкретно и в натуре, – серьезно кивнул Бабкин. – Только не государственный, а частный.

– Вау!

Костя остановился и уронил в песок пакет, который ему было поручено нести особенно бережно.

– Костик, помидоры! – страдальчески воскликнула Маша. – Все

передавишь!

Бабкин забрал у мальчишки пакет и подмигнул ему.

Следующие полчаса он подробно отвечал Косте на все его вопросы. Поначалу Маша пыталась осаживать сына, но потом махнула рукой. Ей и самой было ужасно любопытно, чем же занимаются частные сыщики, и она с открытым ртом слушала, как Сергей и его друг искали девушку, попавшую в религиозную секту[Эта история описана в книге Е. Михалковой «Знак Истинного Пути», издательство «Эксмо»].

– Слушайте, классная у вас работа, – с уважением заметила она, дослушав до конца.

– А вы чем занимаетесь?

Сергей повернулся к ней и первый раз за все время посмотрел на нее в упор. Сейчас, на свету, стало видно, что глаза у него не черные, как ей показалось вчера, а темно-карие, с золотистой оболочкой вокруг зрачка. Взгляд был пристальным, но не наглым.

– Я сценарии пишу, – сказала Маша, слегка смутившись. – Для детишек. По ним делают детскую передачу, называется «Домик Шуши и ее друзей».

Они подошли к самому берегу озера, поросшему мягкой травой. Костя с радостным воплем сорвал с себя майку и бросился в воду, подняв тучу брызг.

– Только у меня вся работа встала, – неожиданно призналась она, стоя рядом с Бабкиным и наблюдая за сыном.

– Почему?

– Потому что... потому что мать Вероники живет с нами, и она меня сбивает, – путано объяснила Маша. – То есть не сбивает, а... мешает... в общем, даже не знаю, как объяснить.

– Пожилая тетка, которая ходит по саду? – нахмурился Сергей, припоминая. – С хриплым голосом?

– Угу. Она своеобразный человек, и мне при ней трудно работается. У меня такое в первый раз, честно говоря, и я даже не знаю, что мне делать. Сценарии-то надо писать.

Она вздохнула и потрогала воду босой ногой. Вода была холодная и чистая. На дне мелькали мальки, и Маша подумала, что нужно написать сценарий про мальков: как они вылупляются из икринок. В конце концов, ей это и самой интересно.

Елена Игоревна Царева выкатила коляску с внуком во двор и поставила в тень липы. Мальчик запрокинул голову назад и уставился на

листья, колышущиеся над ним. Елена Игоревна с надеждой наклонилась к Егору, но взгляд ребенка был бессмысленным, как и раньше. Как и всегда. «С нами Бог», – проговорила про себя Елена Игоревна, запретив себе предаваться отчаянию. Отчаяние – для слабых духом, для тех, кто сомневается в Господе. Она не из таких.

С тихим неудержимым вздохом она присела на корточки и начала массаж, который нужно было делать каждый день. Так сказал знахарь, к которому они возили Егора, – не настоящий знахарь, конечно, а просто бывший врач, занявшийся альтернативными методами излечения детей с ДЦП. «Альтернативные методы» – это звучало хорошо, веско, а главное – вселяло надежду, что раз уж не помогли традиционные методы, то есть еще и другие, альтернативные, и вот с ними-то все непременно получится.

Елена Игоревна нажимала на точки: под коленками, в которых, казалось, прощупывается каждая косточка, потом на щиколотке, постепенно спускаясь к стопе. Она повторяла процедуру четыре раза в день, строго по часам, читая молитвы, как и велел доктор. Елена Игоревна знала, что Светлана никаких молитв не читает и вообще не верит в то, что Егору что-нибудь поможет. Поэтому она должна была стараться за двоих и верить тоже за двоих.

– Тяжело, – вслух призналась она мальчику, прервав молитву. – Но мы должны тебя вылечить, правда, дружок?

Егор пускал слюну изо рта, и глаза его были по-прежнему бессмысленны.

– Мальчик, ты меня слышишь? – умоляюще спросила бабушка. – Егорушка!

Ветер подул сильнее, и шорох листьев усилился. Егор по-прежнему не отводил от них взгляда, но что именно он видит, Елена Игоревна не знала.

«Ничего, – сказала она самой себе. – Ничего. Справимся. Только бы Светлана выдержала, не сдалась, как в тот раз».

Вспомнив события двухлетней давности, Царева помрачнела. Тогда она смогла изменить ситуацию, подчинить дочь своей воле, спасти ее душу от страшного греха. Но в глубине души Елена Игоревна всегда чувствовала: дай она хоть малейшую слабину, и Светлана повторит то, что сделала тогда, два года назад. И на сей раз ее не остановишь, дочь пойдет до конца.

Елена Игоревна перекрестилась сама, перекрестила внука и повезла коляску к калитке.

Макар заметил старуху, когда она пыталась перевезти коляску через

дорогу. Глубокая песчаная колея мешала ей, колеса вязли в песке, и в конце концов женщина поняла, что у нее ничего не получится. Она наклонилась над мальчиком и обхватила его двумя руками.

– Подождите! – крикнул Макар, закрывая за собой калитку. – Я вам помогу!

Он подошел поближе и поздоровался. Соседка смотрела на него, сжав губы, и секунду подумала, прежде чем ответить на приветствие. Лицо у нее было бледное, с острым подбородком, выдающимся вперед, с глубоко посаженными темными глазами, смотревшими недружелюбно из-под седых бровей.

– Я перенесу мальчика, а потом коляску, – сказал Макар. – Вы сами не справитесь.

Он поднял ребенка, оказавшегося неожиданно тяжелым. Судя по его худобе, Макар полагал, что парнишка почти ничего не весит. С трудом перетащив мальчика через дорогу, Илюшин посадил его на траву и вернулся за коляской.

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила соседка, когда он поставил коляску рядом с мальчиком. – Дочь спит, а самой бы мне не справиться. Как вас зовут?

– Макар, – ответил Илюшин, слегка удивленный вопросом. Он был уверен, что женщина, нехотя принимающая его помощь, не захочет общаться и постарается уйти поскорее.

– А меня – Елена Игоревна. Скажите, Макар, как пройти на поле с васильками коротким путем?

Макар объяснил дорогу, и соседка собралась уходить, коротко кивнув на прощание.

– Елена Игоревна, вы так любите васильки? – не сдержал он любопытства.

Старуха взглянула на него и хотела осадить, но увидела простака-студента, глядящего на нее открыто и простодушно.

– Нет, не люблю, – покачала она головой. – Но лекарь, который пользуется Егора, с чего-то решил, что мальчику нравится синий цвет и что ему нужно видеть больше синего вокруг себя. Вот я и показываю Егору... синий.

Она пожала плечами, отвернулась и покатила коляску по улице. Макар покивал чему-то, понятному только ему, и вернулся в дом.

А спустя полчаса громко хлопнула входная дверь, и ввалился Бабкин, потряхивая пакетом с полотенцем.

– Зря не пошел с нами, – сообщил он Макару с порога. – Вода

классная, карасиков видно.

– Вот и принес бы... карасиков! – послышался голос Дарьи Олеговны, выпалывавшей сорняки под окном в палисаднике. – Кстати, что за девица с тобой ходила?

Бабкин высунулся в окно и посмотрел на тетушку. Дарья Олеговна подняла голову, утерла пот со лба и испытующе посмотрела на него.

– Долго таращиться-то будешь? – поинтересовалась она. – А, можешь и не рассказывать. Без тебя знаю. Егоровых девица, живет у них с сыном. Так-то с виду вроде приличная, одно плохо – рыжая!

– Дарья Олеговна, а почему рыжая – это плохо? – спросил Макар, высовываясь в окно рядом с Бабкиным.

– Так ведь веснушки, – удивленно ответила тетушка Бабкина, наклоняясь и машинально закапывая мокрицу обратно в землю. – Что ж хорошего, если у бабы вся физиономия в веснушках? То она простоквашей их выводит, то одуванчиками, то чистотелом, а они выводиться и не думают. У нее тогда что будет? Душевные метания и расстройство кишечника.

Бабкин хрюкнул и исчез. Макар пару секунд задумчиво наблюдал за действиями Дарьи Олеговны, а затем заметил:

– Дарья Олеговна, вы ее полить не забудьте. Мокрица – она водичку любит.

– Какая мокрица? – спохватилась тетушка. – Мокрица?! Ах ты ж, господи! Ну, Сережа, совсем заговорил меня, поганец, со своими бабами! Вот только приди еще ко мне с разговорами! – грозно закричала она. – А где ж мои бархатцы-то, а?

Она вышла из палисадника, и некоторое время Макар с Бабкиным вслушивались в затихающие причитания по поводу бархатцев и сорняков.

– Как искупался? – спросил Макар.

– Хорошо, – кивнул в ответ Бабкин, явно думая о чем-то своем. – Очень даже неплохо. Вода отличная, в ней мальки плавают. А, я тебе уже говорил... – вспомнил он.

Макар внимательно посмотрел на него, усмехнулся и плюхнулся обратно на диван.

* * *

Елена Игоревна всегда знала, что добром отношения ее дочери с этим кудрявым молодым человеком не кончатся. Правда, она о любых

отношениях считала, что добром они не кончатся, а счастливая любовь до гроба встречается лишь в бессмысленных слюнявых женских романах, которые Елена Игоревна презирала до глубины души. Но в данном случае она оказалась права.

Кудрявый был начальником отдела маркетинга в одной из фирм, которые проверяла Светлана. Чуть полноватый, высокий, с гладким лицом херувима и обаятельной улыбкой, делавшей его похожим на какого-то голливудского актера, он пользовался успехом у женщин, о чем хорошо знал. Нет, не у женщин – у девушек, причем преимущественно молоденьких. Дамы постарше почему-то не торопились падать к ногам очаровательного Виталика, но он предпочитал списывать их холодность на наличие у него жены и двух очаровательных ребятишек, как две капли воды похожих на папочку. Дамы не хотели понимать, что жена – это одно, а легкие, ни к чему не обязывающие отношения – совсем другое. А вот девушки понимали, и соглашались, и принимали обаятельного Виталика таким, какой он есть, – со всеми его достоинствами и недостатками. Он сразу предупреждал их о том, что ему нужен лишь секс, но так очаровательно и легко, что девушки не оскорблялись и соглашались на его условия.

Светлана Царева являлась исключением хотя бы потому, что девушкой назвать ее ну никак нельзя было. Она стала выглядеть по-женски лет с семнадцати, как цветок, который вечером был крепко сжатым бутоном, а наутро – раз! – и уже полностью распустившийся пион. Впрочем, на пион Светлана не была похожа – скорее на бледную комнатную фиалку, не претендующую ни на особенную изысканность, ни на редкостную красоту. Так, стоит что-то незамысловатое в горшке, цветет – и хорошо.

Но вот ее женское начало, добавлявшее Светлане если не прелести, то миловидности и сдержанного достоинства, Виталик почувствовал сразу. Ему не хватало этого начала в жизни, заполненной юными девушками и по вечерам – уставшей женой, нянькающейся с бойкими погодками. Потому он твердо решил покорить крепость, заранее настроившись на то, что она окажется неприступной.

Крепость пала после второго свидания – не потому, что Светлана была легкодоступной, а потому, что она сразу поверила всему, что он говорил ей, и искренне решила: вот оно, счастье – в лице прекрасного, кудрявого, влюбленного начальника маркетингового отдела. О его семье она, конечно же, знала, но вычеркнула информацию из головы, не напрягаясь, будто годы материнской опеки и нравоучений, вбивания в ее голову понятия «грех» растворились за одну секунду от обаятельной улыбки

посредственного прохвоста.

От матери она не скрывалась, да это было и невозможно – Светлана пела по утрам, ходила с блаженной улыбкой, беспрестанно писала сообщения, выстукивая их на клавишах своего сотового телефона и смеясь, когда тот вместо нежнейшего обращения «милюся» удивленно выводил на экран «Нильс?», не понимая, чего от него хотят. Елена Игоревна, узнав о семейном положении избранника дочери, почернела лицом и устроила Светлане такое, что та пряталась по углам, зажимая уши, лишь бы не слышать обвиняющего голоса матери, бросающего страшные слова. Никогда еще старшая Царева не была в такой ярости: все, чему она учила дочь, все нормы нравственности и морали были повергнуты, растоптаны, отданы на поругание похоти! Она собралась посоветоваться с бабушкой о том, как отвратить Светлану от выбранного ею омерзительного пути, но это оказалось лишним: два дня спустя после ее обличения Виталик, смущенно улыбаясь, признался Светлане, что больше не будет продолжать с ней отношения – жена начала что-то подозревать. Светлана была неосторожна и звонила Виталику на все известные ей телефоны совершенно бездумно, а маркетолог за две недели совместной постели был сыт Светланиной влюбленностью по горло.

Светлана не верила ни в религию матери, ни в Бога вообще, но в тот момент была очень близка к тому, чтобы поверить. Кара, как и предсказывала ее мать всего двумя днями ранее, наступила быстро и оказалась жестокой. «Вот так же и я собиралась его у жены отобрать, – в каком-то тупом ошеломлении от случившегося думала она. – И тогда она бы страдала, а с ней и дети. Это меня мое чувство наказало. Так нельзя, нельзя...»

Елена Игоревна, узнав о быстрой развязке, тут же успокоилась и даже не стала читать дочери морали в надежде, что та «сама все поймет». И на два месяца в семье воцарилось относительное спокойствие. Относительное, потому что Светлана страдала, тихо плакала по ночам, кусая подушку, а с утра замазывала корректором уродливые круги вокруг глаз и пятна на бледной коже, чтобы не сплетничали коллеги. Она потухла, сникла, вела долгие разговоры сама с собой, иногда озвучивая свои мысли вслух. А через два месяца узнала о том, что беременна.

Вопрос о том, оставлять ли ребенка, даже не поднимался: для Елены Игоревны аборт был грехом, отвратительным, как убийство, а для Светланы ребенок был желанным, особенно потому, что возраст ее уже подходил к критическому для беременности и родов. Старородящая – вот кто она теперь. Но, несмотря на оскорбительное звучание медицинского

термина, Светлана радовалась своему состоянию, радовалась, что родится мальчик – обязательно мальчик, она точно знала! – и он будет немного похож на Виталика, но в целом – на нее. Будет ласковый, спокойный, часто болеющий и любящий читать про пиратов больше, чем сказки.

И так она нафантазировала себе ребенка, во всех подробностях, со всеми мелкими штрихами и особенностями характера, что, когда принесли ей Егора, она чуть не оттолкнула его: это было не ее дитя, а чужое – страшное, лиловое, с огромной гидроцефалической головой и вяло свесившимися ручками. А потом, когда все выяснилось про ребенка, вокруг наступила темнота – словно людей, свет и радость отсекали от нее огромным острым ножом-гильотиной, и холодное железо встало стеной по кругу. «Це-реб-ральный па-ра-лич, це-реб-ральный па-ра-лич», – молотило в голове, когда она шла по улице, резала мясо, пеленала ребенка. Вот теперь она в полной мере осознала, какую кару пророчила ей мать, и никак не могла понять – неужели она совершила настолько страшный грех, чтобы карать за него – вот так?!

Откуда Виталик узнал о случившемся, было для нее загадкой, но подсуетился он быстро: позвонил не самой Светлане, а Елене Игоревне и мягко выразил сочувствие. Заодно предупредил, что знает: у Светы были другие мужчины одновременно с ним, поэтому если та рассчитывает на помощь с его стороны, то он, к сожалению, отказывается. Но сочувствует.

Попрощался – и деликатно исчез из их жизни навсегда.

Первые полгода Светлана страстно надеялась на то, что ребенок вот-вот умрет. Ей было непонятно, как, а главное, зачем теплится жизнь в этом с рождения исковерканном существе. Она показывала его врачам, добросовестно выполняла все необходимые процедуры и каждое утро ожидала, что сын не проснется. Но постепенно ее надежда стала угасать, превращаясь в тупое безразличие. Если бы не мать, Светлана наложила бы на себя руки – она уже знала как: лечь в ванную, быстро, не думая, нажать на вены бритвой, опуститься в теплую воду, закрыть глаза и ни о чем больше не беспокоиться. Но мать была рядом – твердая, несгибаемая, поддерживаемая своей верой. Безо всяких сомнений она приняла, что ребенок – не только крест дочери, но и ее собственный. И тащила на себе и его, и Светлану – не сгибаясь под своей ношей, с изредка вспыхивающим в глазах фанатичным блеском.

За то время, что я живу здесь, я уже так много доказал себе, что, пожалуй, можно и остановиться. Поездка выходит на редкость удачной. Я никогда не ощущал себя таким талантливым. Работается легко,

впечатления собираются как раз такие, какие мне и нужны. Я складываю их в свою копилку и достаю по мере необходимости. Особенно приятно сочетать сбор впечатлений с физиологической разрядкой. Звучит, конечно, несколько пошловато, но ведь и значительным людям были свойственны небольшие слабости. Значит, и мне позволительно. В конце концов, все идет на пользу моему делу.

Одно плохо: мне катастрофически не хватает впечатлений для главной сцены. А она должна быть жизненной, непридуманной. Что же делать с убийством? Полагаю, его не так сложно осуществить, как кажется убогому законопослушному большинству. Возможно, если хорошенько все продумать, я смогу найти подходящую кандидатуру, а заодно избавить мир от очередной бессмысленной кровососущей твари в человеческом обличье. Я даже знаю одну такую.

Опасно, конечно, очень опасно. Но, во-первых, соображения опасности не могут остановить меня. А во-вторых (и самое главное), никакая опасность не может перевесить то, что я получу в результате. Результат выше всего, даже выше чужой жизни. Впрочем, почему «даже»? Особенно – чужой жизни.

Глава 8

С утра подул сильный ветер, прогоняя над деревней Игошино нагромождения облаков, объемных сверху и плоских снизу, словно их подровняли ножом. Глядя на эти облака, Маша решила, что на озеро она не хочет, а хочет в лес, насобирать земляники или черники в маленький бидон с веселой пятнистой коровой на крышке.

– Ма, давай дядю Сережу с собой возьмем, – предложил Костя, заправляя кровать.

– Давай, – обрадованно согласилась Маша, довольная тем, что такую отличную идею подал сын, а не она сама. – Пожалуйста, кепку не забудь и руки намажь от комаров.

– А ты куда?

– А я позову дядю Сережу.

Но Бабкина дома не оказалось. Когда Маша постучала в окно, оттуда высунулась пожилая румяная женщина, внимательно оглядела ее и сказала, немного окая и растягивая слова:

– Утро доброе, утро доброе... А Сереженьки нет. Отправила я его с другом квитанции оплатить за электричество, а то, не ровен час, отключат меня. Они на велосипедах и покатили.

– А далеко? – спросила Маша, надеясь, что через десять минут Сергей с другом вернутся и можно будет позвать их с собой.

– Так в Малаховке, – немного удивленно ответила женщина. – Где ж еще платить-то? Хотя вы ведь не местная, не знаете. Далеко – не далеко, а часа два-то еще прокатаются. Если очереди на почте не будет.

Маша вздохнула, поблагодарила ее и пошла к дому. Открывая калитку, она услышала громкие голоса и внутренне поежилась: опять Юлия Михайловна добилась своего и устроила скандал. Но, подойдя поближе, поняла, что ошиблась, – семейство Вероники собиралось пешком на озеро и громко обсуждало, кому что нести.

– Машка, привет! – воскликнула Вероника, поворачивая к ней оживленное лицо. – Пойдем на озеро?

– Не, Вероника, мы с Костиком в лес собрались, – отказалась Маша. – Слишком ветрено сегодня. А где...

Она не договорила, но все ее поняли.

– Юлия Михайловна с утра пораньше соседей караулит, – наябедничала Ирина, сворачивая подстилку и запихивая ее в пакет. – Даже

завтракать не приходила.

– Вот и классно, – буркнул Димка, болтавший ногами на стуле. – Пап, не забудь мой круг!

– И крем от загара, – напомнила Вероника.

– И помидорки, – добавила Ирина.

Митя оглядел их и беспомощно развел руками. Семья Егоровых дружно рассмеялась, и каждый снова занялся своим делом.

«Какие-то они стали другие... веселые, оживленные, стоило им остаться одним, без Юлии Михайловны, – подумала Маша. – Даже Ирина смеется по-другому. И Вероника перестала быть такой зашуганной, как раньше. Бедные они, бедные... Что же с ними в городе будет?»

С лестницы чуть ли не кубарем скатился Костя и молодецки нахлобучил кепку на голову.

– Ма, я готов! Ну что, пошли?

– А бидончик? – напомнила Маша. – Вероника, вы когда вернетесь?

Вероника задумалась, подсчитывая про себя.

– Часа в четыре, не раньше, – опередил ее Митя. – Дойдем искупаемся, жару переждем... Димка, не лопай хлеб, мы его с собой возьмем!

– А мы, наверное, раньше, – вслух подумала Маша. – Что нам в лесу до четырех делать?

Егоровы замолчали и перевели взгляд на нее.

– Значит, ты придешь, а дома никого не будет, – робко произнесла Вероника. – В смысле, никого из нас не будет...

Маша отлично поняла ее и улыбнулась:

– Да ты не беспокойся, все будет хорошо. Мы с Костиком пообедаем и уйдем к себе в мансарду. Не надо за нас переживать, правда.

– Я просто хочу, чтобы вам было хорошо, – тихо призналась Вероника. – И очень боюсь...

– Вероника, нам хорошо, – перебила ее Маша. – Честное слово! Хочешь, я тебе сценариями поклянусь?

– Нет, ты лучше поклянись гонораром, – потребовал Митя, и на лице его жены снова появилась улыбка, исчезнувшая было при воспоминании о матери. – Самым большим, предновогодним.

– Святое – не трожь! – строго ответила Маша. – Ишь ты, предновогодним гонораром... Ладно, ребята, мы побежали! Счастливо вам искупаться!

– А вам – ягод набрать, – пожелала Ирина.

– Смотрите там, не заблудитесь! – крикнула вслед Вероника, когда Маша уже выходила из дома.

– Компас возьмите, – донесся тонкий Димкин голосок.

Костя презрительно фыркнул:

– Компас! Что мы, маленькие, что ли? Без компаса не заблудимся.

Правда, мам?

– Правда, правда, – весело откликнулась Маша. – Ну, вперед. Ягоды, трепещите!

То, что они заблудились, стало ясно через два часа, когда Маша, беспомощно оглядевшись по сторонам, признала, что понятия не имеет, в какую сторону им идти.

Бидончик, стоявший под кустом, был наполнен черникой и уцелевшими ягодами земляники, то есть не съеденными Костей. Сам Костя валялся на траве под сосной, раскинув руки в стороны. Время от времени он приподнимался, выуживал из бидона пригоршню ягод и отправлял ее в перепачканный черникой рот. Маша стояла на поляне и пыталась вспомнить, как же они шли.

– Мог бы от комаров и не намазываться, – подал голос Костя. – Все равно их нет!

– Ветер, потому и нет, – рассеянно отозвалась Маша. Господи, как же они ухитрились заблудиться, если все время собирали ягоды на одной полянке?

Но горькая правда заключалась в том, что после первой полянки они нашли вторую, после второй – третью, а там и новую, и еще одну, а потом Костя погнался за ящерицей, и они свернули неизвестно куда. Продирались через можжевельник, наткнулись на гнездо на высоте Машиных глаз, в котором попискивали четыре страшеньких птенца, из которых торчали, как стрелы, маленькие перья. Она запретила Косте трогать их руками, и они просто стояли и смотрели на них, пока на соседнюю ветку не прилетела черная птичка и не начала взволнованно попискивать.

– Это, наверное, мама птенцов, – сказала тогда Маша. – Пойдем, не будем их пугать.

И они пошли... Но куда?

– Костя, куда мы пошли после гнезда? – обернулась она к сыну.

– Налево, – без колебаний ответил Костя и облизнулся. – Ма, можно я еще черники съем? Все равно мы заблудились.

– Не заблудились, а потеряли свою тропинку, – поправила его Маша. – Не такой тут лес, чтобы в нем заблудиться.

– А я слышал от дяди Мити, что очень даже густой и страшный, – возразил Костя. – В прошлом году тут одна старушка заблудилась,

помнишь?

Маша очень хорошо помнила, потому что Вероника рассказывала ей ту историю на днях. Бедная старушка потерялась в лесу, и ее не могли разыскать пять дней.

– И только косточки от нее нашли! – вдруг гаркнул над ухом бесшумно подкрававшийся Костя.

Маша чуть не подпрыгнула, а сын довольно захохотал и опять повалился на траву.

– Костик, ты балбес, – покачала головой Маша. – Что нам с тобой дальше делать, а?

– Сначала надо подкрепиться, а там видно будет, – солидно ответил Костя, похлопывая себя по животу. На майке у него виднелись следы от паутины и прилипшие хвоинки.

Подумав, Маша решила, что в данном случае сын прав. Она уселась рядом с ним, и оба начали поедать ягоды.

Степан Андреевич Лесников по прозвищу Лесник в часть леса, ближнюю к деревне, обычно не ходил – зачем, если все деревенскими вытоптано? Но нынешний год был богатым на лисички, которые Лесник очень уважал: обжаривал их с лучком, затем тушил в сметане, добавлял на сковороду молодой отварной картошечки и с удовольствием ел свое блюдо, запивая его морсом. Морс он тоже делал сам, не признавая покупных соков. А лучшие лисички росли именно здесь, в березовой роще, за которой начинался долгий сосновый лес.

Набрав полную корзину-«боковушу» любимых грибов, Лесник решил пройти окружным путем, чтобы выйти к дому через Малое озеро – так в Игошине называли небольшой пруд, с каждым годом все больше зараставший камышами и осокой. Ему нравилась дорога через лес, под соснами, разогретыми солнцем, скрипящими на теплом ветру. Пробираясь знакомыми, тысячу раз хоженными тропами, Лесник услышал голоса и замедлил шаг.

– Направо надо, говорю тебе! – доносился сердитый детский голос.

Ему что-то отвечал второй, женский, но слов было не разобрать.

– Да не шли мы тут! – звонко убеждал первый. – И вообще...

Что «вообще», Степан Андреевич не дослушал, потому что впереди раздалось приглушенное восклицание, свидетельствующее о том, что его заметили.

Первым навстречу выбежал мальчишка – длинный, тонкий, в каких-то непонятных штанах с кучей карманов. За ним вышла женщина, волосы которой были тщательно убраны под зеленую косынку. «Молодец, –

одобрительно подумал Лесник, – волосьями не трясет на весь лес, как некоторые». И тут он ее вспомнил. Это ж подруга Вероники, которую он у бани Липы Сергеевны видел!

Маша заметила, подходя, что хмурое поначалу лицо Лесника прояснилось, стало таким же ласковым и добрым, каким было, когда Вероника познакомила их. Даже странным казалось такое быстрое преобразование.

– Здравствуйте, – приветливо проговорил Лесник, подходя к ним. – О чем спорите?

– Мы заблудились, здрасьте! – выпалил парнишка, поднимая на него яркие карие глаза. – Мама говорит, туда надо, – он махнул рукой в сторону березовой рощи, – а я говорю, туда!

– Добрый день, – поздоровалась Маша, припоминая имя Лесника, – Степан... Степан Андреевич. Да, мы заблудились немного. Все ягоды съели, пока плутали.

Мальчишка приподнял крышку бидона, на дне которого Лесник увидел горсточку помятых ягод, уже пустивших сок.

– Давно плутаете, я смотрю, – усмехнулся он. – Ничего, отсюда до деревни два шага. Оглянуться не успеете, как выйдете. Правильно, мужик, твоя мамка говорит, – обратился он к Косте. – Идти тут надо через березовую рощу. Минут пятнадцать – и выйдете к крайней околице.

– Ну вот, я же говорила! – обрадовалась Маша. – Спасибо вам большое, Степан Андреевич.

– Да не за что, не за что, – покряхтел тот, забрасывая ремень «боковуши» на плечо. – Вы бы и той дорогой могли пройти, только она круглая. Километров пять намотать можно, а то и все шесть.

– Нет-нет, мы уж лучше по короткой, – улыбнулась Маша, и Лесник отметил, какая хорошая у нее улыбка – открытая, дружелюбная, светлая, прям как у Вероники.

– Тогда доброго пути. Привет Веронике передавайте!

– Обязательно, – ответил за Машу Костя. – А что у вас в корзине? Грибы?

Корзина сверху была прикрыта ветками, так что невозможно было разобрать, что под ними.

– Грибы, грибы, – кивнул Степан Андреевич.

– Ой, а можно посмотреть?

Любопытный Костя уже почти сунул нос в корзину, но Лесник решительно отодвинул ее в сторону.

– Грибы – они чужих глаз не любят, – извиняющимся тоном протянул

он, обращаясь к Маше. – Характер показывают. Ну, бывайте!

Он уверенно зашагал в ту сторону, откуда вышли Маша с Костей.

– Поганок, значит, набрал, – фыркнул Костя, глядя ему вслед. – Потому и показывать стыдно.

– Сам ты поганка, – Маша слегка шлепнула его по попе. – Если бы не он, мы бы с тобой еще часа два плутали, а то и больше. Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени?

Костя с умным видом уставился на солнце, потом покосился на Машу.

– Вот и я не знаю, – вздохнула она. – Наверное, уже часа четыре, если не больше. Есть хочется, пойдем быстрее.

Они и впрямь быстро вышли к околице – Маше показалось, что прошло куда меньше пятнадцати минут. Только что вокруг был лес – и вдруг уже показались коньки крыш, а через минуту и все Игошино. Весело помахивая пустым бидоном, Костя побежал к дому, а Маша поплелась за ним, чувствуя, как наваливается на нее усталость. «Сколько же мы были в лесу?» – попыталась подсчитать она и тут заметила выходящих из соседнего прогона Егоровых – всех четверых. Она помахала рукой и ускорила шаг.

К калитке они подошли одновременно.

– Машка, неужели вы только из леса идете? – весело ахнула Вероника, разглядывая уставшую подругу. – Долго же вы ягоды собирали!

– Представляете, мы заблудились, – пожаловалась Маша. – Все ноги оттоптали, пока дорогу искали.

– А мы сгорели, – открывая калитку, поведал Митя. – Вон, посмотри на эту красавицу, – он показал на Ирину, которая смущенно прикрыла красные щеки ладонями. – Ведь говорили: помажь лицо кремом!

– Да ладно, пап, я помазала, просто он смылся. Ужасно, да, тетя Маша?

– Нет, – покривила душой Маша, разглядывая девушку. – По-моему, ничего страшного.

– Ирка – вождь краснорожих, Ирка – вождь краснорожих! – торжествующе завопил Димка, приплясывая на месте. – Костя, смотри скорее!

– Дима, перестань сейчас же, – одернула его Вероника. – Костя, привет. Юлия Михайловна в саду?

– Не-а, – покачал головой Костя. – Я бидон около сарая поставил, а ее не видел. В доме, наверное.

Суется и толкаясь на веранде, все вошли в дом. Внутри было хорошо, прохладно, и Маша вздохнула с облегчением.

– Ира, нужно пакеты разобрать, – деловито сказала Вероника. – Повесь, пожалуйста, подстилки сушиться, а я пока...

– А где Юлия Михайловна? – внезапно перебил ее Митя.

Вероника замолчала и удивленно посмотрела на него. Маша с Костей переглянулись.

– В саду, наверное, как обычно, – протянула Ирина, непонимающе глядя на отца.

– Костя говорит – нет ее в саду, – покачал тот головой.

– Может быть, по деревне гуляет, – предположила Вероника. – Или спать легла, нас не услышала.

Отодвинув Димку, сосредоточенно рывшегося в пакете, она открыла дверь и прошла в глубь дома. Маша пошла за ней, сама не зная зачем.

Вероника дошла до комнаты матери, дверь в которую была приоткрыта. Сквозняк тихо шевелил занавеску, которую Егоровы вешали в проеме по старой традиции. Решительно отведя ее рукой, Вероника шагнула в комнату и застыла на пороге, непонимающим взглядом остановившись на том, что лежало на кровати.

Маша, вошедшая в комнату вслед за ней, вскрикнула и прижала ладони ко рту. За ее спиной послышался приглушенный звук – это Митя, догнав их, понял, что увидел, и оттолкнул Ирину от двери.

– Господи, – выдохнула Маша, – как же?..

Она не могла отвести взгляда от старухи, лежащей на кровати. Рот Юлии Михайловны был открыт, мертвые глаза смотрели в потолок без всякого выражения. Ото рта по лицу расползлась мертвенная синева. Свесившаяся рука касалась пола, и пальцы, при жизни выглядевшие длинными и крепкими, сейчас казались сухими и тонкими, как палочки. Под пальцами на полу валялась смятая подушка, почему-то без наволочки – желтоватая, с грязно-серыми разводами на углах.

Смерть словно обострила все черты старости в немолодом теле Юлии Михайловны, безжалостно прорезала морщины, высушила кожу до пергаментной, как у мумии. Это был совсем не тот человек, которого Маша видела каждый день, а какая-то неизвестная ей женщина с незнакомым, искаженным смертью синеватым лицом. На мгновение у Маши мелькнула дикая мысль, что перед ней вовсе не Юлия Михайловна, а кто-то другой, обряженный шутовски в ее цветастый халат-кимоно и решивший сыграть с ними злую, страшную шутку. Но рядом всхлипнула Вероника, и бредовая мысль исчезла.

– Мама... – растерянно прошептала Вероника. – Мамочка, – выдохнула она, бросаясь к телу на кровати. – Мамочка моя!

И горько заплакала возле мертвой женщины, которую всю жизнь считала чужой и которую секунду назад в первый раз назвала мамой.

Глава 9

Приехавший из города следователь заполнял протокол. Борис Петрович Забелин трупов за свою жизнь видел не так уж и мало, потому что хоть и маленький городок рядом с деревней Игошино, а пьяных да дураков в нем всегда хватало. Да и алкаши в деревнях вокруг не то что не перевелись – наоборот, прибывает их полку с каждым годом. А по пьяной лавочке самое милое дело – собутыльника шарахнуть пустой бутылкой по голове или ткнуть тем, что под руку придется. Понятно, что в таких случаях не буханка попадает, не банка шпротная, а нож.

Но с трупом, за которым с минуты на минуту должна была прийти машина, все обстояло куда как непросто. Бабку задушили ее же собственной подушкой, причем после убийства сняли с подушки наволочку. «Что же получается? Там следы были, что ли? – задумался Забелин. – Поранился наш убийца, кровь на подушке оставил? И обо что же он мог пораниться, интересно знать?»

Борис Петрович встал и обошел комнату, внимательно приглядываясь к вещам. Комната простая, чистая, всех вещей – кровать, шкаф в углу да книжные полки возле кровати. Еще столик маленький. Хозяева говорят, раньше здесь дочка их жила, а после приезда матери ей комнату отдали.

Забелин осмотрел двери – сначала в комнату, затем наружную. Следов крови не было. Он и так понимал, что взяться им на двери неоткуда: хозяева, уходя, замков не запирали – значит, и взламывать ничего не нужно было. «Зачем тогда убийца наволочку с подушки снял? – сам у себя спросил Забелин. – Непонятно».

Он вернулся в комнату убитой и сел дописывать протокол. И так, бардака в доме нет, ничего не пропало, как говорят хозяева, и украшения с убитой не сняты. Еще непонятнее. Получается, вошел человек в дом, подошел к спящей... ага, к Юлии Михайловне Ледяниной. Подошел, значит, к спящей Юлии Михайловне, выдернул у нее подушку из-под головы и крепенько приложил к лицу. Подержал, дождался, пока старушка дергаться закончит, снял наволочку с подушки и вышел себе спокойненько. Подушку в сторону отбросил, вот она сейчас на стуле лежит, и перышко из нее торчит. Из дома ничего не взял. Получается, по мотивам личной неприязни убил спящую Юлию Михайловну? Получается, так.

Борис Петрович подозвал двух понятых и дал им расписаться в протоколе. Понятыми опера выбрали двух старичков – божьих

одуванчиков, живших в доме наискосок. Они с любопытством оглядывались и хотя лица делали серьезные и сочувственные, но видно было, до чего же им все происходящее интересно. «Небось на два года пересудов хватит», – ухмыльнулся про себя Забелин.

Но на самом деле было, конечно, не до ухмылок. Это тебе не банальная бытовуха, а кое-что похлеще. И придется поднапрячься. Поднапрягаться Борис Петрович очень не любил, считая, что в его возрасте такое занятие уже не на пользу организму.

Хлопнула входная дверь, и в комнату зашли двое парней – один помоложе, второй постарше, оба серьезные и насупленные.

– Леша, отпечатки сними с засова на калитке, – распорядился Борис Петрович. – И с другой стороны тоже. Может, огородами зашел?

– Да там всяких отпечатков – тыща штук, в них черт ногу сломит, – возразил тот парень, что помоложе.

Забелин недоуменно глянул на него, и опер притих.

– Значит, ты снимешь отпечатки, а ты, Валер, отправляйся по соседям. Второй парень молча кивнул.

– Ты у нас человек грамотный, не мне тебя учить, – польстил ему Борис Петрович, которому очень не хотелось опрашивать соседей самому. – А я пока с родственниками поговорю. Они-то должны знать, кто настолько не любил Юлию Михайловну, что подушкой ее придушил среди бела дня.

– Так среди бела дня, Борис Петрович, самое время, – осмелился подать голос Леша. – Жарко, все по домам прячутся. На огородах никого нет. В общем, как ее... сиеста!

– Тихий час по-нашему, – добавил Валера, но заметил, что следователь его уже не слушает. – Ну ладно, пошли мы...

– Давно пора, – огрызнулся на них Забелин, занятый своими мыслями.

Оба опера вышли, а Борис Петрович отправился беседовать с безутешными родственниками.

Беседа оказалась непродуктивной до расстройства печени. Дочь убитой честно призналась, что мать свою не очень любила, да и матерью-то убитая была для дочери весьма условной. Все утро их семья провела на озере. Свидетелей, правда, нет. Егоровы утверждают, что на озере они были одни, но против семейного алиби особенно не попрешь, если только вещественное доказательство не найти, опровергающее их дружные показания. Да, Забелин был в расстройстве.

Показания гостившей у Егоровых Марии Елиной тоже ничего особенного не прибавили. С утра ушла в лес с сыном, там проплутала до

трех часов, пришла домой одновременно с Егоровыми. Правда, Мария Елина прибавила кое-что, о чем умолчали дочь и зять убитой: «Ее все не любили».

– Ее все не любили, – повторила Маша, разглядывая следователя.

Он был маленький, какой-то очень незначительный, с усталым лицом, на котором явственно читалось, как не хочется ему разбираться со свалившимся на его голову неприятным делом. Время от времени следователь почесывал переносицу, так что к концу разговора она стала ярко-красной. Слова Маши он слушал невнимательно, но так подробно расспрашивал об отношениях внутри семьи Егоровых и Ледяниной, что не составило особого труда понять, к чему клонит разговор.

– За что? – дежурно спросил следователь, записывая что-то на бланке. – За что ее все не любили? И кто такие «все»?

Маша хотела ответить, за что, и запнулась, подбирая слова.

– Понимаете, Юлия Михайловна людей дразнила, – медленно объяснила она.

– Как гусей, что ли? – поднял на нее глаза следователь. – Или «дурачок-дурачок, повернися на бочок»?

– Она говорила всякие гадости, – покачала головой Маша. – Нашей соседке с больным сыном – что у нее ребенок уродец и что лучше было бы его убить. Соседям с другой стороны... тоже...

Она замялась, так как неожиданно сообразила, что не знает, о чем разговаривала с ними мать Вероники. Но понятно же – ни о чем хорошем!

– За такое не убивают, – равнодушно пожал плечами следователь. – Хотя с соседями мы, конечно, поговорим, уж само собой. А вот скажите-ка мне, Мария Анатольевна, что при вас говорила покойная своему зятю? Она его высмеивала, правда? Они часто ругались?

«Кто проговорился? – мелькнула в голове у Маши глупая мысль. – Да неважно – кто, важно, что следователь сейчас совсем не так все себе представит, как было на самом деле!»

– Они не ругались, – объяснила она, стараясь быть как можно более убедительной. Следователь перестал писать и теперь внимательно слушал, прищурившись, отчего она почувствовала себя как человек, который собирается сказать заведомую ложь, и собеседнику это известно. – Мать Вероники задирала его, старалась вывести из себя.

– Зачем?

– Не знаю, – искренне ответила Маша. – Мне кажется, что ей просто нравилось.

– И Егоров выходил из себя, не так ли?

– Нет, не так. – Маша постаралась, чтобы голос звучал твердо и уверенно. – Дмитрий очень сдержанно себя вел, никогда не кричал на нее. Он понимал, что Юлия Михайловна – больной человек и что связываться с ней не стоит, – повторила она слова самого Мити.

– Угу, угу, – покивал следователь. – А вот соседи ваши говорят, что Юлия Михайловна жаловалась на зятя: мол, тот грозился убить ее, потому что не хотел лишний рот кормить.

Маша ошеломленно молчала. «Ах ты старая мразь!» – мысленно произнесла она, хотя старалась о покойниках плохого не думать.

– Ну так что же, Мария Анатольевна? – укоризненно протянул следователь. – Вы с Егоровыми уже две недели живете, наблюдаете их отношения в непосредственной, так сказать, близости... Зачем же вы говорите, что они не ссорились? Дмитрия Егорова выгораживаете, мужа подружки?

– Мне нет никакой необходимости его выгораживать, – пожал плечами Маша, и сейчас голос у нее был твердым без малейшего притворства. – У Дмитрия Егорова, мужа моей подружки, алиби на момент убийства, как вы знаете. А про убитую могу сказать вам следующее, так, запишите в протоколе, пожалуйста: Юлия Михайловна была человеком, который обожал сеять свары. Ей они нравились. Ее они тонизировали, понимаете? Юлия Михайловна всегда про всех говорила гадости. Особенно любила сказать в лицо и смотреть, как человекотреагирует. Но Егоровы тем не менее ее терпели, потому что они очень порядочные люди. То, что Митя грозился ее убить, – полная чушь. Он ее в свой дом принял, хотя мог бы и отказаться. Вы об этом знаете?

– Знаю, знаю, – согласился следователь. – Ну что ж, принял – а потом раскаялся. Все, все, Мария Анатольевна! – перебил он, видя, что Маша собирается возразить. – Я понял вашу точку зрения и записал ее. Вот тут распишитесь, пожалуйста. Спасибо.

Маша вышла из комнаты, ощущая неприятный осадок от разговора. «Он мне не поверил, – подумала она. – Впрочем, не важно: у Мити алиби, и пусть попробует его опровергнуть».

– Ужас какой творится, надо же! – проговорила Дарья Олеговна, входя в дом.

Макар с Сергеем приехали пятнадцать минут назад, и Бабкин, соскочив с велосипеда, первым делом торжествующе помахал перед тетушкиным носом оплаченной квитанцией.

– Три часа в очереди стояли! – простонал он театрально. – Касса закрылась, кассирша сбежала с любовником.

– Ой, Сереженька, молодец! – просияла Дарья Олеговна, забирая бумажку. – Макар, и тебе спасибо. Правда, что ли, три часа?

– А то и все четыре, – отозвался Бабкин, заходя в дом.

Макар помедлил немного, разуваясь на крыльце.

– Куда заехали-то? – деловито осведомилась тетушка Дарья. – На Светлоозеро или на Черемушкино?

Макар быстро взглянул на нее и от души рассмеялся.

– На Светлоозеро, – признался он. – До Черемушкина ехать далеко.

– Зато там вода теплее, потому что на Светлоозере ключи подводные бьют, – сообщила тетушка. – Народу-то много?

– Нет никого, Дарья Олеговна. На нашем берегу одни мы были, да еще какой-то рыбак торчал в камышах, а на другом – тишина. Вода чистая, Сергей ее даже пил. Я, правда, не рискнул, честно скажу.

– Ну молодцы, молодцы, – одобрительно проговорила Дарья Олеговна. – Прокатились хорошо, искупались и полезное дело сделали. Молодцы!

Из дверей высунулась физиономия ее племянника, и Бабкин проворчал:

– Я не понимаю, где обед страдальцам? Мы мучились, пыхтели, в очереди потели, а ты нам даже борща не нальешь?

– Так за укропом пошла! – развела руками тетушка. – Садитесь за стол, голубчики, садитесь. Суп-то уже горячий, его укропчиком посыпать – и можно кушать. Минутку уж подождите.

Макар зашел в дом и с облегчением свалился на диван. Ноги ныли, а на ладонях вздулись мозоли.

– Сто лет на велосипеде не ездил, – вздохнул он, откинувшись на спинку дивана и вытянул ноги. – Кстати, тетя Даша раскрыла твой нехитрый обман.

– Да я и не сомневался, – ухмыльнулся Бабкин. – Что я, родную тетушку не знаю? Она у нас человек проницательный, хоть и простодушный.

Макар хотел ответить, но зашла Дарья Олеговна с тарелками в руках. Лицо у нее было озабоченным.

– Ужас какой творится, надо же, – сказала она. – Только сейчас соседи рассказали: мать у нашей соседки убили, представляете? У Егоровой.

– У Егоровой? – ахнул Бабкин. – У Вероники?

– У нее, бедолажки. Подушкой, говорят, задушили, пока та спала. Вот только-только тело увезли. Что ж на свете делается-то, а?

Макар быстро подошел к окну и оглядел улицу.

– Да, вон ребятки работают, – заметил он, не оборачиваясь. – Одного вижу, второй только что в дом зашел. Значит, пытаются свидетелей найти.

– Эх, а там Маша с Костей, – крикнул Бабкин. – Вот отпуск-то у них получится!

– Может, еще и получится, – успокаивающе проговорил Илюшин. – Если грамотно все сделают, быстро найдут грабителя по горячим следам. Своего быстро вычислят, чужака тем более.

– Так в том и дело! – вмешалась Дарья Олеговна. – Липа говорит, не украли у них ничего.

– Какая липа? – не понял Сергей. – А, Липа Сергеевна! А она откуда знает?

– Так ее в дом водили, смотреть и бумажки подписывать – все ли правильно милиция сделала, нету ли нарушений.

– Понятой приглашали, – кивнул самому себе Бабкин. – Понятно.

Мигом посерьезнев, он посмотрел на Макара. Илюшин по-прежнему не отрывал взгляд от окна.

– Ты чего там высматриваешь? – негромко спросил Бабкин.

– Сам не знаю, – помолчав, ответил тот. – Ладно, давайте борщ поедим, а то скоро и к нам придут вопросы умные задавать.

Родион Копушин смотрел на зашедших к нему оперов с удовольствием, поскольку в ту секунду остро осознавал свою значимость.

– Вы видели кого-нибудь? – повторил стандартный вопрос Валера, уже готовясь записать, что этот студент-очкарик крепко спал после обеда или читал увлекательный детектив.

– Видел, – кивнул Родион. – Человека, пробиравшегося огородами к дому убитой.

– Как?! – подобрался оперативник. – А почему раньше не сказали?

– А зачем? – пожал плечами Копушин. – Все равно он никуда не денется, ваш подозреваемый.

– Так кого вы видели? – нетерпеливо спросил опер помладше.

– Того мужчину, который живет в доме, – объяснил Родион. – Не знаю, как его зовут. То ли Дмитрий, то ли Анатолий... Невысокий, полноватый такой.

– Когда вы видели его? Можете вспомнить хотя бы примерно?

– Зачем же примерно? Скажу точно. – Родион наслаждался и плохо скрываемым азартом оперативников, и собственной неторопливостью. – В два часа дня. Я закончил свои занятия, выглянул в окно, а там ваш фигурант собственной персоной.

Словечко «фигурант», которым щегольнул Копушин, резануло слух Валеры.

– Пока не фигурант, а только подозреваемый, – сухо зато сказал он, подходя к окну. – И то станет им не сразу, а после постановления следователя.

– Я в ваших тонкостях не разбираюсь, – небрежно махнул рукой Родион.

Валера явственно услышал в его словах легкую издевку и неприязненно подумал: «Умник, блин, нашелся! В тонкостях он не разбирается...»

М-да, из окна домишки студентика участок Егоровых просматривался очень неплохо. Часть сада была закрыта деревьями, но если Егоров и в самом деле шел огородами, то вот тебе огороды: смотри – не хочу. Даже капустные грядки легко можно различить. Ну что ж, можно порадовать Забелина.

Вероника тщетно пыталась накормить Димку супом, когда на веранду поднялся следователь. Он вошел без стука, по-свойски, и Машу, разогревавшую рагу для Кости, его бесцеремонность неприятно кольнула. «Вот ведь беспардонный человек», – мелькнуло в голове.

– Покушать готовите? – весело спросил Борис Петрович. – Покушать – это хорошо.

В его фразе не было ничего особенного, но слова следователя все восприняли как обвинение.

– Мне нужно детей кормить, – попыталась оправдаться Вероника.

– А что тут плохого? – одновременно с ней осведомилась Маша, плюхая на скатерть тарелку с овощами.

– Вы нас про еду пришли спрашивать? – неожиданно зло спросил Митя, сидевший рядом с Ириной за столом.

Маша удивленно взглянула на него. Все семейство Егоровых было выбито из колеи: Вероника время от времени всхлипывала и вытирала слезы, Ирина ходила с растерянным лицом и натыкалась на всех домашних, Димка, узнав о смерти бабушки, сначала громко рассмеялся, а потом так же громко разревелся, почти без перехода, и Маше пришлось его успокаивать с помощью Кости. Хорошо еще, подумала она, что сам Костя воспринял происходящее довольно адекватно: ответив на вопросы следователя, ушел к себе наверх, в мансарду, и улегся читать Сергея Лукьяненко. Но даже на общем фоне своего семейства Митя вел себя странновато: поначалу молча стоял в углу с зажатым и каким-то беспомощным лицом, потом, после

ухода следователя, неожиданно прикрикнул на дочь, отчего та вздрогнула и шарахнулась в сторону. Теперь он сидел за столом, прижав ладони к шее сзади, и не принимал участия в общем разговоре, если растерянные реплики, которыми обменивались Вероника и Маша, можно назвать разговором. По впечатлению Маши, именно так и должны были вести себя убийцы, и ей было неприятно видеть в таком состоянии мужа Вероники.

– Да нет, не про еду, – по-прежнему бодро ответил следователь на реплику Мити. – Я пришел спросить у вас, уважаемые мои: знаете ли вы, что врать нехорошо?

Все дружно взглянули на него. Маша бросила короткий взгляд на Веронику, потом на Митю и с неприятным чувством увидела, что на их лицах нет удивления – только страх и обреченное ожидание.

– Вы о чем? – звонким, чересчур звонким голосом спросила Вероника.

Борис Петрович уселся за стол, открыл портфель и выложил какие-то бумаги, которые всего пятнадцать минут назад туда спрятал.

– Я о том, что вот ваши показания, – помахал он у них перед лицами исписанными бланками, – где все вы дружно свидетельствуете: Дмитрий Егоров провел весь день со своей семьей на берегу озера и никуда от вас не отлучался. Так?

Егоровы молчали. Маша, поняв, что происходит неладное, тоже.

– А вот показания свидетеля, который сообщает: он видел Дмитрия Егорова в два часа дня крадущимся по огороду к дому.

– Я не крался! – выкрикнул Митя, и Маша открыла рот, а Вероника тихо ахнула.

– Митя... – попыталась сказать она, но муж перебил ее.

– Я не крался, а шел к дому огородами, потому что так значительно ближе, чем обходить половину деревни, – уже спокойнее повторил он. – И не надо на меня так смотреть, будто я убийца! Мы забыли дома фотоаппарат, поэтому я решил за ним вернуться.

– И... – приглашающим тоном проговорил Забелин.

– И взял его, – закончил Митя. – Вот и все.

– А ваша теща... – тем же тоном начал Борис Петрович.

– Я не видел ее, поймите! Фотоаппарат лежал на буфете, я взял его и вышел из дома. И все! В комнату Ледяниной я не заходил!

– Почему же?

– Потому что не хотел видеть ее лишний раз, – отчеканил Митя, и Маша поняла по лицу следователя, что зря, зря он это сказал.

– Я помню о ваших... – Забелин чуть помедлил, – ...о ваших крайне неприятных отношениях. Значит, вы не знаете, была ли ваша теща, – он

упорно продолжал называть Юлию Михайловну именно так, – жива в то время.

– Нет, не знаю. Я взял фотоаппарат и вышел. Специально старался не шуметь, чтобы...

Он замолчал.

– Чтобы что? – дружелюбно, чуть подавшись к нему, спросил Забелин.

– Чтобы не получить очередную порцию помоев, которыми покойная любила окатывать и меня, и всех остальных.

– Допустим, – кивнул следователь. – Допустим, все так, как вы говорите, Дмитрий Евгеньевич. Только одно не укладывается в вашу стройную версию. – Голос его стал откровенно насмешливым. – То, что вся ваша семья, включая сына, сообщила следствию ложь о вашем нахождении вдали от места преступления. Я не могу расценивать это иначе, как сговор.

– Да поймите вы... – начала Вероника.

– Понимаю, понимаю, – перебил ее следователь. – Не хотелось вашему супругу, чтобы его обвинили в причастности.

– Да как вы смеете! – возмутился раскрасневшийся Митя.

– Вы гонор-то свой успокойте, – посоветовал ему Забелин снисходительно, торопливо строча в очередной бумажке. – Распишитесь-ка вот тут, и проедемте с нами.

– Куда?

– В город, разумеется.

– И что? – растерянно спросила Вероника. – Что в городе?

Ирина и Димка молчали, словно онемев.

– А в городе видно будет, что дальше. Пока задерживаем вашего супруга, – объяснил Борис Петрович, не глядя на нее. – Будет следствие. А потом суд решит его дальнейшую судьбу.

– Но я не убивал! – Митя обращался к следователю, но смотрел почему-то на Ирину. – То, что я был в доме в то время, когда произошло убийство, чистое совпадение!

– Говорю вам: окончательно все решит суд, – словно потеряв к нему всякий интерес, прохладно ответил Забелин. – И в ваших интересах не громоздить одно вранье на другое, как вы пытались сделать.

«Жигуленок» поднял клубы пыли и уехал, увозя Забелина, оперативников и Митю. Вероника стояла около калитки, глядя, как оседает пыль, до тех пор, пока Маша не позвала ее. Ей пришлось повторить дважды, прежде чем Вероника услышала.

– Иду-иду, – отозвалась она без выражения. – Иду, конечно.

Она поднялась на веранду, взяла Димкину тарелку и вылила остывший суп в ведро. Маша хотела что-то сказать, но в это время хлопнула дверь, и в комнату ввалился Костя.

– Ма, кто приезжал? – спросил он, тщетно стараясь придать голосу налет трагизма, соответствующего случаю. – И где дядя Митя?

Услышав вопрос, Димка всхлипнул и внезапно отчаянно, громко заплакал.

– Папочка... папа! – всхлипывал он, закрыв лицо ладонями. – Он же хотел как лучше...

Плач его был таким горьким, таким безысходным, что Маша, собиравшаяся успокоить мальчишку, замерла на полпути, поняв, что ничего у нее не получится. И Костя встал, растерянно переводя взгляд с Вероники на маму и на содрогающегося в рыданиях Димку. Вероника хотела обнять сына, но неожиданно для всех вмешалась Ирина, до того сидевшая молча и механически помешивавшая в чашке давно остывший чай.

– Ну-ка прекратить балаган! – строго сказала она, и в ее интонациях прозвучало что-то неуловимое от Юлии Михайловны. – Как тебе не стыдно!

Она присела перед братом на корточки и отняла его руки от лица.

– Папа даст показания в милиции, – медленно и внятно объяснила она, как малышу. – Его показания проверят, а потом отпустят, потому что папа ни в чем не виноват. Понимаешь?

Димка всхлипнул еще раз и кивнул.

– И папа очень огорчился бы, узнай он, что ты так ревешь, – продолжала Ирина, в волнении прикусывая нижнюю губу. – Мы должны его поддерживать. Понял?

– Понял, – прошептал мальчик.

– Тогда пойдем умоемся, а потом... – Девочка замялась. – Мам, что нужно сделать? А, яблок на компот набрать. Значит, потом наберем яблок на компот. И Костя... – Она взглянула на Костю, и тот закивал, не дожидаясь продолжения. – Да, Костя нам поможет. Давай, вставай.

Она вывела Димку за руку с веранды, а за ними пошел Костя, косясь на мать. Маша хотела напомнить про рагу, но, ткнув в него пальцем, обнаружила, что оно совершенно остыло, и только вздохнула.

– Какой компот? – удивленно спросила Вероника, поворачиваясь к ней. – Маша, какой компот? Куда она их повела?

«Вот так Ирка, вот молодчина! – восхитилась Маша, до того относившаяся к младшей Егоровой без особого восторга. – Надо же, и сама не разнюнилась, не раскисла, и брата вдобавок успокоила. Неужели

Вероника тоже такой была в юности?»

Вероника смотрела в окно, пытаясь заправить за ухо светлую прядь, а та не заправлялась. Она взяла с полки ободок, которым обычно скрепляла свои тонкие волосы Ирина, и прижала его к голове, но ободок слетел и упал прямо в помойное ведро. Вероника с каким-то отчаянием посмотрела на Машу и оставила ободок плавать в остатках супа и рагу.

– Машенька, – проговорила она, ежась, хотя было тепло, – Машенька, милая, что же мне теперь делать?

В ее голосе звучала такая растерянность, и вся Вероника с падающей на лоб белой прядью, съежившаяся посреди комнаты, казалась такой жалкой, что Машу охватила злость.

– Делать надо Мите, – жестко ответила она. – А тебе – перестать быть принцессой, взять себя в руки и не закатывать истерики без повода. Можешь, кстати, поучиться у собственной дочери. С Митей все будет хорошо, просто нужно пройти некоторые неприятные процедуры. – Маша не вслушивалась в то, что говорит, зная, что интонация важнее слов. – А вот ты должна подавать пример и Димке, и Ирине. Ты просто не имеешь права быть слабой и блеять, как овца: «Ах, что мне делать, что мне делать!»

Ее во всех отношениях правильная речь должна была принести свои плоды. Вероника должна была устыдиться, взять себя в руки и заняться домашними делами. Но вместо этого она села на стул, обхватила голову руками, совсем как ее сын пять минут назад, и заплакала почти так же, как он – отчаянно и горько. Только тихо-тихо, уткнувшись носом в брошенную Митей пляжную подстилку, которую дети так и не повесили сушиться.

Глава 10

Катерина Балукова из окна следила за машиной. Сзади негромко скрипнула дверь, раздались тяжелые шаги.

– Чего интересного разглядела? – спросил Алексей Георгиевич, подходя к ней.

– Убийцу поймали, Алексей Георгиевич, – живо ответила Катерина. – В тюрьму повезли.

– Поймали? – искренне удивился тесть. – Быстро, однако! И кто ж он?

– А зять ее, убитой-то. Не зря она все жаловалась, что нет ей с ним жизни. Вот и не стало.

Алексей Георгиевич качнул головой, подошел к буфету и достал оттуда чекушку водки и стопку. Ловко налил, не пролив ни капли, опрокинул в рот и словно присосался на секунду к краю стопки.

– Уф, – выдохнул он, завинчивая пробку. – Хороша, сволочь! А ты, Катя, впустую-то лучше не глазей.

– А что сделать? – послушно спросила Катерина.

– Сделать? – задумался Алексей Георгиевич. – Будто дел мало... Разогрей ужин, пожалуй. Пораньше сегодня поедем. Галина занята, все Ваську твою нянчит.

Катерина кивнула и скользнула мимо тестя. Проводив ее взглядом, Алексей Георгиевич покосился в окно, за которым оседала пыль от машины, и вышел из комнаты.

Вместо того чтобы остаться на кухне, Катерина Балукова дождалась, пока тесть уйдет на огород, и вышла за ним следом. Но пошла не за зеленью для супа, а завернула в сарай, где Балуковы хранили весь свой огородно-садовый и прочий инвентарь. Прикрыла за собой дверь, постояла минуту в темноте, дожидаясь, пока привыкнут глаза. Когда предметы стали видны, медленно прошла по сараю, всматриваясь в аккуратно сложенные лопаты, грабли, тяпки и пилы.

Около небольшого топорика Катерина остановилась. Взяла его, ощутив всю тяжесть маленького на вид топора. Подумала, покачала головой и положила обратно.

Следующей на очереди была ржавая мотыга, лежавшая в углу сарая с незапамятных времен. Осторожно проведя пальцем по лезвию, Катерина сдула с мотыги пыль и чуть не чихнула. Прикинула что-то и вернула мотыгу на место. «Не то, все не то. Что же придумать-то, а?»

Дверь сарая распахнулась, солнечный свет высветил ярко и мотыгу, и стоявшую около нее в раздумье Катерину. Сначала в сарае появилась тень Василия, а затем и он сам.

– Катька, ты, что ли? – удивленно прищурился он. – То-то я слышу, вроде шуршит кто. Че тут делаешь, а?

– Мотыга упала, Вась, – оборачиваясь к мужу, улыбнулась Катерина. – Пойдем, петрушки мне нарвешь.

Повернувшись к ней спиной Василий не увидел выражения лица жены, бросившей молниеносный взгляд на мотыгу, а затем на крепкую, загоревшую докрасна шею супруга.

Сергей Бабкин с аппетитом доел тетушкин борщ, но от голубцов отказался.

– Макар, я к Егоровым загляну, – сообщил он, быстро меняя домашнюю футболку с дыркой под мышкой на более приличную.

Дарья Олеговна сочувственно покивала головой и предложила:

– Если чем помочь надо Веронике – так, скажи ей, я помогу. Впрочем, сама зайду попозже. Ох, бедняжка, бедняжка... А знаешь, Сережа, – передумала она, – давай-ка вместе пойдем. С ней по-женски поговорить надо, успокоить... Вот сейчас кофту накину, и пойдем.

Бабкин сосредоточенно взглянул на тетушку и спросил:

– А почему ты Макару голубцы не предлагаешь? Посмотри, какой он худой.

Дарья Олеговна, собиравшаяся достать из шкафа кофту, обернулась и всплеснула руками:

– Ой, и впрямь, совсем у меня мозги отбило! Макар, я же тебя обедом не докормила, а уже уходить собралась. А все ты, Сережа, виноват – сбил меня своими словами с толку, прохиндей! Не пойду я с тобой сейчас, и не проси! Сам сходи, поговори с Вероникой, узнай, чем помочь можем. Давай тарелку-то, Макар, я тебе побольше голубцов положу.

Она вышла с тарелкой и загремела кастрюлями на кухне.

– Вы, господин Бабкин, мелкий манипулятор. – Макар откинулся на спинку стула и с тоской посмотрел на огромную пустую тарелку, в которой на дне в крошечной лужице бурого бульона плавал кусочек свеклы. – Если я умру от обжорства, ты останешься без работы.

Бабкин ухмыльнулся без тени раскаяния.

– Не умрешь, в тебе глист сидит, – непочтительно бросил он и выскочил из дома, пока тетушка не придумала что-нибудь новое.

Калитка Егоровых была открыта. Из сада доносились детские голоса,

в одном из которых Сергей узнал Костин. Поколебавшись секунду, он поднялся по ступенькам и открыл дверь на веранду.

Маленькая худенькая Вероника сидела за столом спиной к нему, и плечи ее содрогались в рыданиях. Светлые волосы рассыпались по плечам некрасивыми, спутавшимися прядями. Маша наклонилась к ней в неуклюжей попытке обнять, и Сергей услышал окончание фразы – «... ничего не случится!».

Голос Маши звучал мягко, просительно.

– Вероника, милая, ну что же ты расклеилась! Я понимаю, Митю арестовали, и это кажется очень страшным. Но ведь арест – на очень короткое время, пока все выясняется. Не плачь, пожалуйста!

Бабкин услышал, что голос у самой Маши задрожал, и понял, что сейчас и она расплчется. Видимо, поняла и Вероника, потому что плакать прекратила и подняла на Машу покрасневшие глаза.

– Машенька, неужели ты думаешь, что я из-за этого плачу? – тоскливо спросила она, и Маша растерянно промолчала в ответ. – Только из-за того, что Митю заподозрили.... Да нет же, все силы бы собрала, никогда детям слабости бы не показала!

– Тогда... почему же? – тихо спросила Маша.

Вероника помолчала, и Бабкин, не видя ее лица, был уверен, что по нему текут слезы. Она молчала, не в силах произнести то, чего так боялась и отчего плакала сама.

– Не договаривались мы выгораживать его, – наконец с безысходностью в голосе продолжила она. – Маша, ты понимаешь? Он ушел, принес фотоаппарат, а потом мы вернулись – а Юля мертвая. Убитая. Ни о чем мы не договаривались, ни с Димкой, ни с Ириной! Каждый из нас сказал, что Митя все время с нами был... – голос ее прервался, – потому что... потому что мы не знаем, – закончила она шепотом.

– Что – не знаете?

– Да что не Митя ее убил! – с неожиданной силой выкрикнула Вероника и ударила сжатым кулаком по столу так, что зазвенела посуда на полках. – Машенька, ведь он ненавидел ее, ты же сама все видела! Она с дочерью его ссорила, со мной, перед сыном оскорбляла! Так теперь скажи мне, скажи – ты знаешь, что Митя этого не делал? Я – не знаю! Муж – родной, любимый, все для него сделаю, жизнь отдам, а вдруг это он... вдруг он – убийца? Как тогда жить с этим, а?! Это же я настояла, чтобы взяли мы ее в дом, чтобы не умерла она на улице, в нищете. Неужели... Митя... из-за меня и детей...

– Вероника, милая моя... – пролепетала Маша.

– Она мне сказала, – выдохнула Вероника, – что самый темный час мой впереди. А я ей не поверила! Зря, зря... Вот он, Машенька, вот он – мой самый темный час. И Димка думает, что это папа Юлю убил. И Ирина, наверное, тоже. А я не знаю. И не хочу верить – и само что-то внутри нашептывает: хотел убить, ради вас хотел навсегда избавиться от нее. – Она застонала, и у Маши сжалось сердце. – Против бед, которые снаружи, Маша, можно защититься – ты сама знаешь, нам с Митей не раз приходилось тяжело. А что делать с той бедой, которая внутри? Что делать мне, Маша, что детям говорить, если я сама не верю до конца, что Митя невиновен?

Голос ее потух, она уронила голову на руки. Маша молча гладила Веронику по спине. Бабкин шевельнулся, Маша заметила его и приглушенно вскрикнула.

– Здравствуйте. – Он шагнул от двери и сразу словно занял всю веранду – большой, грузноватый. – Вероника...

– Привет, Сережа. – Вероника шмыгнула носом и вытерла слезы со щек. – Митю арестовали, знаешь...

Бабкин молча кивнул. Он не знал, что полагается говорить в таких случаях и по какому поводу выражать сочувствие. Точнее, знал, но язык не поворачивался произносить казенные, пустые слова.

По крыльцу простучали две пары ботинок, и на веранду зашли запыхавшиеся Димка и Костя.

– Мы яблочек набрали, – сообщил Костя, ставя большую корзину около стола. – Здравствуйте, дядя Сережа!

– Здравствуйте, – уныло кивнул Димка. – Ма, там ветка у яблони сломалась.

– Ты постарелся? – вставая, спросила Вероника.

– Не, мам, честное слово, не я! Ирка говорит, ее можно оживить. Вот пойдем, посмотришь!

Вероника посмотрела в сад. Около забора, освещенная лучами заходящего солнца, стояла Ирина и пыталась что-то примотать к стволу старой яблони. Издалека дочь показалась Веронике очень взрослой. «Господи, Митенька, что же ты...» – мысленно произнесла она, но услышала сзади сопение Димки и заставила себя собраться.

– Пойдем посмотрим яблоню. – Вероника сняла с вешалки старую кофту и накинула на плечи. – Сережа, ты извини, я недолго...

Вероника с Димкой вышли, Костя увязался за ними, и Маша с Бабкиным остались вдвоем.

Сергей уселся за стол и пристально посмотрел на Машу. Глаза у нее были чуть припухшие, лицо осунулось. Волосы собраны в хвостик, но

пряди у лица выбились и растрепались. Свет в комнате не был включен, и в начинающем сгущаться сумраке она была похожа не на взрослую женщину, мать двенадцатилетнего сына, а на заплаканную девушку.

– Вы все слышали, – Маша не спрашивала, а констатировала факт. – Вероника... бедная...

Она тяжело вздохнула.

– Да... – неопределенно кивнул Бабкин. – Маша, почему Митю задержали?

– Потому что он был в доме, когда ее убивали. Есть свидетель или свидетели, я точно не знаю. – Она дернулась, словно просыпаясь, и первый раз взглянула Сергею в глаза. – Слушайте, но это же чушь собачья! Митя не мог ее убить, не мог!

– Почему? – Сергей встал, бесцеремонно снял с сушилки самую большую кружку и налил себе остывшего чая. – Почему вы так уверены, что он не мог ее убить?

– Потому что у него кишка тонка, – сказала Маша совершенно неожиданное для него.

Слезы у нее высохли. Она вскочила и стала ходить по комнате от одного окна к другому, время от времени поглядывая в сад, где Вероника и дети возились под яблоней. – Сергей, вы поймите: Юлия Михайловна была редкостной стервой. Нет... даже не стервой – ведьмой! Ведьмы злобные, коварные, хитрые. Но нигде в сказках не говорится, что ведьмы глупые.

– А при чем тут глупость?

– Она всегда очень точно характеризовала людей, – объяснила Маша. – Даже не совсем так: она точно показывала их слабые стороны. Или грязные стороны, те, что обычно скрывают от всех, даже от самых близких. Егоровы так болезненно воспринимали ее именно потому, что зачастую она говорила... – Маша остановилась, подумала и решительно закончила: – Она часто говорила правду. Кстати, не только Егоровы.

– И что же она говорила про Дмитрия? – Бабкин глотнул холодный чай и поморщился. – Да, как ее звали?

– Юлия Михайловна Леяднина. – Маша остановилась и теперь стояла напротив Бабкина, сосредоточенно глядя на него. – Так вот, Юлия Михайловна очень любила называть Митю сусликом.

Бабкин не сдержался и хмыкнул. С супругом Вероники он общался редко, в основном здоровался издали, но приходилось признать: тот и впрямь слегка напоминал какого-то грызуна. Щеки полные, а сам невысокий и худощавый, уши маленькие, торчат почти перпендикулярно голове. Самому Сергею слово «суслик» не пришло бы в голову, но,

произнесенное сейчас вслух, оно намертво прилипло к Дмитрию Егорову.

– Суслик... смешно, – пробормотал он.

– Смешно и верно, – безжалостно добавила Маша. – Суслики не убивают, понимаете? Они прячутся в норках и оттуда посвистывают. Вот и Митя такой же: он мог бы спрятаться и посвистеть, но не броситься, повалить и загрызть.

Бабкин нехотя поднялся, вылил чай в раковину и старательно вымыл за собой чашку.

– Это, конечно, очень убедительное доказательство невинности Дмитрия, – серьезно сказал он. – Куда более веское, чем показания какого-то свидетеля, привязывающие Егорова ко времени совершения убийства. Кстати, любого суслика наверняка можно довести до такого отчаянного состояния, когда он будет способен броситься на своего учителя. Что там Вероника говорила о том, что ее покойная матушка настраивала детей против мужа?

Маша растерянно молчала, сраженная его словами. Ей казалось, что, как только она объяснит Сергею характер Мити, он сразу же убедится в том, что тот никак не мог совершить убийство. А это почему-то имело для нее значение, хотя она не смогла бы объяснить почему. Но теперь и Маша видела, какими детскими и смешными выглядели ее попытки оправдать Митю и в собственных глазах, и в глазах Сергея. Подумаешь, теща обзывала сусликом... Да она кого только не обзывала!

В последней фразе было что-то важное, и, ухватившись за нее, Маша попыталась размотать ниточку до конца.

– Она всем говорила гадости, не только Мите! – взволнованно сказала она, обходя стол и садясь рядом с Сергеем. – И соседке с мальчиком, у которого ДЦП, и тем, с другой стороны... Не только Мите!

– Но только его видели около дома, как я понимаю, – сочувственно возразил Бабкин. – Не соседку с мальчиком, у которого ДЦП, и уж тем более не семью этих... как их... Балуковых. Маша, я понимаю, что вам очень жалко Дмитрия и еще больше жалко Веронику и ее семью. Но вы здесь ничем не поможете. К сожалению.

Маша молчала, отвернувшись к окну. Ее молчание Бабкин не решался прерывать. Вдруг Маша медленно повернулась, подалась к Сергею и умоляюще проговорила:

– Тогда вы помогите. Вы же можете, я знаю. Помогите, пожалуйста!

Серые глаза оказались совсем близко, так близко, что даже в сумраке можно было разглядеть крошечные зеленые точки около зрачков. Теперь молчал Сергей, хотя нужно было немедленно, решительно сказать – да нет,

не сказать, а заявить! – что помочь он, к сожалению, ничем не может. К Веронике Егоровой он, конечно, относится хорошо, но не лучше, чем к любимым соседям по даче. Елки-палки, да хоть к той же Липе Сергеевне с ее обожаемым Иваном Петровичем! Да хоть... хоть к Балуковым, несмотря на то, что ничего о них, кроме фамилии, не знает! И что он приехал отдохнуть, а не помогать малознакомым людям.

– Вы можете, я знаю, – тихо, но с глубокой убежденностью в голосе повторила Маша. – Вы же детектив.

«Какой я на хрен детектив?!» – грубо хотел воззвать Бабкин к ее здравому смыслу, а главное, к своему – потому что ее глаза были так близко, и белая кожа, которая на самом-то деле была загорелой, он же прекрасно помнил, мягко светилась в сумраке комнаты, а от волос пахло чем-то нежным, смутно знакомым...

– Да ничего я не могу, – выдавил он наконец, отводя взгляд от серых глаз с маленькими зелеными точками. – С чего вы вообще взяли такую глупость?

– Пожалуйста, – повторила она опять, тихо и очень жалобно. – Вы сами видите, что с ними происходит. Вы слышали Веронику.

«Плевать мне на Веронику!» – чуть было не рявкнул Бабкин, но вместо этого беспомощно спросил, пожимая плечами:

– И что вы от меня хотите?

– Чтобы вы нашли убийцу! – Маша схватила его за руку, будто испугавшись, что сейчас он уйдет. Пальцы у нее оказались сухие и горячие. – Вы его найдете, и тогда они все поверят, что Митя не виноват.

– Если он и правда не виноват, – обреченно прибавил Сергей.

– Если он и правда не виноват, – эхом вторила Маша.

– Ладно, – сдался Бабкин и с неожиданной для самого себя радостью увидел, как загорелись ее глаза. – Я попробую, но ничего не обещаю! – предупредил он.

– Да-да, конечно...

– И не думайте, что завтра я подам вам преступника на блюдечке с голубой каемочкой! Шансы вообще очень невысоки, понятно?

– Понятно, понятно! – Она готова была соглашаться с любыми его словами.

– И ни вы, ни Вероника не занимаетесь самодеятельностью, – отрезал он.

– Нет, не занимаемся! Обещаю вам!

– И прекрати ко мне на «вы» обращаться, в конце концов! Что я тебе – учитель танцев?

Откуда вылез этот учитель танцев, Бабкин и сам не смог бы объяснить. На лице Маши отразилось недоумение, а в следующую секунду она прыснула.

– Хорошо, договорились, – кивнула она, вставая. – На «ты» так на «ты». Учителем танцев вас... то есть тебя можно представить только в ночном кошмаре.

Маша щелкнула выключателем, и Бабкин с удивлением заметил, что почти стемнело. За окном вилась серая бабочка-мотылек, а на сад уже опускалась темнота, так что не видно было ни ограды, ни яблони со сломанной веткой.

– А где Вероника? – вспомнил он. – Куда все пропали?

Словно в ответ на его вопрос, дверь распахнулась, и в комнату вошла Вероника, стягивая кофту.

– Вы нас не потеряли? – бесцветным голосом спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжала: – Димка ботинок в бочке утопил, пришлось воду ведрами вычерпывать. Сейчас они его втроем отмывают от грязи, вместе с Костей.

Она вздохнула и подошла к окну, невидяще глядя на бабочку, которая все суетилась около стекла.

– Темно-то уже как, – проговорила Вероника в полном молчании.

Маша хотела что-то сказать, но Бабкин опередил ее.

– Я в детстве боялся темноты... – заговорил он, стоя у двери.

Маша недоверчиво взглянула на него: представить, что этот высокий, крепкий, чуть сутулый мужик с цепким взглядом боялся темноты, было трудно. И Вероника обернулась, непонимающе посмотрела на Сергея, как будто только что его увидела.

– Не всей темноты, – добавил Бабкин, глядя не на них, а на мотылька за окном. – Только тех часов, когда я просыпался после кошмаров. Мне часто снились страшные сны, когда я был подростком. И почти всегда в одно время – около трех-четырёх часов утра. Вот того времени, когда вокруг страшная темень, я и боялся. Мне казалось, что темнота останется навсегда. Что она съест меня.

Он сделал паузу. Маша молчала, Вероника слушала, затаив дыхание, словно от того, что скажет ей малознакомый сосед, зависело что-то важное.

– Я даже плакал иногда, – признался Бабкин. – Родители меня убеждали, конечно, что темноты бояться смешно, но их убеждения не очень помогали.

– И что... до сих пор страшно? – негромко спросила Вероника.

– Нет, – покачал он головой. – Моя тетушка как-то раз прогнала все

страхи одной фразой. Когда она увидела, что я плачу ночью, она сказала... – Бабкин перевел взгляд с мотылька на Веронику. – Она сказала, что самый темный час – это час перед рассветом. Я ей поверил. Просто полежал подольше после кошмара, стараясь не заснуть, и увидел, как рассветает за окном.

Он замолчал, и в комнате снова повисла тишина.

– Ладно, пошел я, – обыденно сказал Бабкин, сунув руки в карманы. – Завтра зайду, поговорим. Спокойной ночи.

Глава 11

Макар намазал мягкую булку маслом, щедро повозил сверху ложкой с медом и подставил под бутерброд блюдечко – мед крупными восковыми каплями уже начал стекать на скатерть. Дарья Олеговна заваривала чай, приговаривая при этом, что пить пакетированный – только здоровье портить, потому как делают его из опилок.

– А опилки откуда берут? – косясь в ее сторону, спросил Бабкин, удивительно молчаливый с утра.

– Так с лесопилки же, – не задумываясь, объяснила тетушка. – В мешки собирают, потом в пакетики распихивают, подкрашивают чем придется – и пожалуйста: пейте, граждане, на здоровье! Нет уж, мне свое здоровье дорого, а ваше и подавно.

Она заглянула под запотевшую крышечку фарфорового чайника и удовлетворенно кивнула:

– Ну вот, заварился.

Дарья Олеговна разлила чай по чашкам, и от них немедленно начал подниматься пар с запахом сосновых иголок, мяты и еще каких-то знакомых растений, которые Макар никак не мог вспомнить.

– Молочка не подлить? – обеспокоилась тетушка, взглянув на племянника. – Сережа, ты не заболел, случаем? Что-то больно вид у тебя... бледный.

Макар глянул на Бабкина и скорчил рожу: вид у того был цветущий, а загорелая физиономия могла показаться бледной только по сравнению с занзибарскими неграми.

– Да все нормально, – отозвался Бабкин, размешивая сахар. – Просто задумался я.

– Думаешь, с чего начать? – понимающе спросил Макар и зачерпнул вторую ложку меда. Эта порция отправилась в чай, и теперь Макар тоже болтал ложечкой в чашке, отчего та тоненько позвякивала. – Я бы на твоём месте сначала с оперативниками поговорил. Со свидетелем, конечно, не надо, ты и сам понимаешь.

Бабкин резко затормозил ложечку, отчего чай слегка выплеснулся на скатерть. Макар продолжал помешивать своей, хотя мед давно растворился.

– Макар, ты про что? – встревоженно повернулась к нему Дарья Олеговна. – Чего начать, а? Или я что пропустила?

– Пропустили, Дарья Олеговна, – кивнул Илюшин. – Ваш племянник

собирается дело расследовать, только не знает, как нам сообщить. Вот я ему и помог. – Он улыбнулся с видом человека, ожидающего похвалы.

– Как?! – ахнула тетушка. – Сережа, да ты что? Ну-ка скажи, что Макар шутит! – потребовала она решительно. – Да ты спятил!

– Спятил, не спятил... – проворчал Бабкин, промокая тряпкой чайную лужицу. – Ты-то откуда узнал, Макар? – не выдержал он.

– Интуиция, – пожал плечами Илюшин. – Плюс исключительный мозг. Еще вчера вечером было понятно, чем дело кончится.

– Ага... – с угрозой произнесла тетушка, сделав свои выводы из слов Макара. – Значит, уговорила тебя Вероника. Ах она...

На языке у Дарьи Олеговны вертелись не самые лицеприятные слова, но женщина сдержалась. Шумно глотнула горячий чай и с таким стуком поставила перед собой банку с медом, что Макар, только намылившийся взять третью ложку, быстро передумал.

– Значит, подрядили тебя, – распаляясь, продолжала тетушка. – А ты, дурачок, чем думал? Денег решил подзаработать, вместо того чтобы отдыхать толком? Так ведь всех денег не заработаешь...

Она глянула на Макара, ожидая поддержки, но выражение его лица навело ее на новую догадку. Бабкин понял это, и у него мелькнула трусливая мысль выскочить в коридор и залезть под эмалированный таз, поскольку тетушка уже шумно втянула воздух носом и готовилась, по всей видимости, выдыхать пламя.

– Что ж это я говорю, старая дура, – вкрадчиво произнесла она, стараясь до поры до времени не давать волю голосу. – Какие деньги могут быть у Егоровых, если они до сей поры баню новую поставить не могут? Забесплатно, значит, работу будешь делать, убийцу ловить... Возрази мне только, поганец! – не сдержавшись, командирским тоном гаркнула Дарья Олеговна, обращаясь к племяннику.

Но Бабкин ее приказу не внял, возражать не стал и лишь усиленно возил тряпкой по столу, не глядя ни на Макара, ни на любимую тетушку. Дарья Олеговна разразилась тирадой, из которой следовало, что Бабкину начхать на ее возраст, слабое сердце и шумы в голове, и что он готов все пустить псу под хвост, лишь бы ему самому было хорошо.

– Да ладно тебе, тетя Даш, не шуми ты, – предложил Сергей миролюбиво, уловив паузу в тетушкиной речи. – Ну сглупил, ну согласился... Не отказываться же теперь, правда? Она за мужа переживает, плачет.

Вопреки его ожиданиям, Дарья Олеговна не прониклась жалостью к плачущей Веронике.

– Правильно плачет, – переведя дыхание, заявила она. – Если ейный мужик родную тещу угробил, так и надо плакать!

– А если не он?

– Да как же не он, если арестовали его! – воззвала к его логике тетушка.

Макар, поняв, что на поле боя наступило затишье, протянул руку к баночке с медом и незаметно придвинул ее к себе.

– Я с людьми поговорю, – прогудел Бабкин, – и все дела. Все равно больше ничего не сделаешь. Следственная группа работает, доказательства ищет. Если они есть, то их найдут. Перетрясут все Игошино, но найдут. Так что ты не огорчайся, работа от силы пару дней займет.

Тетушка покорно вздохнула, смиряясь с неизбежным.

– Чтоб их, Егоровых... – страдальчески сказала она, – вот ведь, не было печали...

– Сначала с семьей Вероники поговорю, потом с оперативниками, – Бабкин теперь обращался к Илюшину, с удовольствием доедавшему второй бутерброд с медом. – Ты на озеро пойдешь?

– Пойдет, конечно, – ворчливо фыркнула за Макара Дарья Олеговна. – Что ему, дома торчат, пока ты разговоры разговариваешь? Солнышко на дворе, красота, только и купаться...

– Дома я, разумеется, торчать не буду. – Макар задумчиво посмотрел на третий кусок хлеба, но вздохнул и отказался от заманчивой идеи слопать еще один бутерброд. – По деревне пройду, осмотрюсь.

– Зачем? – хором спросили Бабкин и тетушка Дарья.

– Как зачем? – удивился Макар. – Потому что я очень, очень умный. И беспристрастный. Тебе, мой податливый женскому очарованию друг, совершенно необходим противовес в моем лице.

Он с важным видом поднял указательный палец, заметил, что палец перемазан в меду, и быстро слизнул мед, смущенно взглянув на тетушку Дарью.

– Во как, значит, – сказала Дарья Олеговна, вставая и вытирая руки об передник. – Ну, Сережа, ну, удружил! Мало того что сам дурью будешь маяться, так и Макар с тобой за компанию! Эх, я бы вас обоих...

Она погрозила племяннику кулаком и, не договорив, начала складывать посуду в тазик, грохоча чашками и блюдами.

Обыск в доме был проведен тщательно, но наволочки, снятой убийцей с подушки по неизвестным соображениям, не нашлось. Валера с Алексеем прошли по огороду и саду, но и там следов свежевскопанной земли, в

которую Егоров мог спокойно зарыть наволочку, не обнаружилось, а перерывать весь огород было, конечно, делом пустым и ерундовым. «Сунул в пакет да унес с собой на озеро, – размышлял Забелин, – а где-нибудь по дороге в перелеске закопал».

Проверяя другие версии, оперативники опросили всех жителей деревни Игошино, а заодно и соседней Малаховки, стоявшей в семи километрах. Никаких чужих людей в день убийства ни в той, ни в другой деревне не видели. Рейсовый автобус, проходивший два раза в сутки через Игошино до райцентра, был в тот день заполнен до отказа, но в автобусе ехали только местные.

Впрочем, Забелин и не верил в версию с чужаком. Драгоценностей в доме нет, денег преступник не взял, хотя лежали те деньги в выдвигном ящичке комода, даже не спрятанные в конвертик, а просто перевязанные хозяйственной резинкой: бери – не хочу. Вещей никаких не пропало. Стало быть, не по корыстным мотивам угробил человек Ледянину Юлию Михайловну, а по личным. И хотя соседи, не таясь, подтвердили показания Егоровых и их подруги Елиной о скверном характере убитой, но за скверный характер, слава богу, пока еще не убивают. Получалось, что единственным человеком, у которого имелся мотив, оставался Дмитрий Егоров.

Пока Макар бесцельно, с точки зрения Бабкина, шатался по деревне, заводя знакомства с жителями, сам Сергей подробно выспросил Веронику и Машу обо всем, что могло иметь хоть малейшее отношение к смерти старухи. Разговорил Ирину, но девочка ничего нового к словам матери добавить не могла, как и Димка, ее младший брат. Тот вообще смотрел на Бабкина с большим недоверием и один раз чуть было не разревелся, когда Сергей по глупости упомянул, что отец его сидит под арестом. М-да, приходилось признать, что толку от детей было немного.

Для очистки совести Сергей поднялся в мансарду – побеседовать с Костей. Парнишка ему обрадовался и охотно рассказал все, что помнил, но помнил он в основном, как мама испугалась, когда они заблудились в лесу, и как обрадовалась, когда они вышли на лесника.

– Что за лесник? – заинтересовался Бабкин. Маша никакого лесника и словом не упомянула.

– Ну, его только так называют – Лесник, – объяснил Костя. – На самом деле он уже давно им не работает. Мне мама так сказала. В общем, он нам показал, куда идти. Хотя я бы и сам маму вывел, – небрежно прибавил мальчик. – Я ориентируюсь неплохо вообще-то.

- А что тот лесник в лесу делал, он не сказал?
- Сказал, что грибы собирал, – протянул мальчик. – А, по-моему, просто перед нами притворялся.
- С чего ты взял? – мигом насторожившись, спросил Сергей.
- У него вся корзина была ветками закрыта. Я хотел посмотреть, а он мне не дал. Сказал, что грибы чужих глаз не любят. Ерунда же, правда?
- Может, и не ерунда, – пробормотал Бабкин, выпрямляясь во весь рост и чуть не стукнувшись о балку над головой. – Может, в игошинском лесу грибы растут ранимые, с тонкой душевной организацией. Кому, как не леснику, про их характер знать. Ладно, Костя, спасибо большое.
- Да вы обращайтесь, я помогу, – горячо заверил его Костя, вскакивая с кровати и преданно заглядывая Бабкину в глаза. – Хотите, послежу за кем-нибудь? Я могу, честное слово!
- Бабкин чуть не ляпнул, что он последит парнишке ремнем по попе, но вовремя спохватился.
- Следить не надо, это любой дурак может, – веско сказал он. – А вот мать защищать – дело поответственнее.
- От кого? – испуганно дернулся Костя.
- Пока не от кого, но вдруг понадобится, – уклончиво ответил Сергей. – Так что ты будь рядом. Идет?
- Идет, – закивал Костя, и, довольный своими дипломатическими способностями, Бабкин потопал вниз по лестнице.

Родион встал в хорошем настроении, выглянул во двор и с легким замиранием сердца обнаружил под навесом ведро с колодезной водой, которое сам же накануне туда поставил. Опасливо макнув палец в воду, Копушин поежился: за ночь вода, конечно, согрелась, но обливаться все равно не хотелось. С минуту Родион раздумывал, что важнее: закаливание организма или честность перед самим собой, и пришел к решению, что большинство людей не говорят всей правды даже самим себе, а он, Родион Раскольников, говорит. Честно признается в своем отвращении к обливанию. Облиться может любой, а признаться в маленькой слабости далеко не каждый. Следовательно, это качество и стоит воспитывать в себе, а обливание подождет до другого раза. В конце концов, превосходство личности обеспечивается не ее физической выносливостью, а интеллектом.

Выплеснув ведро под куст калины, Родион вернулся в дом, позавтракал, с пренебрежительной усмешкой вспоминая вчерашних придурковатых оперативников, и понял, что ему хочется сделать. Не отдаться целиком и полностью тому приятному каждодневному делу,

которое в действительности было развлечением... нет, хотелось маленькой зарядки для собственного настроения, всплеска эмоций. И Копушин знал: обеспечить такой всплеск лучше всего наблюдением за теми гомо сапиенсами, что бегают сейчас и суетятся, словно муравьи в разрушенном муравейнике, а все потому, что он, Родион, так захотел. Стоило, стоило насладиться результатом своих действий. Поэтому Копушин оделся, запер дверь и не торопясь пошел по деревне, рассматривая наличники на окнах. Жаль, идти недалеко – наличники в Игошине были хороши.

Дойдя до нужного дома, он остановился и заглянул за забор. Во дворе царила тишина, но его это не смутило – рассчитывать лишь на случайную встречу было бы глупо, а потому вполне можно зайти и поздороваться с *людишками*. Изумление, смущение, страх, ненависть – Родион последовательно перебрал все, с чем ему предстояло столкнуться, и приготовился наслаждаться театром. Но в тот момент, когда он уже собирался откинуть простенький перекидной крючок калитки, дверь открылась, и на крыльцо вышла девушка, а скорее, девчонка лет шестнадцати – худая, белокожая, с длинными светлыми волосами, закрученными на голове в неопрятный узел. Родиону нравилось считать себя физиономистом, поэтому он внимательно взгляделся в ее лицо, отметил тонкие губки, остренький носик, невысокий лоб и поставил диагноз: дурочка обыкновенная, фригидная, неуравновешенная. Смущали, правда, большие голубые глаза – взгляд их был далеко не глупым, а каким-то погруженным в себя, хотя смотрела девица на Родиона. Но на это не следовало обращать особого внимания. То, что «глаза – зеркало души», бред сивой кобылы и не более чем красивая фраза, Копушин с детства знал. Разве по его глазам – глубоко посаженным, какого-то неопределенного серого цвета – можно понять, что за душа скрывается за ними?

– Вы кто? – спросила девушка. – Что вам нужно?

Ага, вот так – без «здрасьте-проходите-не-хотите-ли-чаю» и всех сопутствующих выражений, которыми пользуются воспитанные люди. Сразу в лоб, без затей. «Ну что ж, – подумал довольно Родион, – так даже интереснее. И расшевеливать не понадобится». Открыл калитку и прошел во двор.

Ирина недоуменно смотрела на парня, зашедшего так бесцеремонно. В деревне не было принято входить без разрешения, и уж совсем обязательным было постучать в окошко, покричать хозяев – чтобы вся улица знала, кто к кому пришел. А этот... задохлый по-хозяйски калитку открыл, как будто приходил раньше, а теперь его ждали. «Губы в улыбке кривит», – неодобрительно подумала Ирина, не отдавая себе отчета в том,

что так не понравилось ей в улыбке Родиона Копушина и во всем его облике. Вроде парень как парень, похоже, студент, чем-то на приятеля их соседа похож, только волосы темные, а не светлые, как у того. Но приятель племянника Дарьи Олеговны Ирине нравился, хотя она его всего пару раз из-за калитки видела: лицо вроде бы серьезное, а улыбнется – и сразу видно, что на самом деле он веселый. А у незваного гостя наоборот: улыбается, а смотрит серьезно, пристально. Так и уставился!

– Вы кто? – повторила она, спускаясь на одну ступеньку ниже и раздумывая, не позвать ли мать или тетю Машу.

– Родион Раскольников, прелестное дитя. – Копушин сделал жест, словно собираясь поцеловать Ирине руку, и она испуганно отдернула ее. – Да вы, моя дорогая, дичитесь? – с преувеличенным удивлением вскинул брови Родион. – Напрасно. Я с дружескими намерениями.

– Вам маму позвать? – хмуро спросила Ирина.

– Если сами не можете удовлетворить мой искренний интерес, тогда зовите, – пожал плечами Родион. – Я всего лишь хотел поинтересоваться, что с господином Егоровым.

– Мой папа... – растерянно произнесла Ирина, и Копушин мысленно вздохнул: нет, сей объект оказался совершенно неинтересным и предсказуемым. – Он... его сейчас нет.

– Здоров ли он? – обеспокоенно спросил Родион, с удовлетворением наблюдая, как девчонка вцепляется в перила. – Все ли с ним хорошо?

– Нет... то есть... в общем, папу увезли, – выдавила Ирина, желая только, чтобы вышла тетя Маша и избавила ее от общения с неприятным человеком, по-видимому, папиным знакомым.

– Ага, значит, мои показания принесли свои плоды, – грустно покивал головой Копушин. Длинные прямые волосы, обрамлявшие лицо, при каждом кивке падали на щеки, и Родион небрежно встряхивал головой, чтобы откинуть их. – К сожалению, я не мог сказать неправду, как ни симпатичен мне ваш отец.

– Показания? – переспросила Ирина. И неожиданно вмиг прозрела.

Копушин, с нетерпением ожидавший, когда же она разревется, с некоторым удивлением заметил, что из бледной девчонка на глазах стала красной – покраснели щеки, шея и даже длинные худые руки. Нижнюю губу она прикусила так, что стали видны мелкие беличьи зубки, а в глазах вспыхнула ярость. Быстро шагнув навстречу Родиону, отчего ему пришлось податься назад, девица прошипела:

– Значит, это вы папу заложили, да? Все из-за вас!

– Милая, остыньте, – высокомерно посоветовал Копушин. – Я всего

лишь засвидетельствовал истину, не более.

– А сюда зачем пришли? – Она не сбавляла тона, что оказалось для Родиона совершенно неожиданным. Поразительно, сколько агрессии! – Что вам от нас понадобилось?

– Хотел выразить свое сочувствие, узнать, как дела с господином Егоровым. Я же вам объяснил!

– Не нужно нам ваше сочувствие! И не притворяйтесь, что вы нам добра желаете! Все вы врите!

Неожиданно она схватила Копушина за грудки и с силой, удивительной в такой худой и невысокой девчонке, потрянула его так, что он чуть не грохнулся на землю. В другой момент Родион первым посмеялся бы над такой стычкой, но сейчас ему было не до смеха: мелкая истеричка чуть не порвала его футболку, одну из самых любимых.

– Сдурела?! – крикнул он, отшатываясь и пытаясь отцепить руки девицы. – Отпусти, я тебе сказал!

Послышался неприятный треск, и по ткани-таки побежала дорожка затяжки.

Девушка и впрямь отпустила его, будто послушавшись, но в следующую секунду вlepила Родиону такую оплеуху, что у того загудело в ушах.

– Вот тебе! – выкрикнула она, воинственно наступая на Копушина. – Сейчас еще получишь! Попробуй только к нам снова прийти, понял?!

Ошеломленный ее яростью, Родион выскочил за калитку, но девушка не отставала:

– Уходи отсюда, сказали тебе! Уходи!

Копушин сделал два шага в сторону, но внезапно опомнился. Да кто она такая, чтобы посметь дать пощечину ему, Родиону?! И еще орет, как помешанная... Нет уж, милая, раз ты начала первая, то получишь по полной программе, пеняй на себя!

Ирина, налетавшая на незваного гостя, словно насадка, защищающая цыплят, увидела, что парень оборачивается, а на лице его совсем не то выражение, что десять секунд назад. Только что морда была растерянная, даже обиженная, а сейчас стала... Ирина не могла подобрать слово, но ей стало не по себе. Жестокая, вот какая. И глаза словно ушли еще глубже под брови, так глубоко, что и цвета-то не разобрать. С тихим свистом втянув в себя воздух, он двинулся на нее, и девочке первый раз за все время разговора с ним стало страшно.

– Молодой человек! – послышался суровый голос, и Копушин остановился.

От соседнего дома к ним быстро шла пожилая женщина – прямая, с

жестким, напряженным лицом.

– Молодой человек, что происходит? – властно спросила она, бросив взгляд на Ирину.

Но Копушин после только что пережитого унижения не собирался сдаваться.

– А это, собственно, не ваше дело, уважаемая, – наклонив голову и улыбнувшись краешком губ, процедил он. – Я разговариваю с дочерью человека, которого скоро посадят за убийство. – Ирина отчаянно замотала головой, и Копушин вновь испытал удовлетворение. – Вы что-то имеете против?

Женщина молчала, оценивающе разглядывая Родиона. Наконец проговорила сухо:

– Уходите, оставьте девочку в покое. Как вам не стыдно!

– Сами уходите, – жестко ответил Родион, решив дожать до конца. – И не вмешивайтесь не в свое дело.

По лицу женщины было видно, что так с ней давно никто не разговаривал. «И твои реакции изучим», – усмехнулся про себя Родион. Но, видимо, день для изучения реакций выдался сегодня неудачный. Девчонка вдруг заметила кого-то за его спиной, и глаза ее расширились в радостном узнавании.

– Степан Андреевич! – вскрикнула она, быстро проскочила мимо Родиона и схватила за руку коренастого мужика простоватого вида, лет сорока пяти, загорелого, одетого слишком тепло для такой погоды и довольно нелепо – в спортивные штаны и куртку на голое тело.

Раньше Копушин этого типа не видел, но времени на размышления ему не оставили: девчонка неожиданно разревелась, уткнувшись в засаленную куртку субъекта.

– Ты что, Иринка? – испуганно спросил мужик, наклоняясь к ней. – Кто обидел? Ударилась?

– Вот он! – оборачивая к Родиону красное, залитое слезами лицо, мстительно проговорила та. – Это он сказал, что папу видел, а теперь к нам пришел, чтобы посмеяться! Он меня обидел, Степан Андреевич!

Родион уже выбрал тактику поведения и даже успел порадоваться, что в его коллекции типов появится новый экземпляр, но мужик не стал разводить философских разговоров и демонстрировать варианты поведенческих реакций. Мягко отодвинув девчонку в сторону, он схватил Родиона за грудки двумя руками почти так же, как маленькая стервозина пять минут назад. Но вместо того чтобы трясти или толкать, мужик резко развел руки в разные стороны. Многострадальная копушинская футболка

издала предсмертный треск и повисла на его чахлой груди двумя тряпочками.

– Если мне Вероника или вот она, – он кивнул на стоявшую позади девчонку, – на тебя пожалуются – без кишок останешься.

Голос его был беззлобным, выражение лица почти не изменилось, но Родион с удивительной ясностью представил свое тело, с которым проделают то же, что проделали только что с его одеждой. Но из майки вынимать нечего, а из него вынут кишки. Собственные кишки вдруг представились Копушину в виде блестящих немецких колбас, развешанных в сарае на толстой бельевой веревке. Родион схватился за обрывки ткани, сделав слабую попытку запахнуть их на груди, а затем побрел в сторону своего дома. Лесник даже не посмотрел ему вслед. Он кивнул молчаливо стоящей Елене Игоревне, задумчиво наблюдающей за уходящим парнем, и позвал Ирину:

– Пойдем-ка, мать позовешь. Да не хлюпай носом-то, не хлюпай! Чай, болото вам на огороде сгодится, а перед домом и вовсе ни к чему.

Он улыбнулся своей немудреной шутке и открыл калитку. Успокоившаяся Ирина побежала за ним, Елена Игоревна Царева, покачав головой, ушла к себе. На главной и единственной улице Игошина наступила сонная полуденная тишина, нарушаемая только редким бреханьем далекой шавки да тихим поскрипыванием створки окна, из которого человек, тайком наблюдавший за произошедшей сценой, продолжал смотреть на опустевшую улицу.

Глава 12

Выйдя из дома, Ольга Балукова пошла не по тропинке, справедливо опасаясь наткнуться на бабушку или, того хуже, на деда, а заросшей тропинкой за погребом. По дороге обожгла ноги крапивой до волдырей, потому что пару раз приседала в кусты – показалось, что кто-то идет мимо. Но обошлось, никто ее не заметил. Довольная собой, Ольга выскочила к задней калитке и уже открыла ее, когда от теплицы раздался недовольный голос:

– Ты куда собралась, а?

Ольга выругалась про себя. Вот невезуха! И зачем только мать здесь околачивается? Вроде дома была, посуду после полдника мыла – а вот на тебе, появилась некстати.

– Мам, я... я к Ирке схожу, – заискивающе улыбнулась Ольга, про себя обругав мать грязными словами.

– Перебьешься! – заявила та. – Ни к какой Ирке не пойдешь, пока мокрец не выполешь. Ишь, новую моду взяла – по целому дню пропадать. Все работают, одна ты невесть где шляешься. Где вчера ходила весь день?

– А чего сразу шляешься-то, а?! – Ольга надула щеки и исподлобья взглянула на мать. – Я ждала, пока коров пригонят, чтобы Зорька не потерялась. Вот потеряется – на чем кашу-то варить будем? А корова знаешь сколько стоит сейчас?!

Катерина посмотрела в глупые вытаращенные глаза дочери и вздохнула. Четырнадцать лет девчонке, а дура душой растет. Ну да ладно, для женщины ум не главное.

– С верхних рядов начни, там картофель весь зарос. – Она повернулась спиной, давая понять, что разговор окончен, и пошла к теплицам. Ольга сжала зубы, затем повернулась и тоскливо побрела по тропинке обратно к дому.

Алексей Георгиевич, приглядывавшийся к внучке из-за теплицы, только головой покачал. И в кого пошла девка? Ни на мать не похожа, ни на отца. Катерина ладная, гладкая – любо-дорого посмотреть. Василий, конечно, не красавец, но для мужика очень даже ничего: жилистый, высокий, а последний год усы густые над губой отпустил – так совсем стал хорош. А Ольга... Задница толстая, отвислая, спина широкая, шея короткая. Не рожала, а складки на животе не меньше, чем у бабушки. Что ж с ней потом будет, лет через пять?

Катерина завернула за угол теплицы и остановилась рядом со свекром.

– Катька, – хитро спросил тот, наклонив седую голову, – признавайся: от кого Ольгу родила? Ведь не от Васьки? Не похожа она на него.

Катерина подняла на него испуганные глаза, и он залюбовался – кожа ровная, ресницы длинные, как у коровы.

– Что говорите-то, Алексей Георгиевич? – забормотала она. – Ни с кем... никогда...

– Так уж и никогда?

Он подмигнул снохе, показывая, что всего лишь шутит, хотел шлепнуть по аппетитной заднице, но сдержался. Нечего повод к сплетням давать.

– Ты бы последила за ней, Катерина, – подбавил он в голосе строгости, чтобы знала свое место. – Разожралась она у тебя, как свинья Гришкина.

Катерина покорно кивнула:

– Прослежу, Алексей Георгиевич, прослежу, вы не беспокойтесь.

А он и не беспокоился. Золотая у него невестка, вот, ей-богу, золотая.

Ольга дошла до дома и даже зашла внутрь, взяла перчатки для прополки. Потом быстро высунулась на улицу, убедилась, что никого нет, и закрыла за собой дверь. Станет она мокрец полоть, как же! Перебьется мать, пусть потом орет, сколько влезет. Нет, сначала она свои дела сделает, а потом уж и по хозяйству поможет.

С неожиданной для ее веса легкостью Ольга вскарабкалась по полкам, одновременно служащим ступеньками. Откинула люк и забралась на пыльный чердак, на котором никто, кроме нее, никогда и не бывал. Только дед иногда закидывал сюда старые вещи, которые выбросить жалко, а в доме они мешают. Около окна здесь зарастало пылью ветхое кресло, а возле него припадал на одну ножку плетеный столик, который Катерина упростила оставить на всякий случай: уж очень красивая вещь и сделана добротно.

Но ни столик, ни кресло Ольгу не интересовали. Балансируя по балкам, она подошла к окошку, выходящему на улицу, и с приятным волнением искала знак. Знака не было. Воодушевление, появившееся было на лице девочки, пропало, сменившись гримасой разочарования.

«Он же обещал, что сегодня будет знак», – подумала она и еще раз внимательно осмотрела дом напротив, что, конечно, было глупо – знак за две секунды не появился. Зло скривившись, Ольга вернулась к люку, выругалась сквозь зубы так, как ругался иногда Кирилл, когда не слышали старшие, и полезла вниз.

Перчатки лежали на столе. Ольга с отвращением посмотрела на них и вдруг схватила и швырнула в стену. Вот вам, а не прополка! Может, он просто забыл про знак? Точно, забыл! Про встречу помнил, а про знак забыл. Зря она сердится, он наверняка ждет!

Радуюсь своей догадке, Ольга выскочила на крыльцо, сунула ноги в разношенные босоножки и выскользнула за калитку. Пробежала до околицы, чтобы скорее удрать подальше от дома, а затем пошла потихоньку. Жара уже спала, но идти по песку все равно было тяжело, а путь ей предстоял не самый близкий.

Светлана Царева дошла до поля, про которое говорила ей мать, и убедилась, что васильков здесь и впрямь не счесть. Даже рвать не жалко, хотя обычно Светлана не любила срывать полевые цветы. Васильки, конечно, стояли недолго, но Егорка, кажется, и в самом деле смотрел на них с удовольствием – взгляд долго не отводил, даже пальцами на левой руке начинал подергивать. Правда, когда она подносила к его пальчикам синий цветок – не брал. Но и такой малости, как долгому взгляду, она радовалась – значит, хоть в чем-то прав оказался тот врач, к которому с таким почтением относилась мать. Может, окажется прав и в большем?

В глубине души Светлана не верила, что сыну станет лучше. Что ни делали они с матерью – все было напрасно: и массажи, и молитвы, и походы по врачам бесконечные. Раньше, до *того случая*, она надеялась, что в конце концов все будет хорошо, что благодаря их общим усилиям Егор если и не поправится, то хотя бы говорить начнет: ей очень хотелось, чтобы он заговорил – даже больше, чем если бы пошел. Чтобы хоть иногда говорил «мама», смотрел на нее, а не сквозь. Господи, как же она мечтала об этом раньше, и плакала, и молилась, пусть и без веры...

А потом наступил переломный момент – когда она поняла, что ничего не изменится. Говорят же люди: «судьба», вот у нее и выпала такая судьба, и ничего тут не поделаешь. Так и придется жить ради Егора, без всяких просветов впереди, без надежды на счастье. И когда Светлана это поняла – вдруг стало легче. словно половину груза скинула с плеч, и если раньше тем грузом пригибало ее к земле, ни вздохнуть нельзя было, ни шагу ступить, то теперь потихоньку, по маленькому шажочку, начала она жить, вокруг оглядываться, к людям новым присматриваться. Конечно, сравнить новую жизнь с прежней, «до Егора», как Светлана это называла, было нельзя, но она уже и поняла, что прежней жизни никогда не будет – судьба у нее такая, отпустил ей кто-то двадцать девять лет пожить, а потом мучиться. Ну что ж, некоторым и меньше дается.

Нарвав небольшой букет, Светлана побрела обратно. Хотелось еще прогуляться, дойти до озера, окунуться в синюю воду, но мысль о матери не давала сбегать даже на полчаса. Светлана всегда признавала, что мать сильнее ее, и раньше даже пыталась бороться, протестовать. Но с определенного времени перестала: мать своими поступками доказала, что она и в самом деле сильнее, правильнее. Так что вся Светланина прогулка была – до поля и обратно. Хорошо бы, чтоб кто-нибудь по дороге встретился: хоть парой слов перекинуться...

Только Светлана так подумала, как в десяти шагах впереди из-за кустов вынырнула женская фигура. «Минут пять поболтаю, не больше», – решила Светлана, тщательно дозируя свое общение. Если не пять, а десять минут, то мать может обидеться – «гуляла в свое удовольствие, пока я дома с Егором страдала!» А существовать рядом с обидевшейся, ушедшей в себя матерью было невыносимо.

К большому Светланиному разочарованию, женщина, шедшая навстречу, оказалась всего лишь девчонкой лет пятнадцати-шестнадцати, толстой и неопрятной. Подойдя поближе, Светлана вспомнила ее: семья девочки жила через дом. Их собственное хозяйство было большим, прочным, и дом основательно смотрел на улицу не тремя узкими запыленными окошками, как в их снятом на лето домишке, а пятью широкими окнами, расчерченными широкими белыми рамами. Маленькое квадратное окошко подсобной комнаты было шестым. Светлана помнила, что в том доме трое детей: совсем взрослый парень – высокий, худой, с туповатым сонным лицом, маленькая бойкая девчушка, ровесница Егора, и эта девочка-подросток. «Надо же, какие они все разные», – подумала Светлана, подходя к девочке и ожидая, что та поздоровается.

Но вместо приветствия девчонка уставилась на Светлану голубыми глазами чуть навывкате, глупыми и нагловатыми, и спросила резким голосом:

– Вы что, ждете кого-то, что ли?

– Нет, – немного растерялась Светлана и от вопроса, и от интонации, и от общей манеры девочки держаться.

– Врете, – так же решительно заявила Ольга. – Вообще-то врать нехорошо, вы знаете?

– А со взрослыми нехорошо так разговаривать, ты знаешь? – вскинула брови Светлана.

Но ее беспомощное «со взрослыми так нехорошо» не произвело на девочку никакого впечатления. Она по-прежнему не сводила со Светланы глаз, и взгляд ее был женщине неприятен. «Сглазит еще», – мелькнуло у

нее в голове, хотя ни в какой сглаз Светлана не верила.

Ольга молчала, зло рассматривая незнакомую тетку. Вообще-то тетка была знакомая, Ольга видела ее пару раз в деревне, но где – не могла вспомнить. Да и неважно – очередная дачница приехала, хочет поразвлечься. «Пусть только попробует на чужое покуиться! – с угрозой подумала Ольга. И мысленно прибавила слово деда: – Шалава!» По правде сказать, женщина, стоявшая перед ней, на шалаву была не похожа – губы не накрашены, глаза не подведены, и держится она не по-боевому, как Любка рыночная, а словно рыба снулая. И голос тихий. На секунду Ольга даже усомнилась в том, что женщина пришла сюда за тем же, за чем и она, но в следующую секунду обругала себя за глупость: а зачем же еще? Не васильки же собирать, хотя у нее в руках целый букет васильков. Нет, цветочки у нее для отвода глаз, для дураков вроде Кирилла. Ладно, она ей покажет отвод глаз.

– А вы знаете, что здесь, в поле, змей много? – по-прежнему нахально спросила она, так что Светлана не могла понять, шутит девочка или говорит правду. Она была, похоже, придурковата, как бывают придурковаты деревенские дети, растущие без присмотра.

– Змей? – переспросила Светлана. – Нет, я не знала.

– Вот укусит вас – сразу узнаете!

Ольга сделала рукой быстрое движение, как будто собиралась ущипнуть Светлану за шею. Та вздрогнула и отшатнулась. Девчонка расхохоталась, и Светлана начала сердиться:

– Все ты выдумала про змей! Здесь только ящерицы есть, больше никого.

– Да-а? – протянула Ольга. – А вы попробуйте, лягте на траву – сразу узнаете, какие здесь змеи!

Голос ее зазвучал угрожающе, и Светлана окончательно убедилась, что девчонка слегка не в своем уме.

– Посторонись, – сухо сказала она, – мне пройти нужно.

Пару секунд Ольга стояла молча, потом отодвинулась. Светлана прошла мимо нее и спиной почувствовала, как в шею ей уперся неприязненный взгляд.

– Так что вы сюда не ходили бы, тетенька! – крикнула Ольга вслед торжествующе.

Она уже поняла, что победила, что осталась на поле одна, и эту бледную немочь с васильками можно не бояться. Подождав, пока женщина исчезнет за поворотом, она вприпрыжку помчалась по полю к условленному месту, предвкушая, что там увидит...

Ничего. Под деревом раскачивалась на ветру трава, поднималась одинокая высокая ромашка, но до ромашки Ольге не было никакого дела. Ей нужно было совсем другое – то, ради чего она удрала из дому, повздорила с незнакомой теткой, бежала по всему полю. И все зря!

Обозлившись, девочка пнула ствол дерева и вскрикнула от боли. Боль немного привела ее в себя, и злость сменилась глухим раздражением. «Домой нужно идти, – мрачно подумала Ольга. – Мать там устроит...»

Что устроит – она не стала представлять, и бегом рванула по полю, срезая путь.

Макар прогулялся по деревне не торопясь: сначала в один конец, потом в другой. Здоровался с бабушками, сидевшими на лавочках перед домами, поболтал с парой алкашей, лениво бредущих из магазина с авоськой, в которой просматривались бутылка дешевой водки и буханка ржаного хлеба. Разговор получился интересный, можно сказать, философский, но не имеющий никакого отношения к предмету, интересовавшему Макара. Договорившись о том, что завтра же с утра он зайдет за баночкой парного козьего молока к одному из владельцев бутылки и буханки, Илюшин отправился дальше. «Бабкин молоко выпьет, – подумал он, – ему полезно».

Ожидать, что сейчас он наткнется на свидетеля, который тихо прошепчет ему на ухо имя убийцы, было смешно. Разумеется, не за тем Макар гулял по Игошину, представляясь студентом, отдыхающим после тяжелой сессии. Зачем он бродит по деревне, Илюшин и сам не смог бы объяснить, но чувствовал, что все делает правильно. Сонные куры ходили по дороге, в палисадниках качались разноцветные космеи таких чистых цветов, словно их раскрашивал ребенок. «Хорошо здесь, Серега прав, – подумал Макар. – На фига сдалось кому-то убивать?»

Его незамысловатые рассуждения о том, что в Игошине лучше вести невинную, близкую к природе жизнь, чем душить врага подушкой и прятаться от правосудия, были прерваны громкими голосами. Они раздавались из-за высокого забора, мимо которого и шел Илюшин. Не вслушиваясь в слова, не раздумывая ни секунды, Макар быстро свернул с дороги и втиснулся в узкий проход, отделявший забор от соседнего дома. Здесь росла высоченная, в рост Макара, трава, похожая на гигантский укроп, и пахло сладковатыми цветами. Аккуратно продираясь среди зарослей, Илюшин продвигался вглубь, пока не наткнулся на то, что искал, – небольшую щель между досок. Прикинув к ней глазом, Макар разглядел большой двор, крыльцо, а на крыльце – ссорящихся, голоса

которых и заставили его свернуть с дороги.

Толстая девочка с сальными волосами, перехваченными яркой розовой резинкой, стояла на нижней ступеньке. С высоты крыльца на нее кричала женщина – невысокая, круглолицая, с правильными чертами лица, которое сейчас было искажено от гнева.

– Где шлялась?! Где шлялась, а? Я кому сказала картошку прополоть?

– Не шлялась, а к Ирке ходила! – огрызнулась девочка. – Никуда не денется твоя картошка!

– Вот я тебе сейчас как надаю по щекам за такие слова... – с угрозой произнесла мать. – Не тебе решать, денется или нет. Я смотрю, ты, Оля, распоясалась...

– Ты на себя сначала посмотри, – сказала девчонка, медленно проговаривая каждое слово. Сказала негромко, и Макар скорее догадался, чем услышал, что именно она произнесла.

Женщина на крыльце замолчала, с удивлением глядя на дочь. Та отвела взгляд и стояла с видом глуповатым и обиженным, изучая бочку с водой.

– Прополи мокрец и помоги ужин готовить, – наконец выговорила мать, открыла дверь и зашла в дом.

Девочка ухмыльнулась, прыгнула со ступеньки и исчезла на тропинке, ведущей к огороду.

Макар постоял еще немного, подождал. Прошла минута, другая, но двор оставался пустым. «На сегодня представление закончено, – сказал себе Илюшин. – Зрителей просят выйти через вторую и третью двери». Он полез через кусты обратно, но на полпути почувствовал рядом с ногой какое-то шевеление.

Присев на корточки, удивленный Макар обнаружил под кустом уютно устроившуюся пеструшку, ни капли не испуганную его появлением.

– От стада отбилась? – вполголоса спросил у нее Илюшин. – Или наслаждаешься одиночеством?

Курица укоризненно посмотрела на него круглым глазом, похожим на ягоду черной смородины. Макар подтолкнул ее под бок, и птица нехотя сошла со своего места. Под ней обнаружили пять больших белых яиц, в некоторых местах перепачканных пометом. Макар посмотрел на яйца, ощущая в себе первобытную радость охотника, поймавшего легкую добычу и обеспечившего семье два дня сытой и ленивой жизни. Потом перевел взгляд на курицу. Курица моргнула, на секунду прикрыв смородиновый глаз пленкой. Илюшин вздохнул и выпрямился, мысленно пожелав курице всего хорошего. Пожалуй, стоило поторопиться к ужину, чтобы не сердить

лишний раз Дарью Олеговну, и без того обозленную затеей племянника.

Кирилл вышел из дома через пять минут после того, как все стихло. «Вот мать раскричалась! Хорошо, что не попался ей под горячую руку». Он сел на крыльцо, думая, что если бы на месте Ольги был он, то ему грозила бы хорошая оплеуха от матери и порка от деда. А Ольге ничего, все с рук сошло. «Толстая сучка», – логично завершил он ход своих мыслей.

В доме хлопнула дверь, и Кирилл поспешно вскочил со ступеньки. «Если увидят – разорутся, типа, чего без дела сидишь. Уроды». Работать ему не хотелось, но Кирилл слишком хорошо знал на собственной шкуре, как относится к тунеядству дед. Он сплюнул и поплелся в теплицу – подвязывать огурцы, которые терпеть не мог.

Глава 13

Вечером Сергей Бабкин составил план действий, который собирался воплощать с завтрашнего утра. Действовать, как Макар, по наитию, он не мог, а если бы и попытался, то ничего не добился бы, и Сергей хорошо это знал. Когда-то, лет пять назад, он даже записывал на листке бумаги план предстоящего важного разговора, что неплохо помогало ему, позволяло не ступешаться перед собеседником. Те времена прошли, разговоры он теперь вел без всяких предварительных наметок, но вот действовать предпочитал по обдуманному плану.

Собственно, программа была проста и на первый взгляд незамысловата – следовало отловить оперативников, которые снова приедут в Игошино рано или поздно, и постараться разузнать у них максимум информации по убийству Ледяниной. В том, что оперативники появятся, Бабкин, сам бывший опер, ни на секунду не сомневался – опросить всех жителей Игошина в прошлый раз они точно не успели. Бабкин легко сходился с людьми и сейчас искренне надеялся, что оперативники окажутся вменяемыми мужиками и не станут растопыривать пальцы веером перед незнакомым частным сыщиком.

Утром он вышел из дома рано – Макар спал, тетюшка Дарья хлопотала в огороде. По деревенским меркам было уже позднее утро, но Бабкин не знал, когда вздумают приехать оперативники, и решил перестраховаться. Теперь он стоял перед домом, скептически оглядывая пустую улицу, и размышлял о том, что так можно проторчать тут до вечера.

Конечно, по-хорошему нужно было пройтись по Игошину из конца в конец и найти машину оперативников. Но Бабкин неожиданно для себя самого направился к дому Вероники, негромко постучал в окно и, не дождавшись ответа, открыл калитку, которую Егоровы никогда не запирали на засов, а всего лишь накидывали маленький крючок.

На веранде было тихо. Не кричали дети, не гроыхала посудой хозяйка, и Сергей невольно подумал, что здесь не скоро будет так же весело и шумно, как раньше. «Самый темный час», – вспомнились ему слова Вероники, и он поморщился, представив ее тогдашнее несчастное заплаканное лицо и собственную слабую попытку утешения. «Красивые слова это все – про рассвет и темный час, – подумал он. – Посадят Дмитрия, и никакого света у его жены и детей больше не будет. А будет разрушенная, страдающая семья». Неприятная мысль кольнула его: «Ты

сам всегда считал, что убийца должен понести наказание. Вот он, убийца, и вот оно, наказание. Справедливо?» Он не стал отвечать на собственный вопрос.

За крыльцом послышался стук и звук льющейся воды. Обогнув дом, Бабкин увидел Машу, плескающуюся под примитивным стареньким ручным умывальником, которым сами Егоровы давно не пользовались – предпочитали умываться из-под крана на кухне. Ручной умывальник часто оставляли открытым, и в дождь он наполнялся водой до самых краев.

Маша плескалась с удовольствием, разбрызгивая воду, и даже не заметила Сергея, остановившегося в двух шагах от нее.

– Доброе утро, – наконец сказал Бабкин, обращаясь к ее шее, на которой под линией рыжих волос, убранных наверх, виднелся выющийся золотистый пушок.

Маша дернулась, резко обернулась и выпустила набранную в ладони воду.

– Нельзя так людей пугать! – укоризненно выдохнула она, выпрямляясь. – Доброе утро, Сергей.

Утром Маша порадовалась, что встала раньше всех, потому что собиралась написать в тишине сценарий. Но сейчас, стоя перед Бабкиным, она почувствовала себя неловко. «Ресницы не накрашены... – мелькнуло у нее в голове. – Я сейчас на моль похожа. Умытая моль – замечательно». Настроение у нее слегка испортилось, потому что для этого мужика, который явно пришел, чтобы поговорить о деле, в которое она же его и втянула, ей хотелось выглядеть хорошо. Господи, да что там лукавить – не хорошо ей хотелось выглядеть, а прекрасно! Так, чтобы он взглянул – и у него что-нибудь замерло. Как там пишут в современных женских романах? «Сердце у него замерло, а то, что он считал давно замершим, наоборот, отмерло и дало о себе знать...» Чем же оно дало о себе знать, интересно? Покальванием? Ладно, пусть будет так: «... дало о себе знать покальванием».

– Что смешного? – удивленно спросил Бабкин, когда Маша вдруг расплылась в идиотской улыбке.

– Не обращайтесь внимания... то есть не обращайтесь, – попросила она, стараясь переключить мысли на что-нибудь другое с той веселой похабщины, которая ей представилась. – Это у меня профессиональный дефект: некоторые ситуации я начинаю как бы записывать в голове. Ну, проговаривать мысленно словами. Потом оно всплывает, когда я сценарий начинаю писать, – покривила она душой.

Бабкин смотрел на ее покрасневшее лицо и понимал, что нужно

немедленно начать говорить о расследовании, но в голову приходило совершенно другое. Глаза у Маши были спросонья слегка раскосые, а губы припухлые. И никакой косметики на лице. Ему это очень понравилось, потому что можно не бояться смазать липкую помаду, чего всегда так боялась его бывшая жена, и можно...

– Завтракать с нами будешь? – перебила Маша его мысли. – Я творожники испеку.

– Нет, спасибо, – покачал он головой. – Я, собственно...

Что «собственно», он не успел договорить, потому что послышался звук открываемой двери, и сонный голос громко сказал с крыльца:

– Мам, я есть хочу! А с кем ты там разговариваешь?

– Ладно, я пойду, – торопливо сказал Бабкин и двинулся к калитке. – Вечером увидимся. Да, как там Вероника? – вспомнил он.

Маша немного подумала, прежде чем ответить.

– Плохо, – честно сказала она в конце концов. – Только из-за детей держится.

Сергей понимающе кивнул и скрылся за углом дома.

Поговорив с экспертом, Забелин нажал «отбой» и сразу набрал новый номер.

– Валера? – спросил он. – Слышь, Валер, ты еще не в Игошине? Когда доедешь, зайди к Егоровым и скажи, что они могут забирать тело из морга.

Валера начал говорить про экспертизу, и Забелин раздраженно отозвался:

– Да чего там ее делать, ту экспертизу? Готова она, сказано тебе. И так все понятно. Да, как и говорили, задушили ее. В общем, все понял? Выполняй.

Вероника никак не могла сосредоточиться. Последние два дня она начинала одно дело за другим и тут же бросала. Большой поддержкой оказалась Ирина, и Вероника была очень благодарна дочери – та взяла на себя Димку, и вместе с Костей они развлекали его, как могли. «Боже мой, у нее же скоро экзамены! – в ужасе вспомнила Вероника. – Это невозможно!»

Она не уточняла, что именно невозможно, потому что невозможным было все: и страшная смерть матери, и арест Мити, и все ее терзания и сомнения, из-за которых она не могла заснуть ночью. Снова подумала: «Как там Митенька, бедный?» – и опять чуть не расплакалась, но вовремя взяла себя в руки. Навстречу по тропинке шла Маша, и предстояло обсудить с ней очередную проблему.

– Вероника, здесь и думать не о чем, – недоуменно сказала Маша, выслушав ее. – Поезжай в город, похоронишь... – она чуть было не сказала «маму», но спохватилась и исправилась: – Похоронишь Юлию Михайловну, через два дня вернешься.

– Ты думаешь, мне хватит двух дней? – Вероника никогда не занималась похоронами и даже представить не могла, что ей предстоит делать.

– Конечно, – кивнула Маша, беря подругу под руку. От прикосновения ее крепкой руки Вероника почувствовала себя немного лучше. – Позвонишь в похоронную контору, телефон узнаешь в справочной, дальше они сами все расскажут. Денег я тебе дам.

– Не надо... – слабо запротестовала Вероника, но Маша даже слушать ничего не стала, понимая, что с деньгами у Егоровых сейчас туго.

– За детей не беспокойся, – продолжала Маша, – за Димкой я присмотрю, а Ирина у тебя совсем взрослая, поможет мне.

Она остановилась и с тревогой взглянула на бледное, за последние два дня ставшее каким-то остреньким, мышиным лицо подруги.

– Вероника, может быть, мне похоронами заняться? – предложила она, чуть подумав. – А ты останешься здесь...

Но та решительно покачала головой:

– Нет, Машенька. Спасибо тебе большое, милая моя, но это я должна сделать сама.

Маша не стала настаивать, и уже через полтора часа Вероника, собравшись и дав последние наставления детям, шла к автобусной остановке. Опаздывать не стоило – следующий автобус шел только вечером.

Оперативники приехали к обеду, когда уставший от бессмысленного и бесполезного ожидания Бабкин готов был лезть на стену. Но, увидев двух парней, вылезавших из машины, сразу воспрял духом. Младший выглядел серьезным, сосредоточенным, соваться к нему с расспросами, наверное, пустое дело, а вот старший Бабкину понравился – без лишнего гонора, взгляд спокойный, походка уверенная. Сергей считал, что по походке можно сказать о человеке больше, чем по его лицу. Не о каждом человеке, понятно, только о мужчине. Женщины – существа на каблуках, а каблуки искажают впечатление.

Подождав, пока парни закончат работать в одном из крайних игошинских домов, Бабкин подошел к ним и достал пачку хороших сигарет. Сигареты – обязательный атрибут знакомства, своего рода

традиция, способ установления дружеских отношений, ничуть не худший для начала, чем бутылка. Сигареты были приняты благосклонно, и Сергей откровенно рассказал, кто он и чем занимается. Хитрить не стоило, да и незачем было. Спустя полчаса, покурив перед домом на старом срубе и найдя двух общих знакомых, что только способствовало сближению, Бабкин с Валерой обсуждали дело об убийстве Леядниной.

...Вышедший из соседнего дома старик недовольно взглянул на троих мужиков, вот уже сорок минут протиравших штаны на бревнах. «Лодыри, – обругал он их. – Вот того, здорового, впору в борону запрягать, а он наверняка языком почешет и водку пить пойдет. Эх, гнилой пошел молодняк!» И, осуждающе покачав головой, старик вернулся во двор.

Увидев возвращающегося аккурат к обеду племянника, Дарья Олеговна сразу поняла, что дело плохо. Лицо у него было мрачное, насупившееся, и тетушка не рискнула спрашивать его. Пусть сначала отойдет, грибного супчика поест, а там и поинтересоваться можно.

Деликатность тетушки Бабкин оценил, но веселее от этого не стал.

– Дохлая затея, – с порога объявил он Макару, валявшемуся на диване и обдумывавшему, стоит стянуть у курицы хоть одно яйцо или нет. – Надо им сказать, Макар, что ничего не выйдет. Вопрос только в одном – как это деликатно сделать? Елки, да никак!

Он тяжело опустился на стул и облокотился на стол.

Макару не нужно было спрашивать, кому «им» и что «не выйдет».

– Поговорил, значит. – Он не спрашивал, а утверждал. – Ничего не выяснил.

– Выяснил! – взорвался обычно уравновешенный и спокойный Бабкин, редко повышавший голос. – Все я выяснил, мать его!

В комнату вошла Дарья Олеговна и недовольно сказала:

– Тебя от магазина, должно быть, слышно. Что раскричался-то?

– Извини, тетя Даша, – буркнул Бабкин. – Расстроился. Просили помочь, а сделать ничего не смогу. Короче, Макар, никто ничего не видел. Нет свидетелей, понимаешь?

Макар, внимательно слушавший Бабкина, кивнул.

– Вернее, один есть, он и видел Егорова возвращающимся домой примерно в то время, когда старуху убили, – продолжал Сергей. Тетушка смотрела на него, нахмурившись. – И есть люди, с которыми женщина время от времени разговаривала и на свою тяжелую жизнь жаловалась.

– Говорила, что зять хочет ее извести, – снова понимающе кивнул Макар.

– Скучно с тобой, все знаешь, – хмыкнул Бабкин. – Вот именно. Гуляла наша покойница по саду, общалась с народом. Результат общения известен.

– Еще она с соседями ссорилась, – напомнила Дарья Олеговна.

– Ссорилась, – согласился племянник. – И что? Да ничего. Соседи и сами честно признают факт ссор, никто из них по Ледяниной особенно не скорбит. Но ты понимаешь, Макар, что все значит? Оперативники всех людей опросили, никаких зацепок не нашли. Вообще никаких! Один Дмитрий Егоров у них подозреваемый, потому что на нем все концы сходятся. А больше никому, кроме него, Юлию Михайловну Ледянину убивать не нужно было.

– Наволочка, – лениво протянул Макар.

– Ты предлагаешь пятьдесят домов обыскать? – скептически усмехнулся Сергей. – А заодно и огородов? Забудь про наволочку, мы ее не найдем никогда в жизни.

– Восемьдесят домов! – возмущенно поправила его тетушка Дарья. – Игошино, если хочешь знать, раньше селом было, до войны здесь церковь стояла...

Но племянник явно не был настроен выслушивать историю деревни, и Дарья Олеговна замолчала.

– Слушай, Серега, – Макар сел на своем диванчике и задумчиво посмотрел на Бабкина, – а кого ты в траве выслеживал?

– Ты о чем? – не понял тот.

– «Тощий такой гриб, гнилой. Если не ошибаюсь, Раскольников его фамилия», – процитировал Илюшин, и у Бабкина расширились глаза.

– Точно! – вспомнил он. – Елки, Макар, ну у тебя и память! Я думал, ты спал тогда!

– Вы о чем, а? – забеспокоилась Дарья Олеговна, переводя взгляд с одного на другого. – Что за гриб? Почему гнилой? Сережа, ты что молчишь?

– Вспоминаю, – отозвался племянник и в двух словах рассказал, что случилось тем вечером.

– Ну и при чем же здесь убийство? – разочарованно пожала плечами тетушка. – Кто-нибудь из наших алкашей испугал девчонку, вот и все дела.

Макар с Бабкиным переглянулись. Ни тому, ни другому не требовалось проговаривать вслух то, что было ясно обоим: никакими алкашами около бани Липы Сергеевны и не пахло.

– Знаешь, Сережа, а давай-ка я тебе погадаю, – неожиданно предложила Дарья Олеговна, роясь в кармане фартука. – Может, карты и

подскажут, кто твою красавицу пугал.

Достав засаленную колоду, быстро раскидала карты по столу под недоуменными взглядами Макара и племянника.

– Тетя Даша, а ты столоверчением не занимаешься? – хмыкнул Сергей. – По ладони не гадаешь? Хочешь, я тебе свою линию ума покажу?

– Ой, была бы она, та линия... – пренебрежительно отозвалась тетушка, не глядя на него. – Между прочим, зря смеешься! Карты о многом рассказать могут, если правильно спрашивать. Меня старая Марья Ковригина, знатная гадалщица, научила.

Она метала одну карту за другой, время от времени на секунду задумываясь. Макар сдерживал смех, Бабкин нарочито громко зевал. Дарья Олеговна не обращала на них внимания, погруженная в чтение расклада и время от времени бормотавшая:

– Черный король на даму... близкая дорога, неприятная встреча, тайная любовь... Все не то. Десятку выкидываем... Что остается?

Тетушка перевернула три последние карты и уставилась на них с непонятым выражением лица.

– Огласи, пожалуйста, имя негодяя и его паспортные данные, – попросил Сергей.

– Не получилось у меня, – нехотя призналась тетушка. – Одно только вижу...

Она замолчала.

– Что видите, Дарья Олеговна? – любопытствовал Макар.

– Вижу красный путь и большую грусть, – проговорила та. – А еще, Сережа, вижу, что не нужно тебе куда ходить нынче и завтра – плохие вести принесешь и беду найдешь. Ой, нехорошо карты выпали... – Тетушка покачала головой и встревоженно взглянула на племянника.

Бабкин встал, чмокнул тетушку в макушку и утешил:

– Нынче я никуда не собираюсь. А завтра только к Егоровым. Кстати, что такое «красный путь»?

– Не знаю, – пожала плечами Дарья Олеговна.

– Ну и не бери в голову, – посоветовал Бабкин и смел карты в кучу. – А Марья Ковригина твоя – выдумщица и фантазерка.

* * *

Костю, конечно, расстраивало то, что произошло. Нет, не смерть наглой старухи, которая постоянно смеялась таким смехом, словно у нее

горло простужено, а то, что Димкиного и Иркиного папу арестовали. Костя был неглупый мальчик, в свои двенадцать лет понимающий достаточно, чтобы не спрашивать маму, почему тетя Вероника ходит с таким лицом, будто это ее убили, а не кого-то другого. Но мама сама сказала, что дядя Сережа им поможет, а при взгляде на дядю Сережу сразу становилось понятно, что он и в самом деле поможет. Не зря же он рассказывал, как они нашли девушку, пропавшую то ли год, то ли два назад, Костя точно не помнил. Так что напрасно тетя Вероника так расстраивается – все будет нормально.

Но пока «нормально» еще не наступило, Костя всячески старался помочь. Поэтому, когда его отправили за молоком к Леснику, он не стал говорить, что собирался с Димкой вырезать арбалет, а послушно взял бидончик и пошел в дальний конец деревни.

Дом Степана Андреевича Лесникова стоял на отшибе – за маленьким овражком, густо заросшим колючим шиповником. Когда-то дом был добротным, но время и пристрастие хозяина к выпивке сделали свое дело: одна стена покосилась, окна осели, а двор по краям зарос серой, резко пахнувшей полынью.

Оглядываясь по сторонам, Костя зашел во двор. Из-за полуразвалившегося сарая слышалось жалобное меканье коз, а в доме громкий голос протяжно пел о черном вороне, вьющемся над головой.

– Степан Андреевич! – позвал Костя, слегка оробев от общего запустения, царившего вокруг. – Я за молоком пришел!

Дверь распахнулась, громко стукнув об стену, и из дома вывалился Лесник, двумя пальцами подтягивая семейные трусы.

– Тебе чего... – начал было он, воспаленными глазами вытаращившись на мальчика. Но быстро вспомнил: – А-а, ты у Вероники гостишь! Давай бидончик сюда, давай, не бойся.

Костя хотел сказать, что не боится, но промолчал. Сейчас Лесник был вовсе не похож на того доброго голубоглазого человека, которого они с мамой встретили в лесу. От него несло тяжелым, удушливым запахом, который не забивался даже горьким ароматом полыни.

Лесник исчез в доме и вернулся спустя минуту, осторожно неся бидончик двумя руками.

– Не пролей, малой, – предупредил он, подавая его Косте. – Скажи Веронике, чтобы послезавтра приходила за следующим, понял?

– Понял. – Костя не стал говорить, что тетя Вероника уехала. – Спасибо, до свиданья.

Он повернулся, уже собираясь уходить, но его догнал голос Лесника:

– Слышь, как тебя... погоди секунду...

Лесник спустился с крыльца и стоял, держась за перила. Неуверенно, даже робко он спросил, не сводя с Кости слезящихся глаз:

– Вероника... она по мужу-то страдает? Или не очень?

– Страдает, конечно, – по-взрослому ответил Костя, не очень понимая, о чем его спрашивают. По его разумению, если дядю Митю арестовали, то, конечно, всем вокруг плохо.

– Плачет? Или, может, нет? – чуть ли не заискивающе задавал вопросы Лесник, подходя к Косте поближе. Неприятный запах ударил мальчику в нос, и ему очень захотелось отойти от него подальше, но это выглядело бы нехорошо, и Костя остался стоять на месте.

– По-моему, нет, – ответил Костя, которого начали тяготить странные расспросы. – Вы лучше у мамы спросите, я ничего не знаю.

– Постой, постой... – пробормотал Лесник скорее не ему, а самому себе. – Жалко ведь ее, правда? Вероника-то у нас – как ангел. Что ж ее мужик наделал? Может, для нее и хорошо, что его посадили.

– Это не он! – возмутился Костя. – Это кто-то другой сделал, мы все знаем!

– И она?

– И тетя Вероника, – подтвердил мальчик. – Я пойду, а то меня мама искать будет.

И он заторопился к калитке, пока Лесник не придумал новых вопросов. Отвечать на них Косте не хотелось. Конечно, мама его искать бы не стала – он же не маленький, но для взрослого отмазка про маму вполне сойдет.

Когда парнишка скрылся из виду, Лесников бесцельно пошатался по двору, попытался выдернуть куст полыни, но тот крепко держался в земле. Тогда Лесник пихнул попавшееся под ногу гнилое полено, тоскливо выматерился себе под нос и вернулся в дом, оставив дверь распахнутой.

Маша ждала, что Сергей зайдет вечером, но тот так и не появился. Она видела Бабкина издали – сначала его крепкая фигура маячила у Царевых, потом он неторопливо прошел мимо окон егоровского дома, и его голос послышался во дворе большой неприветливой семьи по соседству, с утра до вечера работающей на огромном участке. «Как же их... – пыталась вспомнить Маша. – Бобровы, Барсуковы... а, Балукеры!»

Вечером она накормила детей и хотела организовать какую-нибудь игру, одну из тех, в которые с братом и родителями играла в детстве после ужина, но оказалось, что играть никто не хочет. Костя отправился в

мансарду читать Лукьяненко, которого, будь его воля, он читал бы и за столом, и в туалете, не выпуская из рук, а Ирина объявила, что ей нужно готовиться к экзамену. Оставался Димка – но он за ужином так отчаянно зевал, что Маша уложила его спать, немножко почитав мальчику перед сном. Димка слушал внимательно, и его грустная мордочка на подушке была до того похожа на Вероникину, что Маша не удержалась и чмокнула Димку в лоб, хотя знала, что мальчишки таких вольностей не любят, особенно от чужих. Но Димка воспринял ее поцелуй как должное.

– Спокойной ночи, тетя Маша, – сонным голосом проговорил он. – Вы со мной в комнате спать будете?

– Нет, я буду в мансарде, – тихонько ответила Маша, – а с тобой ляжет Ирина. Не бойся, я ночник оставлю.

– А я и не боюсь, – прошептал Димка, закрывая глаза.

Маша знала, что в темноте сын Вероники заснуть не может – боится, плачет, поэтому она прибавила свет ночника и неслышно прикрыла за собой дверь. Можно было наконец сесть за сценарий, раз старшие дети заняты своими делами.

Перед тем как подняться наверх, она заглянула к Ирине. Девушка сидела на веранде, прикрыв глаза, и что-то проговаривала вполголоса. На столе перед ней лежала открытая книга.

– Ира, я немного поработаю перед сном, – предупредила Маша. – Когда ты ляжешь?

– Да скоро, наверное, – Ирина подняла на нее большие голубые глаза, в которых плескался сон, как и у Димки. – Засыпаю, тетя Маша, ничего в голову не лезет.

– Завтра полезет, а сейчас лучше ложись, все равно ничего не выучишь, – посоветовала Маша, вспомнив собственные ночные бдения над учебниками. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, тетя Маша.

Сидя в комнате перед ноутбуком, Маша быстро записывала диалоги зверят, приходившие в голову. Она давно не работала так быстро и легко: сюжеты придумывались один за другим, причем хорошие сюжеты – интересные и смешные. Словно со смертью матери Вероники с дома упала пелена, мешавшая всем жить, думать, разговаривать и работать.

Через плечо заглянул Костя, пожелал спокойной ночи, и Маша спохватилась, что времени уже много. «Последнюю сцену допишу – и в постель», – решила она.

Когда Маша оторвалась от компьютера, Костя уже крепко спал на своей тахте, посапывая во сне. Погладив его по отросшей шевелюре, Маша

подняла толстый том, лежавший на полу около кровати, и переложила на столик. Писатель Лукьяненко, с легкой улыбкой взиравший на нее с обратной стороны обложки, напомнил Маше Бабкина. «Мог бы и зайти, – с неожиданной злостью подумала она. – Поинтересоваться, как у нас дела. Фантаст хренов». Фантаст, конечно, был тут совершенно ни при чем, тем более что Лукьяненко Маша любила нежной любовью и сама же подсунула его книгу Косте. Но ей почему-то захотелось обозвать Бабкина именно так.

Переодевшись в ночную рубашку, она залезла под теплое ватное одеяло и моментально заснула с мыслью о том, что завтра с утра нужно будет подкрасить ресницы водостойкой тушью – просто так, на всякий случай...

Ее разбудил тихий звук. Даже не звук, а ощущение того, что в комнате кто-то есть, и этот «кто-то» – не Костя, безмятежно раскинувшийся во сне. Маша открыла глаза, и в первую секунду ей показалось, что вокруг – сплошная темнота, в которой невозможно ничего различить. Ощущение было неприятным. Но глаза очень быстро привыкли, и в темноте стали различимы тахта у противоположной стены, стол у окна с раскрытым ноутбуком, спинка стула, возвышающаяся над столешницей...

И белая фигура, застывшая в дверном проеме.

У Маши перехватило дыхание. Но тут фигура быстрыми неслышными шагами подошла к ней, и с невыразимым облегчением Маша узнала Ирину, одетую в длинную белую ночнушку. Облегчение было каким-то иррациональным – никого другого, кроме самой Маши и троих детей, в доме быть не могло. Маша с вечера закрыла входную дверь на засов и сейчас как раз вспомнила об этом.

– Ира, что случилось? – шепотом спросила она, приподнимаясь на подушке.

Девушка села на корточки перед ее кроватью, и Маша увидела, какое белое у нее лицо – под стать ночной рубашке.

– Тетя Маша, – прерывающимся голосом прошептала Ирина, – мне кажется, кто-то забрался... сюда... к нам. Я звуки слышала. Шаги.

Маша села на кровати, быстро соображая.

– Ирочка, тебе показалось, – сказала ласково, но по-прежнему тихо, пытаюсь понять: можно ли выбить стекло в доме так, чтобы находящиеся в нем не услышали. Подумав, решила, что нельзя. Ирина была впечатлительной и нервной, легко могла принять сон за явь. «Показалось девочке спросонья... вот и испугалась до полусмерти», – решила Маша.

– Мы с тобой сейчас спустимся вниз, – вполголоса произнесла она, – и ты убедишься, что никого там нет.

– Я боюсь! – Ирина вцепилась ей в руку так, что Маша чуть не вскрикнула от боли. – Они... как они вошли в дом, тетя Маша?!

– Прекрати сейчас же, – сквозь зубы приказала Маша, отдирая ее цепкие пальцы. – У меня из-за тебя синяк будет!

Ирина разжала пальцы, и Маша встала, сунув ноги в пушистые тапочки.

– Свет не включай, а то Костю разбудишь, – предупредила, хотя Ирина не сделала и движения к выключателю. – Пойдем.

Медленно они спустились по лестнице: Маша впереди, внимательно глядя себе под ноги, девушка – за ней. Оказавшись внизу, Маша прислушалась. Тишина. Снаружи заорал диким голосом кот, и она почувствовала, как дернулась сзади Ирина.

– Да не вздрагивай ты! – с легким раздражением попросила Маша. – Сама себя пугаешь.

Она прошла по коридору, заглянула в комнату детей. Димка лежал неподвижно, накрывшись одеялом с головой, и его нога свешивалась с кровати.

– Я его не будила, – прошептала Ирина ей на ухо.

«И правильно сделала, – подумала Маша, – не хватало нам мальчишку пугать. Он и так у Вероники пуганый».

Дойдя до веранды, она потянула на себя дверь, и та бесшумно открылась. По ногам сразу повело холодом, и Маша порадовалась, что не забыла надеть тапочки.

– Вот видишь... – начала она, обращаясь к девочке, и осеклась.

Дверь на веранду была приоткрыта, и за ней начиналась темнота – не тот сумрак, что был наверху, в мансарде, а настоящая ночная темнота, глубокая, как вода. Маша застыла перед этой темнотой, в один миг почувствовав свою полную беспомощность – из-за темноты, из-за открытой двери, которую она закрывала перед сном на крепкий засов, из-за того, что кто-то вошел и сейчас был внутри – в доме, в котором спали Димка Егоров и ее собственный сын.

Первой ее мыслью было выскочить из дома, перебежать через дорогу и разбудить соседей. Но уже в следующий момент Маша передумала – нельзя было оставлять в доме перепуганную до полусмерти девушку и двух беззащитных детей. Она не знала, что собирается делать тот, кто оказался в доме, и никак не могла понять, как ему удалось открыть засов. «Вор?» – мелькнуло в голове. При мысли о том, что их посетил всего лишь вор, Маша испытала облегчение. Но облегчение тут же сменилось страхом, который никак не удавалось подавить: воровать у Егоровых нечего, и

потенциальный взломщик должен был об этом знать. Да и зачем забираться в дом, где находятся женщина и трое детей, способных поднять крик в любую секунду?

– Не отходи от меня, – шепнула она Ирине, но та и не думала отходить.

Маша подбежала к двери и торопливо захлопнула ее. На долю секунды ей показалось, что за дверью скользнула какая-то тень, и, закладывая засов, почувствовала, что руки дрожат. Прислушалась – но ничего не было слышно, кроме тихого дыхания Иры за спиной. Маша сбросила тапочки, босиком подкралась к столу и на ощупь нашла кухонный нож, лежавший возле раковины. Крепко сжимая холодную металлическую ручку, Маша жестом приказала Ирине идти за ней, а сама двинулась к комнате Димки. По босым ногам тянуло из щелей в полу. «Господи, кто же здесь? В какой комнате он может быть?» – судорожно просчитывала Маша варианты, а сама тем временем уже тихонько трясла мальчика за плечо, отгоняя от себя мысль, что тот, кто проник в дом, успел подняться в мансарду.

Димка проснулся молниеносно, как редко просыпаются дети, и Маша зажала ему рот рукой.

– Т-ш-ш, – шепнула она. – Не шуми, пойдем, устроим Косте сюрприз.

Ничего лучше она не смогла придумать наспех, но мальчик послушно встал и, как сомнамбула, пошел за Машей, взяв за руку сестру.

По лестнице они почти взбежали, и Маше пришло в голову, как комично они выглядят со стороны – мальчишка, девочка и женщина, выставившая перед собой кухонный нож, которым вчера резала картошку. С бьющимся сердцем Маша распахнула дверь, панически боясь увидеть внутри человека, склонившегося над Костиной кроватью. Но в комнате никого не было, и Костя по-прежнему посапывал во сне.

Маша шумно выдохнула, словно ее отпустила боль. Теперь, когда все дети были рядом, она почувствовала себя уверенней, гораздо уверенней. «Пусть только попробует...» – подумала она, не закончив мысль, и наклонилась к сыну. Ирина за ее спиной закрыла дверь на ключ.

– Костя, вставай, – попросила она, почти не понижая голоса. Как и Димка, он проснулся сразу. – Кажется, кто-то забрался в дом, – коротко объяснила Маша, и глаза его изумленно расширились. – Что делать будем?

– Свет включим, – шепотом ответил Костя. – Мне в темноте страшно.

Она закрыла дверь перед самым его носом. Он глазам не поверил, когда, оказавшись перед домом, увидел приоткрытую дверь и услышал тихий шепот за ней. Все, что нужно было, – это толкнуть ее и оказаться внутри, но он не успел. Ничего, успеет в другой раз. Похоже, он может

считать себя везунчиком.

Он хорошо помнил ощущение торжества, охватившее его, когда рыжая телка металась по бане и дрожала – он был уверен, что дрожала! – вся, от полной подрагивающей груди с просвечивающими через майку сосками до рыжих волос, вставших дыбом, как шерсть у кошки – везде, даже в срамном месте. Наконец кто-то боялся его, и он чувствовал, какое упоительное ощущение – быть хозяином чужого страха. До сих пор ему приходилось бояться самому. Всю жизнь приходилось дрожать и унижаться, но теперь он с лихвой мог возместить минуты своего страха, своего позора – ценой чужого.

Он замер под окном, прислушиваясь к голосам. Голоса были приглушенные, испуганные. Правильно, так и должно быть. Он отогнал от себя мысли о том, до чего приятно было бы подмять под себя ее загорелое тело, запустить пальцы в рыжие волосы, заставить ее запрокинуть голову и рыдать, умоляя его отпустить, не бить ее. Эти мысли можно будет впустить потом, когда он целиком насладится тем, что собирался сделать, а сейчас они только отвлекали его – из-за них ладони у него неприятно потели, а между ног начинало ныть сладко и тяжело. Потом, потом, когда он вернется домой. А сейчас...

Маша сидела на табуретке, Ирина – на стуле, а Димка с Костей пристроились на кровати. Везде горел свет: когда они убедились, что в доме никого нет, кроме них, Ирина зажгла даже ночники и настольные лампы. И сейчас все вчетвером сидели в комнате Ирины.

– Ты уверена, что слышала шаги? – в третий раз спросила Маша, поворачиваясь к девушке.

Ира сидела, завернувшись в одеяло. Конечно, нужно было отправить детей по кроватям, но после пережитого страха Маша и сама не смогла бы уснуть. Она никак не могла поверить в то, что шаги Ирине почудились, что она зря кралась с ножом по темному дому, ожидая каждую секунду нападения.

– Кажется, да, – ответила та не очень уверенно. – Понимаете, тетя Маша, я ведь спала... – добавила она извиняющимся тоном.

Маша понимала. Конечно, Иришка спала, а во сне могла увидеть все, что угодно. Значит, сейчас все было в порядке. Они уже выяснили, что дверь оставил открытой Димка – мальчик повинился сам, как только узнал настоящую причину того, почему они крадутся по дому из комнаты в комнату в два часа ночи.

– Тетя Маша, я на улицу выходил, – тонким голосом проговорил он,

дергая Машу за подол рубашки.

– Как?! Зачем?! – не поверила она.

– Хотел желание загадать, – чуть не плача, признался Димка. – Ирка рассказывала, что скоро звезды начнут падать, и можно...

Он всхлипнул и замолчал. Маша молча смотрела на него, поражаясь тому, каким уязвимым растет у Вероники сын. Представила своего Костю семилетним, выходящим ночью на крыльцо, задирающим голову к темному небу... и сердце сжалось от жалости.

– А ты не боялся? – спросила она, ободряюще положив ладонь на его худое плечо с выпирающей косточкой.

– Боялся, – шепнул себе под нос Димка. – Сначала. А потом не очень. Но звезды все равно не падали, – прибавил он и враждебно посмотрел на сестру. Она виновата во всем произошедшем! Если бы не она, то он не оставил бы дверь открытой, и тетя Маша не испугалась бы так, не разбудила бы их ночью.

Ирка пожалала плечами и отвернулась. Дурачок малолетний, надо же! Хорошо еще, что и в самом деле никто в дом не залез.

– Слава богу, что никто в дом не забрался, – вздохнула Маша, почти дословно повторив мысли девочки. – Давайте спать ложиться, а то до утра просидим.

Ирина кивнула и поднялась со стула, Костя, потягиваясь, слез с кровати. Подошел к окну и отодвинул занавеску.

– Смотри, мам, ничего не видно, – удивился он, как будто ожидал увидеть яркое солнце. – А в Засорине ночью было не так темно.

– В Засорине напротив каждого дома фонари торчали, – устало объяснила Маша. – А здесь один работающий фонарь на всю деревню, да и тот возле магазина. А в остальных лампочки перегорели триста лет назад. Поэтому и темно.

Она взглянула на Димку и хотела сказать ему, что звезды будут падать в августе, нужно всего лишь подождать месяц с небольшим, но заметила выражение его лица и замолчала. Мальчик смотрел в окно, от которого Костя уже отвернулся. Рот его был приоткрыт, на лице застыло выражение ужаса. Проследив за его взглядом, Маша вскрикнула.

Со стороны улицы к стеклу плотно прижималась растопыренная пятерня. Она медленно сползала вниз по стеклу, оставляя за собой темный след. Маша резко вдохнула, а в следующую секунду ее оглушил визг Ирины, увидевшей то же, что и она.

Глава 14

След он стер – на этот раз торопливо, боясь, что на визг сбегутся соседи. Почему-то он не ожидал, что женщина начнет визжать, и был очень разозлен. Он-то составил целый план, как будет доводить ее до ужаса, до молчаливого отчаяния, и был страшно им доволен. Ему нравилось представлять все заранее, расписывать по минутам, что будет делать он и что будут делать они. Вообразил, как женщина начнет метаться по комнатам, как все станут шарохаться от окон, прижимаясь друг к другу и потея от страха.

А вместо этого пришлось стирать оставшийся на окне в комнате след, потому что в самый неподходящий момент ему вспомнился старый фильм, в котором преступника находили по отпечаткам на стекле. Удовольствие было испорчено. Еще неприятнее ему стало тогда, когда в памяти всплыл вечер около старой бани. Он отчетливо помнил, что приложил руку к крошечному, запотевшему изнутри окошку, а потом просто убрал ее, и на том месте, где была рука, остался жирный след, хотя до этого он не ел ничего жирного – ни рыбы, ни сала.

«По отпечатку меня могут найти, – понял он. – Надо его убрать, пока не поздно». Убрать-то просто, но мысль о собственном промахе заставила его сжать зубы. Он – победитель, а победители не допускают промахов. Ничего, он все исправит.

В доме напротив зажегся свет, дважды хлопнула дверь. Нужно было уходить. Он перелез через забор и метнулся в кусты. Нет, сейчас к бане идти нельзя – можно нарваться на кого-нибудь из дураков, решивших проверить, отчего визжит ночью красивая рыжая соседка. Значит, ему предстоит пойти туда утром. Но ранним утром, когда все еще спят. Хорошо, что никто пока не догадался снять его отпечатки с окошка в бане.

Успокоенный этой мыслью, он вернулся домой.

Лесник проснулся в пять утра с гудящей головой. Странно, вроде бы и не пил много, но похмелье с каждым разом мучит все сильнее и сильнее. «Старый становлюсь, – решил он. – Старых водка легко одолевает».

Похмелиться в доме было нечем. За стареньким, дрожащим, как припадочный, холодильником обнаружилась пластиковая бутылка, а в ней – пива на доньшке. Лесник и не помнил, когда купил ее, а главное – зачем засунул в темный угол, где всегда стояла мышеловка с засохшим до

окаменения куском сыра. Даже очень голодная мышь не покусилась бы на эту древность.

Он вытащил бутылку, залпом выпил мерзкую мутную жидкость и выскочил во двор – выплюнуть.

– Вот ведь... мать... испортилось, – негромко пожаловался Степан лесу, стоящему вокруг.

Он напился холодной воды из ведра на крыльце, и ему стало легче. Стояла утренняя тишина, и воздух был таким свежим и легким, что Лесник решил выбраться из своего двора, в котором он безвылазно сидел уже два дня подряд.

– Спать все равно не буду, – бубнил он себе под нос, огибая сарай и открывая толстую дверь, доски которой уже начали подгнивать. – Чего сидеть на месте? А вечером опять выпить надо... Значит, что? Значит, можно бы и Машку с Глашкой вывести. А не то...

Козы, лежавшие в темном углу, подняли головы и уставились на него желтыми раскосыми глазами.

– Красавицы мои, – умильно проговорил Лесник, чувствуя вину перед животными. – Не пас я вас, ласточки, свежей травки не давал... Ну выходите, выходите...

Козы не торопились выходить, не понимая, чего хочет от них хозяин в такую рань.

– А ну пошли, кому сказал! – обозлился Лесник. Поднял хворостину, лежавшую в углу, и козы нехотя встали. – Вот и умницы, вот и ласточки, – бормотал Степан больше себе, чем им, прогоняя недовольных коз по двору и выводя за калитку. – С утра покушаете, потом поспите, потом молочка дадите. Вероника-то возьмет молочка, возьмет...

С мыслями о Веронике он незаметно дошел до полянки перед лесом, где обычно пас коз. Отсюда дом Егоровых был хорошо виден, и Лесник уселся на росистую траву, с тоской глядя на коньки крыш. Козы паслись рядом, лениво пощипывая траву и мотая грязновато-белыми бородами, на которых оставались капли росы.

– День-то жаркий будет, – по старой привычке разговаривать с самим собой негромко сообщил Лесник. – Эй, а это кто?

Приподнявшись, он рассмотрел возле черной бани Липы Сергеевны человека, который что-то делал возле окна. Человек этот был хорошо знаком Степану, который никак не мог понять, что тому понадобилось возле чужой бани рано утром.

– Эй! Что придумалось-то у тебя, голуба? – вслух спросил Лесник и решил подойти поближе. Козы послушно двинулись за ним.

А человек старательно протирал тряпкой окно бани. Опешивший от удивления Степан остановился неподвижно, и вдруг в его голове все встало на свои места. Он соединил в одно целое упоминание Вероники о том, что ее подругу кто-то испугал возле старой бани, и убийство старухи, и картина так четко и ясно сложилась, что он тихо присвистнул. Так вот тут, оказывается, кто! Следы, значит, свои стирает. Боится, что сначала тут эти... как их... отпечатки найдут, а потом уж и до убийства в доме доберутся.

– Нехорошее это дело, – укоризненно сказал он.

Человек, увлеченный своим занятием, вздрогнул, выронил тряпку и обернулся. В десяти шагах от него стоял Лесник и качал головой. Вид у него был помятый, и человек понял, что Лесник опять накануне крепко нажрался и сейчас плохо соображает.

– Да ты не бойсь, не бойсь, – продолжал Степан. – Не скажу я никому.

«Веронике с той теткой, которая ей вроде бы мать, а вроде и не мать, тяжело приходилось, – подумал он. – Так что, может, раз ее теперь нет, то дело-то и неплохое, только... очень уж скверное».

– А ты чего здесь? – спросил наконец человек, поняв, что ничего плохого от Лесника ждать не стоит и шума тот поднимать не будет.

– Прогуляться вышел, – охотно ответил Степан. – Смотрю – а тут ты... Тряпку-то не забудь, – посоветовал он. – Чай, какая-никакая, а улика.

Довольный вовремя всплывшим в голове правильным словцом, он повернулся и пошел обратно к поляне. Человек недолгое время смотрел ему вслед, обдумывая, что делать дальше, потом подхватил тряпку и, внимательно оглядывая огороды, пошел к деревне, готовый в любую минуту спрятаться от любопытных глаз. Достаточно встречи с забуддыгой Лесником. Вот принесло его не вовремя! Ничего, обойдется... Сам сказал – никому ничего не расскажет.

Лесник уходил прочь медленно, понурившись, потому что воспоминание о Веронике и смерти ее матери вызвало у него тяжелые чувства. «Дмитрия ейного посадили, – думал Степан без малейшего сочувствия к мужу Вероники, – а ни за что, получается. Черт бы с ним, а вот Веронику жалко. Как там малой сказал... Плачет она, значит, убивается. Может, и в самом деле любит...»

Остановившись, Лесник тяжело вздохнул, обернулся и поискал глазами коз. Те, как собачонки, трусили от него невдалеке.

– Обратно пошли, – позвал их Лесник. – Хватит, нагулялись.

Настроение у него испортилось. «Понесла меня нелегкая к этой бане! – зло подумал он. – Вот и гадай теперь, чего дальше делать... А,

ничего не буду делать. Ни при чем я!»

Он пошел к дому, пару раз оглянувшись по дороге на Липину баню. Но около нее уже никого не было.

* * *

Борис Петрович Забелин смотрел на Машу сердито и раздраженно. Сорвали его с утра пораньше из-за какой-то ерунды, черт возьми! Испугали их ночью – удивительное дело!

– Он протер стекло, поймите, – в один голос уверяли его Маша и Ирина. – Боялся оставить отпечатки на стекле!

Вот ведь чушь. Даже если и похулиганил кто-то из своих, убийство-то здесь при чем? Так Борис Петрович и заявил Маше.

– Ну и часто у вас тут таким образом хулиганят? – скептически осведомилась та, хотя и старалась изо всех сил не выводить из себя следователя, от которого зависела участь Мити. – Сначала меня кто-то подстерегал возле бани, потом убили мать Вероники, а вчера человек чуть не проник в дом!

– Мух с котлетами мешаете, – пожал плечами Забелин. – У бани вас поджидал поклонник. Вчера кто-то из местных баловался, «следы кровавые оставлял», как только в книжках да в кино бывает. Наверняка подросток какой-нибудь детективов начитался-насмотрелся, наслушался об убийстве, вот и решил... подшутить. А кто убил Ледянину, выясняет следствие. Вот и все.

Маша прикрыла глаза рукой, потому что с утра они слезились от яркого света – она слишком долго просидела накануне перед экраном ноутбука. Он был прав, этот насупленный дядька, совершенно непохожий на следователя. Для него три события действительно не связаны между собой.

– Нам было очень страшно вчера, – тихо пожаловалась она, в общем-то не рассчитывая на его сочувствие. – Рука за стеклом... Я испугалась, что он хочет детей убить.

– Да я понимаю, – к ее удивлению, мягко отозвался Забелин. – Вы женщина молодая, приехали отдохнуть, а тут такие неприятные события. Уезжать вам надо, вот что я скажу. Если вы хулиганов боитесь, то в Игошине вам не отдых будет, а сплошное мучение.

– Может быть, вы хотя бы следы поищите? – умоляюще сказала Маша, поднимая на него глаза. – Он стоял под окном – значит, должны быть

следы!

Она не стала говорить о том, в чем была уверена сама: тот, кто приходил вчера, был около самой двери. Ей не показалось, когда она заметила тень. Он был совсем рядом, явно собирался проникнуть в дом, и Димкина забывчивость очень помогла ему. Почти помогла. Если бы она не успела захлопнуть дверь... Если бы она не была так напугана.

Борис Петрович покачал головой и встал. «Покушение! Вот ведь, выдернули меня опять в свое Игошино...»

– Ладно, следы посмотрим, – согласился он, заранее зная, что ничего не выйдет.

И, разумеется, оказался прав. Под окном росла высокая трава, на которой никаких следов остаться не могло. Она вроде и примята-то не была.

– Убедились? – повернулся он к Маше, стоявшей рядом.

Та молча кивнула.

– Тогда всего хорошего, – пожелал Забелин, собираясь уходить.

– Подождите, а что с Митей? – спросила уже ему в спину Маша.

– А что с ним? – удивился Борис Петрович, оборачиваясь. – Следствие идет, к Егорову избрана мера пресечения – арест. Все нормально.

– Понятно. До свиданья, – тоскливо сказала Маша. – «Все нормально»... – с горечью повторила она, как только следователь скрылся за углом. – Чурбан!

«А чего, собственно, я хочу от него? – тут же поинтересовалась Маша у самой себя. – Для него и в самом деле все идет нормально. Преступника они нашли, отдадут его под суд с чистой совестью, вот и все».

Потом вспомнила, какой казенной стала интонация следователя, когда тот отвечал ей про Митю, и усмехнулась. «А чего еще можно было от него ожидать – внимательного человеческого отношения? Он и так проявил его, согласившись поискать следы. Хотя бы за это стоило сказать спасибо».

– Мам, – робко позвал ее Костя, выглянув из-за угла. – К тебе дядя Сережа пришел.

В отличие от следователя, Бабкин выслушал Машу не просто серьезно – с каменным лицом. Они сидели за столом на веранде друг напротив друга, пока Костя с Димкой вырезали во дворе арбалет, а Ирина делала вид, что читает учебник. Двадцать минут назад Маша случайно заметила под ее учебником знакомый том, но говорить ничего не стала. В конце концов, Лукьяненко подойдет сейчас девочке больше, чем история СССР.

Сергей не перебивал, не задавал вопросов, не иронизировал, и

благодарная Маша рассказала все подробно и детально.

– Почему ко мне не прибежала? – первое, что спросил Сергей, когда она закончила.

– Я хотела, – сказала Маша честно. – Детей не смогла дома оставить одних. Я ведь думала, что он уже внутри...

– А он был снаружи, – закончил Бабкин. – Ходил, прислушивался... Дождался, когда все вы соберетесь в одной комнате, и решил вас напугать. Одно непонятно – что бы он делал, если бы Костя не отодвинул занавеску.

Маша недоуменно помолчала, потом до нее дошло:

– Подожди, Костя здесь ни при чем! Неужели ты думаешь...

– Да не думаю я! Я вообще не о том! – перебил ее Бабкин, сердясь, что приходится объяснять очевидные вещи. – Пойми, он не мог знать, что вы отодвинете занавеску, – а, значит, у него было несколько идей. Какая-нибудь из них должна была сработать. Меня интересует вопрос: какими были остальные?

Маша вспомнила руку за стеклом и поморщилась.

– Мне сейчас непонятно, с чего мы так перепугались, – призналась она Сергею. – Нет, с Ириной все ясно, она у нас девочка впечатлительная. Димка такой же, если не хуже. Но я-то – взрослая, казалось бы, тетка! Ну ходит дурачок по деревне, руку к окну прижимает... Что страшного? Неприятно, конечно. Надо было выскочить и по шее ему надавать! – азартно прибавила она.

Бабкин, слегка оторопев, смотрел на расхрабrivшуюся Машу. Он не сомневался, что дело гораздо серьезнее, чем кажется ей сейчас, при свете дня. Не потому, что ему подсказывала это интуиция, а потому, что он умел анализировать факты. Один из них говорил, что ничего подобного в деревне на его памяти не случалось, а в сочетании с убийством, произошедшим в доме Егоровых, картинка выстраивалась мрачная и нехорошая.

– Знаешь, Маша, возвращалась бы ты в город, – скрепя сердце произнес Сергей.

Она быстро взглянула на него, и в серых глазах что-то промелькнуло. Он не понял, что.

– Почему? – сухо вато спросила она.

Бабкина нельзя было назвать человеком, чувствительным к сменам женского настроения, но даже он почувствовал в Маше перемену. Только не знал, чем ее объяснить.

– Потому что здесь опасно, – нахмурившись, объяснил он и без того очевидное. – Тебя два раза поджидали, оба раза испугали... Ты хочешь

дождаться третьего?

И снова лицо ее изменилось. Сначала промелькнул страх, который внезапно сменился облегчением.

– Ты хочешь, чтобы мы уехали, не потому, что мы тебе надоели с расследованием? – напрямик спросила Маша, решив не лукавить.

Теперь настала очередь Сергея изумленно смотреть на нее. Надо же было такое придумать!

– Я хочу, чтобы вы уехали, потому что здесь опасно, – повторил он еще раз. – Слушай, не ищи в моих словах скрытого смысла, пожалуйста. Его там нет.

Маша сначала хмыкнула, а потом рассмеялась.

– Ладно, не буду, – согласилась она весело, но через секунду опять помрачнела. – А уехать я не могу. Вероника завтра вернется – как я ее одну оставлю?

– У нее дочь взрослая, – напомнил Бабкин.

– Во-первых, ее взрослая дочь – полуребенок, – покачала головой Маша. – А во-вторых... Помнишь, я тебе говорила, что многое из слов Ледяниной оказывалось потом верным? Так вот, Ирину она называла истеричкой. И, знаешь, она и в самом деле неуравновешенная девочка. Такой типичный подросток, сконцентрированный на себе и своих глубоких переживаниях, которые нам, тупым взрослым, не понять. Есть в ней такая неприятная черта, Ледянина была права.

– Выходит, все, что она говорила, кажется тебе справедливым? – уточнил Сергей.

– Не все. – Маша задумалась, подыскивая точные слова. – Видишь ли, Юлия Михайловна была очень наблюдательной. Безжалостной, но при этом проникательной. Она хорошо знала людей, но каждого человека она лучше всего видела с одной стороны – с темной. Представь астронома с другой планеты, который наблюдает Луну только с той стороны, где нет света.

– Хочешь сказать, Вероникина мать как раз и была таким астрономом?

– Да, примерно. Взять хоть Ирину. Она действительно истерична, и, наверное, у нее будут проблемы с мужчинами.

– Так Ледянина напророчила? – усмехнулся Бабкин, вспомнив, как тетушка сватала ему подрастающую Ирину.

– Да. Она настолько выразительно отчитала Ирину однажды, что мне тоже стало казаться, будто Ирка – всего лишь глупая истеричка, которая любого мужика оттолкнет своим мерзким характером. Понимаешь, какая-то инерция срабатывает: вот Юлия Михайловна сказала что-то, и ты думаешь: «Надо же, и в самом деле так оно и есть!» Находишь в человеке

одно подтверждение ее словам за другим и только спустя некоторое время начинаешь понимать, что в нем есть и другие черты, про которые она не говорила. Может быть, не замечала, а может, не хотела замечать. Знаешь, Ирина ведь очень предана своей семье. Она ранимая девочка, но ведь смогла поддержать Веронику не хуже многих взрослых. Даже, пожалуй, лучше. И о Димке она заботится. Она вообще неплохой человек. Я не сразу это поняла, потому что после слов Юлии Михайловны видела в ней только плохое. Так же, как и в Мите. Помнишь про суслика?

Бабкин кивнул. Конечно, он помнил.

– Интересная особенность, – заметил он. – Сильная личность была ваша Юлия Михайловна.

На крыльце раздалось сопение, послышался стук сброшенного ботинка, и Димка прискакал на веранду на одной ноге. В руке он сжимал доску с непонятными углублениями.

– Вот, посмотрите, – ткнул он доску под нос Бабкину. – Арбалет!

Снаружи послышался возмущенный голос Кости:

– Это не арбалет, а только заготовка! Димка, иди сюда! Дядя Сережа, не смотрите, он еще недоделан!

– Нам прищепка нужна, – доверительно сообщил Бабкину Димка. – И резинка. Мы будем ворон стрелять.

– Нет, не ворон. – Костя появился в дверях. – Будем по мишени стрелять стрелами. Мам, можно?

– Можно, можно, – рассеянно ответила Маша, и тут взгляд ее упал на кроссовки сына. – Костя, почему в обуви на веранду заходишь? Брысь!

Вместо Кости мимо нее за дверь стрелой промчался Димка, вспомнивший про одну обутую ногу. Костя на материнский призыв не обратил особого внимания.

– Сухо же в саду! – оправдался он. – Мам, мне за молоком сегодня нужно идти? – заторопился спросить мальчик, заметив, что она собирается высказать ему все, что думает о чистоте его кроссовок.

– За молоком? – задумалась Маша. – Нет, Костя, наверное, не надо. Там еще осталось в банке.

– Вот и хорошо! – обрадовался Костя. – А то не хотелось идти. Мам, ты нам резинку дашь? Только толстую!

– У меня нет, – огорчилась Маша. – Нужно Веронику дожидаться. Или из твоих трусов вынуть.

– Из трусов не надо, – вмешался Бабкин. – У моей тетушки, Костя, есть черный сундучок, а в нем сто мотков резинок. Заходи, мы с тобой вместе выберем.

– А тетушка разрешит? – настороженно спросил Костя. – Ругаться не будет?

– Тетушки никогда не ругаются на любимых племянников, – усмехнулся Бабкин. – К тому же мы ей не скажем.

Мальчик улыбнулся и уже собирался уходить, но тут Бабкин сосредоточился на том, что только что кольнуло его слабой иголкой.

– Костя, – с легким недоумением спросил он, – ты за молоком к Леснику ходишь?

– К нему, – ответила вместо сына Маша. – А что?

– Степан Андреевич человек незлой, детей любит, – ответил Сергей. – Почему же ты сказал, что не хочешь к нему идти?

Костя задумался, остановившись в дверях. Наконец посмотрел прямо на Бабкина карими глазами, в которых играло солнце, и проговорил с Машиными интонациями:

– Во-первых, он пьяный. Во-вторых, он меня про тетю Веронику расспрашивал. Мне не понравилось.

– О чем расспрашивал? – хором спросили Маша и Сергей.

– Ну, – пожал плечами Костя, – как она себя чувствует... не переживает ли из-за дяди Мити... – Нахмурился и припомнил: – Еще сказал что-то вроде того, что, может, для тети Вероники будет лучше, раз дядю Митю в тюрьму посадили. Кажется, так.

Маша с Бабкиным переглянулись.

– Спасибо, Костя, – кивнул Сергей, и мальчик тут же выскочил за дверь, а секунду спустя его голос уже зазвучал где-то в глубине сада. – Странно, от Лесника я такое не ожидал услышать, – задумчиво проговорил он. «Значит, мальчика расспрашивал про Веронику... Почему же сам не пришел посочувствовать?»

Он поднялся со стула.

– Дойду-ка я до Степана Андреевича, побеседую с ним немного, – сказал Бабкин Маше. – Что-то не нравится мне в его интересе, вот только что – сам не пойму. Сюда бы Макара, он у нас отличается обостренной интуицией.

– Я с тобой пойду, – внезапно решила Маша. – За мальчишками Ирина присмотрит. Ты не возражаешь?

Бабкин не возражал, и пять минут спустя они быстро шли по направлению к дому Лесникова, подгоняемые смутным ощущением, что Степану Андреевичу есть о чем рассказать им.

Лесник промаялся полдня, сам не понимая, отчего. Улегся было в

кровать, но голова оставалась тяжелой, словно колокол, и временами так же гудела, мешая заснуть. Морщась и кряхтя, Степан поднялся, побродил бесцельно по двору, доплелся до пруда за задним двором и полчаса сидел на берегу, наблюдая за водомерками, стремительно скользившими по черной глади. Пруд по краям затянулся ряской, и Лесников решил в ближайшие дни почистить его. «Запустил я все, запустил, – сокрушенно подумал он. – И дом, и огород, и даже Машку с Глашкой. Пасу их кое-как».

У воды ему стало лучше – голова перестала болеть, ушла тошнота. Лесник смотрел на воду, по которой плавали мелкие ярко-зеленые листочки, но видел лицо Вероники – заплаканное, нежное. Вероника грустно смотрела на него большими голубыми глазами, беззвучно шевеля губами. Степан моргнул, и видение исчезло.

«Любит она мужа, – с болезненной откровенностью сказал себе Лесник. – Страдает без него, дураку понятно. Беда, беда... Эх, не по своему хотению нужно поступать, а по совести. Совесть-то осталась у тебя, Степан? – спросил он самого себя. – Или всю пропил? Видать, не всю. А с тобой что делать? – Теперь перед его мысленным взглядом появилось лицо человека, которого он встретил утром возле бани. – Не объяснишь, не уговоришь...»

Сзади послышались шаги, и обернувшийся Лесник увидел человека, о котором только что думал. Встал и шагнул ему навстречу.

– Привет, – сказал подошедший. – Еле нашел тебя. Никак, рыбы решил наловить?

– Вот что я скажу тебе, – начал Степан, пропуская вопрос мимо ушей. – Надо пойти, признаться во всем. Много не дадут, если с повинной прийти, точно говорю.

– С повинной? – переспросил человек, усмехаясь.

Но, увлеченный своими рассуждениями, Степан расценил его усмешку неправильно.

– Да, да! – горячо продолжил он, ухватившись за мысль о повинной. – Повиниться надо обязательно, самому же легче станет, это тебе я, Лесник, говорю! А то, понимаешь, там человек безвинно сидит, а по нему, может, родные плачут... детишки... – Он размышлял вслух, говоря себе все то, что боялся сказать раньше. – Пойдем прямо сейчас, а? – попросил он, боясь, что человек передумает. – Вдвоем-то легче! Все расскажешь, покажешь, а я тебе свидетелем буду.

«Совсем пропил все мозги, – оценил его человек. – Заговаривается, скоро до белой горячки дойдет».

– Вдвоем легче, – вслух сказал он, и Лесник, обрадованный тем, что с

ним так легко согласились, заулыбался. – Твоя правда.

Маша с Сергеем шли все быстрее и быстрее.

– Куда мы так несемся? – наконец, запыхавшись, спросила она. Бабкин замедлил шаг.

– Уже почти пришли, – успокоил он. – Вон за тем оврагом его дом. Надеюсь, Лесник не пошел своих зверей пасти.

По утоптанной тропинке они обогнули овражек и вышли к участку Лесника. Дверь в дом была распахнута настежь, а по двору бродили две козы. У одной из них на шее болталась замусоленная веревка.

– Степан Андреич! – громко позвал Бабкин, заходя во двор.

Козы подозрительно покосились на него и отошли в сторону.

– Тетушка говорит, они умные, как собаки, – сообщил Сергей, поднимаясь на крыльцо и громко стуча по косяку.

– Надеюсь, незваных гостей не кусают? – Маша отодвинулась в сторону, но козы и не собирались подходить. Одна улеглась под кустом полыни, вторая встала возле нее, отвернувшись от Маши и Бабкина. Белый хвостик ее мелко подергивался.

– Нет его, – Сергей вышел из дома. – Очень странно.

– Почему странно?

– Потому что он один почти никуда не ходит, всегда водит коз за собой. Над ним поначалу в деревне смеялись, потом привыкли.

– Может быть, отошел ненадолго? – предположила Маша, обходя двор и обнаруживая за домом сарай.

Дверь в сарай была открыта, изнутри пахло лежалым сеном, землей и навозом. Маша наклонила голову и заглянула внутрь, но в сарае было пусто. Что-то, шурша, метнулось мимо нее к стене, и она чуть не вскрикнула, но вовремя опомнилась. «Мышь!» Мышей Маша не боялась.

– Может, и отошел, – раздался позади нее голос Бабкина, и Маша резко обернулась, чуть не стукнувшись головой об косяк. – Осторожно, не ушибись! – Он положил ладонь ей на голову, защищая от удара. Волосы на ее макушке нагрелись от солнца и были такими теплыми, что от неожиданности Сергей чуть не отдернул руку. Быстро взглянув на него, Маша вынырнула из сарая и прищурилась на козу, по-прежнему игнорировавшую их.

– Куда она смотрит? – вслух подумала Маша, ни капли не интересуясь этим, просто, чтобы сказать что-нибудь.

– Между прочим, на пруд. – Сергей задумался на секунду, потом двинулся в ту сторону, куда смотрела коза.

Маша пошла за ним.

– Считаешь, он к пруду пошел? – негромко спросила она. – Зачем?

– Не знаю, – пожал плечами Бабкин. – Давай проверим на всякий случай.

Тропинка обогнула густой куст шиповника и вывела их к небольшому, почти идеально круглому пруду. «Искусственный», – поняла Маша. Будто отвечая ее мыслям, Сергей негромко бросил через плечо:

– Сам же Степан его и вырыл много лет назад. Чтобы воду для полива брать.

Бабкин остановился, покачал головой:

– Нет его здесь, Маш. Давай возвращаться.

Она молчала сзади, почти уткнувшись носом ему в спину. Он слышал ее дыхание – странно прерывистое, как будто она запыхалась.

– Устала? – Он наконец обернулся и наткнулся на ее взгляд.

Словно застыв, не мигая, Маша без выражения смотрела влево – туда, где на примятой траве около куста боярышника виднелись ноги. Они были босые и грязные. По правой ступне деловито ползал муравей, и Маша непроизвольно задергала ногой, представив, как должно быть щекотно лежащему в кустах человеку с босыми грязными ногами. Она понимала, конечно, что он уже ничего не чувствует, но старалась не пустить эту мысль в свое сознание.

– Стой на месте, – стиснув зубы, приказал Бабкин и, молниеносно оглянувшись, сделал шаг к телу.

Маша не смогла бы двинуться, даже если бы он попросил ее об обратном, поэтому осталась стоять, глядя, как он раздвигает кусты, делает еще один шаг, наклоняется над телом... И только когда Сергей отшатнулся и Маша заметила, как стремительно бледнеет его лицо, она перестала сбрасывать со своей ноги воображаемого муравья, на самом деле ползущего по ступне Лесника. Потому что мысль выразилась простыми, страшными словами.

– Он умер? – без выражения спросила она.

Бабкин помолчал, отвел глаза от того, что лежало в кустах.

– Умер, – хрипловато ответил он.

«Вижу красный путь, – некстати вспомнились ему тетушкины слова. – Не надо бы, тебе, Сережа, никуда ходить». Черт, нагадала тетушка! Вот он, красный путь, – застывает под ногами липкой темно-красной лентой, и на него садятся жирные мухи.

– Пошли вон, – хрипло сказал мухам Сергей и взмахнул рукой. Мухи лениво взлетели.

И вдруг случилось то, чего он никак не ожидал. Маша изменилась в лице и, точно проснувшись, быстро подошла к телу с другой стороны, протягивая руки к веткам боярышника. Сергей предостерегающе вскрикнул, но было поздно – она отодвинула ветки и уставилась на труп.

Сначала Маша не поняла, отчего Бабкин поменялся в лице. Она вообще не поняла, что перед ней. Листья и трава были залиты ярко-красным. На них лежал человек, шея которого странным образом раздваивалась, и там, где должна была быть голова, приоткрывались две половины огромного ореха – волосатые снаружи, с красно-серой мякотью внутри. Внизу из трещины в орехе вываливалось беловатое содержимое вперемешку с какими-то осколками. Широкий красный ручеек вился по шее и исчезал внизу, у Маши под ногами.

Проследив взглядом за дорожкой, Маша уставилась на кончики своих сандалий – легких, с открытым носом, из которых выглядывали пальчики с кокетливым алым лаком. Сглотнув, она смотрела на лак, не отличающийся цветом от ведущей к нему дорожки. Она не успела понять, почему лак из красного стал черным, и только мимолетно удивилась, почему к ней бросается Лесник, а не Сергей – озабоченно глядя на нее голубыми ласковыми глазами, в которых отражаются две козы. Это удивление стало последним, что она успела почувствовать, прежде чем повалилась рядом с телом Лесника на примятые окровавленные ветки.

Глава 15

Опергруппа, присланная из города, работала быстро: дело вырисовывалось нешуточное – два криминальных трупа за неделю в районе, где самым тяжелым преступлением в последние пять лет была бытовуха. Валера с Алексеем отчитывались перед пожилым оперативником, внимательно слушавшим их и кивавшим в такт каждому слову. Алексея такая манера изрядно раздражала, но он понимал, что высказывать недовольство будет не очень уместно.

Новый следователь, молодой и злой, с тонким бледным лицом, сидел на корточках возле трупа, записывая что-то в блокноте, пока тело фотографировали с разных ракурсов.

– Александр Александрович, закончили, – оперативник с фотоаппаратом зачехлял камеру.

Следователь по фамилии Мазаев кивнул и продолжал записывать. Все в прокуратуре знали: несмотря на длинное и неудобопроизносимое имя и фамилию, Александра Александровича не стоит называть Сан Санычем или, еще того хуже, Сашей. Он предпочитал полное имя, и даже большие любители сокращений очень скоро привыкали обращаться к нему так, как того требовал Мазаев.

Факты, которые сообщили Мазаеву, были просты. Сначала в Игошине убили пожилую женщину, мать одной из приезжих дачниц, – задушили подушкой. С подушки исчезла наволочка, которую до сих пор не нашли, и Мазаев был уверен, что и не найдут. Спустя всего четыре дня Лесников Степан Андреевич, житель деревни, также был убит, причем довольно жестоко – его череп раскроили острым орудием, по всей видимости, топором. Орудие убийства найдено пока не было, но оперативники старательно прочесывали лес вокруг дома убитого.

Несмотря на разные способы убийства, у Мазаева имелись все основания считать, что преступником являлся один и тот же человек. Ничем другим объяснить смерть мужика, тихо пьянствовавшего в своем домишке, было нельзя. Собутыльников Лесникова уже успели опросить, поскольку не исключалась банальная версия бытового убийства, но Александр Александрович был уверен, что трое тихих алкашей к преступлению не причастны. Алиби оказалось только у одного из них, но двух других Мазаев почти не принимал в расчет: мотив убийства, по его мнению, вытекал из первого преступления, и заключался в том, что кто-то

убрал свидетеля. Этим «кем-то» могло быть только заинтересованное лицо, то есть либо родственник преступника, убившего Юлию Ледянину, либо, что вероятнее, сам преступник.

Со свидетелями, нашедшими тело, уже побеседовали. Их было двое – мужик лет тридцати пяти, высокий, коротко стриженный, выглядевший довольно крепким, несмотря на склонность к полноте, и молодая рыжеволосая женщина, бледная и растрепанная. Держалась она хорошо, истерик не закатывала, но ничего интересного рассказать не могла: пришла в гости к Лесникову вместе со вторым свидетелем, отправилась на пруд, нашла тело. Никого не видела. При виде трупа потеряла сознание, и пока ее спутник оттаскивал ее в сторону и приводил в чувство, прошло не меньше пятнадцати минут. «Сотовой связи здесь нет, – вспомнил Мазаев, – значит, им пришлось бежать в местный магазин – телефон работает только там, и они пытались дозвониться около десяти минут. Получается, до нашего приезда прошло не меньше двух часов. Плохо, очень плохо».

Правда, с мужиком-свидетелем Мазаеву повезло: тот оказался бывшим оперативником, последнюю неделю наблюдал изнутри деревенскую жизнь и изложил свой взгляд на события, которые совпадали с тем, что предполагал следователь. Никаких ссор и скандалов в Игошине не происходило, а если что-то подобное и происходило, то тщательно скрытое от людских глаз и ушей. Исключением была первая жертва, старательно настраивавшая против себя нескольких жителей. Но их связи с убийством доказать не удалось.

Местный следователь задержал по подозрению в убийстве зятя покойной, у которого, судя по показаниям свидетелей, имелись все основания желать ее смерти. Но второе убийство ставило под сомнение его виновность. Следователь по фамилии Забелин честно признался Мазаеву, что доказательства против Егорова, зятя покойной, слабенькие – показания одного из свидетелей, видевшего подозреваемого рядом с домом в примерное время совершения убийства, да личная неприязнь, про которую знало полдеревни. «Далеко на таких доказательствах не уедешь», – подумал Мазаев, выслушав Бориса Петровича, но согласился, что отпускать Егорова пока рано. Пусть преступник, если это не Егоров, чувствует себя спокойно. Может, наделает больше ошибок.

Мазаев отправил оперов в обход по домам в слабой надежде, что опрос принесет хоть какие-то результаты. Но в глубине души был безмерно раздражен. Вместо того чтобы заниматься в городе расследованием похищения брата известного чиновника, что могло принести ему очевидные дивиденды, он вынужден отправиться в чертову дыру и изучать

причины убийства местного алкаша и бабульки шестидесяти пяти лет от роду! Да кому какая разница, кто и отчего их грохнул! Как будто убитые интересуют кого-то, кроме их соседей и близких родственников...

Впрочем, деваться было некуда. Узнав, что их расселят в райцентровской гостинице, Мазаев окончательно рассвирепел. Райцентр был вшивым городишком, а про гостиницу он наслушался от своего коллеги, которому пришлось пару лет назад работать там в связи с расследованием дела о серийном убийце. Убийца оказался вовсе не серийным, дело – не стоящим выеденного яйца, и в памяти Мазаева отложилось только, как следователь, хохоча и матерясь, описывал порядки гостиницы, в которой ему пришлось останавливаться. «Не могли, что ли, здесь поселить? – подумал Александр Александрович, брезгливо оглядываясь по сторонам. – Договориться с местными, я уверен, не проблема».

Неподалеку противно проблеяла коза, и Мазаев подумал, что, может, все-таки райцентровская гостиница – не худший вариант. Животных он не любил, а рогатых – в особенности.

Маша перерыла весь буфет в доме Егоровых, но искомого предмета не нашла.

– Мам, ты чего? – испуганно спрашивал Костя, ходивший за ней следом, но Маша только отмахивалась от него. – Мам, скажи, что ты ищешь?

Димка сидел в углу, поджав под себя худые коленки и прижимая к груди арбалет, который они с Костей так и не успели доделать. Ирины не было дома: она оставила записку, что поехала на велосипеде в соседнюю деревню – купить тетрадей и карандашей. Маша даже порадовалась, что дочери Егоровых нет и ей не придется говорить девочке о смерти Лесника. «Узнает на обратном пути, – думала она, осматривая холодильник, – обязательно кто-нибудь скажет. Черт возьми!»

Она захлопнула холодильник и некоторое время стояла перед ним, соображая, куда же могла Вероника положить то, что она искала.

– Мам, что случилось? – опять заныл сзади Костя, и Маша резко обернулась.

– Я пойду к соседке, – сказала она. – Костя, не выходи из дома, понятно? Дверь закрой на засов и никому не открывай.

– Зачем к соседке?

Мальчик испугался, но на Машу в ее состоянии не подействовал даже страх сына. Она знала, чувствовала, что ей сейчас нужно.

– Костя, – мягко повторила она, – я все тебе объясню, когда вернусь. Это недолго.

Светлана увидела соседку из окна дома, когда та подходила к калитке, и поспешно вышла наружу. Молодая красивая женщина выглядела странно. На ногах у нее отчего-то были пушистые тапочки, которые нелепо выглядели на траве, рукав майки разорван и перепачкан землей, лицо какое-то диковатое.

– Вы к нам? – дружелюбно спросила Светлана, разглядывая соседку.

– К вам, – кивнула та, проходя по двору. – Скажите, у вас водка есть? А лучше – коньяк.

В доме Царевых оказалось прохладно и темно. Елена Игоревна и Светлана посадили Машу за стол, и пока Светлана неловко мялась, не решаясь спросить, что случилось, Елена Игоревна уже ставила на стол тарелки с мелко порезанными огурчиками, дольками помидоров, посыпанными крупной солью, и свежим хлебом.

– Коньяка нет, – суховато сказала она. – Водка есть.

– Пожалуйста... – попросила Маша, начиная понимать, что чувствуют алкоголики, которым долго не дают спиртного. Ей хотелось выпить. Стопку. А лучше – стакан. Залпом, большими глотками, чтобы горло обожгло изнутри, а из глаз потекли слезы.

– Света, закрой дверь к Егору, – негромко приказала Царева, обращаясь к дочери. – У нас мальчик только что уснул, – объяснила она Маше.

Та вспомнила, как стоявшая перед ней женщина с жестким закрытым лицом разминала икры своему больному внуку, и перед ее глазами опять встали ноги Лесника, торчащие из кустов. Подавив приступ тошноты, она схватила стопку, в которую Елена Игоревна уже успела налить прозрачную булькающую жидкость, и опрокинула в себя.

В первую секунду холодная водка показалась ей водой, но уже в следующую Маша чуть не закашлялась.

– Закусите, закусите, – старшая Царева подвинула к ней блюдо.

Ее дочь по-прежнему сидела неподвижно, с любопытством глядя на Машу, и той пришло в голову, что для Светланы Царевой все происходящее – случай, редко выпадающий в скудной событиями жизни, заполненной только работой и больным ребенком.

– Света, а где вы работаете? – отдышавшись и прожевав огурец, вдруг спросила Маша.

– Я? – удивилась та странному вопросу. – Я – аудитор. А что?

– Да так... – пробормотала Маша и тут представила, как она выглядит со стороны. «Пришла, потребовала водки, чуть не разбудила ребенка, спросила, кем Светлана работает, – в ужасе вспомнила Маша, мысли которой начали приобретать ясность. – Господи, да они меня за сумасшедшую примут!»

– Простите меня, пожалуйста, – сказала она, чувствуя, как краснеет – то ли от водки, то ли от смущения. – Я очень плохо себя чувствовала, а в доме у нас ни капли спиртного.

– Что случилось? – деловито спросила Елена Игоревна. – Мы можем вам помочь?

Маша посмотрела в ее строгие темные глаза и покачала головой.

– Не во мне дело, – она вздохнула и усилием воли заставила себя прогнать вновь всплывающее воспоминание. – В деревне еще одного человека убили. Я видела его тело.

– Убили?! – хором спросили Макар и Дарья Олеговна.

Бабкин опрокинул стопку ледяной водки и выдохнул.

– Топором шандарахнули по затылку, – объяснил он. – Гнусная картина, Макар, скажу я тебе. Причем убили незадолго до того, как мы там появились.

– Мы... – Макар понимающе кивнул. – Где она?

– Домой отправил, еле на ногах стоит. – Бабкин налил вторую стопку и выпил так же быстро, как и первую, не закусывая.

Тетушка Дарья с ошеломленным и перепуганным лицом опустилась на диван рядом с Макаром.

– Господи... – перекрестилась она. – Степан! Да за что же его, а? Хороший ведь человек, хоть и бестолковый! Ой, Степа, Степа...

Она негромко заплакала, и Бабкин, потянувшийся было за бутылкой, чтобы налить третью стопку, остановился. Он второй раз в жизни видел тетушку плачущей. Ему хотелось сказать что-то успокаивающее, но он не знал, как это сделать, и боялся навредить. Макар заметил его умоляющий взгляд, но только покачал головой. Уткнувшись в испачканные землей ладони, тетушка Дарья оплакивала бестолкового, доброго Лесника, которого третьего дня сама отчитывала за пьянство, способное довести его до смерти.

– Кто ж его, а? – Она наконец отняла ладони от заплаканного красного лица, на котором осталась земля.

Бабкин присел перед тетушкой на колени и ласково отер грязь с ее лба.

– Кто-то из своих, – вместо него ответил Макар. – Серега, он высокий?

– Да не очень, – подумав, сказал Бабкин. – Прикидываешь, могла ли женщина ударить?

– Угу. Ладно, что дальше делать будем?

– А что мы можем делать? – пожал плечами Сергей. – Сейчас оперативники начнут носом землю рыть, нам с тобой ничего не светит.

Он поднялся, погладил тетушку по седеющим волосам.

– Теть Даш, я сегодня переночую там, – он махнул рукой в сторону окна. – Макар за тобой присмотрит.

– Я сама за ним присмотрю, – шмыгнула носом тетя Даша. – Иди уж. Ох, Макарушка, какие дела-то у нас творятся, а?! Вот, привез тебя Сережа на отдых! Называется, отдохнули в тихом месте...

Оперативная группа уехала только вечером, пройдя по всем дворам, и на деревню опустилась тяжелая, гнетущая темнота. Во всяком случае, так казалось Маше. После визита к Царевым она пришла в себя и долго извинялась, пока Елена Игоревна не положила потоку ее слов конец, твердо сказав:

– Мария, извиняться не надо. Мы с вами люди православные, всегда друг другу поможем.

Маша не совсем поняла, при чем здесь православие и как Елена Игоревна углядела ее маленький крестик, спрятанный под бельем, но спорить не стала.

– Заходите к нам, – сказала она, обращаясь в основном к Светлане, которую ей почему-то было жаль больше, чем Елену Игоревну, – такая она была тихая, забитая. – Просто так заходите, и Егора... – Маша чуть запнулась, не зная, какое слово подобрать, – приводите.

– Он у нас не говорит совсем, – смущаясь, начала Светлана, но мать перебила ее:

– Сейчас не говорит, завтра заговорит. – Глаза ее стали колючими, и Светлана отвела взгляд. – Не ставь крест на родном ребенке раньше времени.

Маша снова почувствовала себя неловко, поняв, что слышит отголосок давнего спора между женщинами, и, быстро распрощавшись, ушла. А через два часа, после возвращения Ирины, и в самом деле узнавшей о произошедшем от одной из соседок, в окно постучал Бабкин.

Посоветовавшись с Иррой, Маша выделила ему вторую комнату в мансарде. С его прибытием дети оживились, и даже Ирина, казалось, повеселела – впервые после того, как арестовали ее отца. Сергей возился с арбалетом, нарисовал чертеж новой конструкции, и они с Димкой и Костей

долго обсуждали, из чего лучше смастерить стрелы и оперение. В конце концов, когда стрелки на часах подошли к двенадцати, Маша разогнала всех по кроватям, плотно прикрыв окна занавесками, и сама ушла в свою комнату, пожелав Сергею спокойной ночи. Она слышала, как Бабкин некоторое время грузно ходил по комнате – под его тяжестью доски пола скрипели. Потом наступила тишина, и дом погрузился в сон.

Макар проснулся оттого, что на лицо ему сел комар. Попытавшись спросонья прикончить насекомое, он хлопнул себя по носу и открыл глаза. Вокруг стоял сумрак, и в этом сумраке белела оконная занавеска, которую колыхал ночной ветерок.

Илюшин залез под одеяло, поверочался, но уснуть не получилось – мешал сквозняк, холодный и неприятный. «Теплые ночи, теплые ночи... – передразнил Макар тетушку Дарью. – Придется окно закрывать. Надеюсь, меня никто не вздумает огреть топором по затылку. То-то Дарья Олеговна расстроится».

Выпрыгнув из-под одеяла, Макар накинул рубашку и босиком прошел по дому. Из соседней комнаты доносились храп и посвистывание – тетушка Дарья, заплакавшись, быстро заснула, но спала беспокойно, ворочаясь и всхлипывая во сне. Макар отодвинул щеколду и вышел на крыльцо.

Ночной воздух был свежим и чистым. Стрекотали кузнечики, а над коньком крыши висела луна, которой не хватало всего чуть-чуть до ровного круга. «Не похоже на сыр, – решил Макар, засовывая ноги в шлепанцы, спускаясь вниз с крыльца и обходя дом. – Похоже на выщербленную монету». Он остановился возле своего окна и закрыл створку.

Позже он и сам не мог объяснить Бабкину, что заставило его среди ночи отправиться на огород тетушки Дарьи вместо того, чтобы вернуться в дом. Ночь была тихая, светлая, и никаких подозрительных звуков Макар не слышал. Но, дойдя до крыльца, он постоял немного, глядя на темные дома на другой стороне улицы, развернулся и, бесшумно ступая по мокрой земле, пошел по тропинке к грядкам тетушки Дарьи.

Дойдя до середины огорода, Илюшин остановился. Лет пять назад в такой же ситуации он задал бы себе незамысловатый вопрос: «Какого черта я сюда приперся?», но не теперь. Макар давно научился доверять своей интуиции и следовать странным, необъяснимым желаниям – например, побродить ночью среди грядок морковки и свеклы. Поэтому он наклонился, сорвал какую-то веточку, оказавшуюся молодым укропом, и начал ее жевать, разглядывая соседские огороды.

Долго ждать ему не пришлось. Прошло около двух минут, и Илюшин

заметил женскую фигуру, быстро идущую в темноте по участку двух милейших стариков, обитавших по соседству. Старушку, кажется, звали Липой, припомнил Макар. Что-то Бабкин говорил ему про нее... Точно, в ее бане случилось что-то непонятное, когда там была Серегина красавица.

Насторожившись, Макар сделал несколько шагов вперед, не выпуская из виду фигуру. На короткое время та скрылась в зарослях высокой травы, но спустя полминуты снова вынырнула у постройки, хорошо знакомой Илюшину, – у той старой покосившейся бани, стоявшей в самом конце участка, почти у кромки леса.

«Вечер перестает быть томным, – подумал он, осторожно продвигаясь по тропинке в сторону бани. – Что здесь происходит? Кто-то решил помыться в третьем часу ночи?» Он не спускал глаз с бани и поэтому не заметил кочку у себя под ногами. Споткнувшись, Макар упал на тропинку, чуть не выколов глаз какой-то колючей веткой. Чертыхнувшись себе под нос, он поднялся, чувствуя, что колени испачкались влажной холодной землей, и тут заметил на тропинке второго человека. Тот двигался медленнее, осторожнее, но, вне всякого сомнения, шел вслед за первым.

Макар не был трусом, но, вспомнив лицо Бабкина, рассказывавшего ему про труп Лесника, подумал, не поднять ли ему шум на все спящее Игошино вместо того, чтобы выяснять, кто собирается в баньке по ночам. Но, поразмыслив, решил, что на его стороне внезапность, и быстрыми кошачьими шагами отправился в ту сторону, где исчезла вторая фигура.

Мокрая трава промочила рубашку за две секунды, и Макар продрог. «Дженни вымокла до нитки, идя через рожь. Промочила все юбочки, бьет девчонку дрожь...» – некстати всплыли строчки старого английского стишка, который он знал наизусть в детстве. Баня была все ближе, и Макар ускорил шаг, продираясь сквозь заросли и стараясь не слишком шуметь. Что-то обожгло правую ногу, рубашка вымокла окончательно, но Илюшин перестал обращать на внешние раздражители внимание, подгоняемый отвратительным предчувствием: сейчас он наткнется в бане на труп. Третья насильственная смерть в Игошине... «Что тебя, милая, понесло ночью в баню? – мысленно обратился он к неизвестной женщине, уже несколько минут как зашедшей внутрь. – Кто ты такая, раз не боишься после двух убийств ходить по огородам в темноте?» До бани, черневшей впереди, оставалось не больше двадцати шагов, когда изнутри раздался тихий, еле слышный стон.

«Опоздал!» – похолодев, понял Макар. В пять прыжков он преодолел расстояние до бани, потянул на себя дверь, приготовившись драться и кричать изо всех сил, и застыл на пороге.

Женщина стояла к нему спиной, упираясь руками в стену, глубоко прогнувшись. По белой спине разметались длинные черные волосы. Она была обнажена, и одежда темной кучей валялась под ее ногами. Женщина негромко постанывала в такт движениям мужчины, руки которого, лежащие на ее теле, почти сливались с ним в темноте. Мужик стоял в одних приспущенных штанах, и на его крепком плече выделялся в слабом лунном свете короткий глубокий шрам.

Задержав взгляд на этом шраме, Илюшин бесшумно отступил назад и прикрыл дверь. Она негромко скрипнула, но двое в бане, увлеченные своим делом, не услышали ничего. Женщина продолжала тихо стонать, и ее стоны доносились до Макара, пока он пробирался через траву тем же путем, каким пришел, и обжигаясь об ту же крапиву.

«И какая нам забота, если у межи целовался с кем-то кто-то вечером во ржи?» – продолжал цитату Макар, топая по тропинке обратно к дому и на ходу срывая укроп в знакомом месте, там, где начинались свекольные грядки. – Я, конечно, балбес. Нужно было прислушиваться к собственному внутреннему голосу, когда пришел в голову этот стишок. Не зря же вспомнился именно он, а не какой-нибудь: «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца!» Внимательнее нужно быть к себе, господин Илюшин, внимательнее».

Макар остановился, не доходя до порога, и обернулся к бане, еле различимой отсюда. Внезапно возник вопрос, на который он пока не видел ответа: зачем любовникам понадобилось идти в чужую баню? Допустим, в доме те двое по каким-то причинам потрахаться не могут – например, родни много, стесняются. Ну так ведь почти на каждом участке стоит своя собственная банька. Пожалуй, он поторопился вернуться...

Илюшин развернулся и в третий раз пошел по тропинке. Очередную пахучую веточку он сорвал уже не глядя, уверенный, что теперь смог бы найти чертов укроп даже в кромешной тьме. До бани Макар доходить не стал, а выбрал местечко, где трава была пониже и не такой густой, и присел на корточки.

Сидеть было неудобно, но долго страдать не пришлось: минут через пять раздался тихий скрип двери, и, к его удивлению, вышла женщина, оставив спутника внутри, хотя Макар был уверен, что любовники вернутся вдвоем. Женщина удалялась все дальше от бани, а мужчина вроде и не собирался появляться. «Ладно, ограничимся дамой», – мысленно пожал плечами Илюшин и чуть приподнялся над травой.

Теперь он боялся только одного: что при свете луны его будет видно так же хорошо, как и женщину, и та поднимет крик. Но женщина торопливо

шла, глядя себе под ноги, и Макар успел рассмотреть ее лицо сбоку, прежде чем она скрылась за кустами. Он уже видел это лицо и сейчас пытался припомнить где. Илюшин подождал еще немного. Мужчина все не выходил, и в конце концов Макар, плюнув на конспирацию, поднялся во весь рост и отправился обратно. «Если знаешь одного, знаешь и второго, – сказал он себе, решив утром выяснить имя дамочки, предающейся страсти по чужим баням. – Одно мне не нравится во всех этих ночных похождениях: слишком активно местный народ использует собственность старушки Липы. Что-то здесь не совсем чисто».

Он дошел до крыльца, с тоской поглядел на свои грязные колени и пошел к рукомойнику – отмываться холодной водой.

Глава 16

Утром на правой ноге Макар обнаружил семейство красных волдырей. Волдыри чесались, и пришлось просить у Дарьи Олеговны мазь, а затем выслушивать ее охи и ахи.

– Где ж тебя так угораздило, Макарушка? – Тетушка Бабкина привыкла называть Илюшина именно так, поскольку он вызывал у нее материнский инстинкт. «Худой, молодой, некормленный... Одно слово – неженатый. Хотя в наше время девушки пошли корыстные, сложно хорошую жену найти».

– Где-то в крапиву наступил, – Макар почти не погрешил против истины. – Дарья Олеговна, скажите, в каком доме живет молодая женщина – не очень высокая, с длинными черными волосами?

Дарья Олеговна задумалась, перебирая в уме соседей.

– Вроде у нас таких и нету, чтобы и с длинными, и с черными. Есть Ленка Антипова, у нее не волосы, а длиннющий конский хвост, и как раз черный. Только тебе она не подойдет.

– Почему? – спросил Макар, услышав в голосе тетушки Бабкина иронию.

– Потому что ей в прошлом году шестьдесят стукнуло, – ехидно ухмыльнулась Дарья Олеговна. – Старовата она для тебя будет. Хотя Ленка до сих пор молодится, – волосы красит, без помады до магазина не дойдет. Кокетка, одним словом.

Макар рассмеялся и покачал головой.

– Кокетка не нужна, – сказал он, ожесточенно расчесывая ногу. «Черт, неужели придется самому дворы обходить?» И тут до Илюшина дошло.

– Подождите-ка, Дарья Олеговна, – окликнул он женщину, уже выходящую из комнаты. Черными-то волосы казались ему в темноте... – А не с черными? С обычными длинными волосами?

– Ах, шатенка! – воскликнула Дарья Олеговна. – Так бы сразу и сказал. Есть такая, есть. Только она замужем.

Макар притворно вздохнул и стер воображаемую слезу со щеки.

– Кто счастливчик? – голосом, полным страдания, осведомился он.

– Да ты того счастливчика, может, и видел, – улыбнулась его пантомиме тетушка. – Дом у него напротив нашего, наискосок. Точнее сказать, не его дом, а отца, но летом они там всем семейством живут. Балукovy их фамилия. А жену его зовут Катерина.

Макар задумался. Поднял на тетушку серьезный взгляд и без всяких

шуток попросил:

– Познакомить можете, Дарья Олеговна?

– Могу. – Она и не удивилась его просьбе. – Повод только надо хороший придумать. Знаешь, а давай им огурчиков отнесем, а? Огурцов у меня нынче много, грех не поделиться. Ты pomoжешь корзинку донести, вот и познакомишься.

По дороге, волоча корзину с отборными пупырчатыми огурцами, наспех сорванными в душной теплице, Илюшин спросил вполголоса:

– Дарья Олеговна, а что вы сами о Балуковых думаете?

– Славная семья, – не задумываясь, ответила тетушка Бабкина. – Работящие, все держатся друг друга, всегда у них спокойно, никаких пьянок-ругани нет. Отец, конечно, строгий, семью в ежовых рукавицах держит. Катерина уже троих детей родила, а это по нашим временам, сам знаешь, редкость. Младшая девочка совсем маленькая, годика четыре, средней, кажись, пятнадцать или меньше, а старшему парню восемнадцать. Хорошая семья, сам увидишь. Побольше бы таких.

Они подошли к широким крепким воротам, плотно прикрытым. «Так я же здесь был! – вспомнил Макар. – За забором...»

– Галина! – завопила Дарья Олеговна так, что Макара на секунду оглушило. – Гали-ина! Открывай!

Во дворе раздался собачий лай, но на собаку тут же цыкнули, и она замолчала. Маленькая калитка слева от ворот распахнулась, высокий худой парень с хмурым лицом пропустил их внутрь. Толстая неповоротливая Галина спускалась с крыльца, держа за руку лохматую симпатичную девчонку.

Пока Дарья Олеговна передавала свое подношение, Макар незаметно оглядывался вокруг, не забывая обаятельно улыбаться хозяйке дома.

– Катерина, смотри, сколько нам принесли на засолку... – позвала Галина, и из двери вышла женщина, которую Макар уже видел раньше, – она скандалила с полной неряшливой девчонкой, угрожая ей пощечиной. «Я смотрю, ты, Оля, распоясалась», – вспомнил ее слова Макар, обладавший превосходной памятью.

«Вот кого, значит, я видел в бане...» Он чуть удивленно присматривался к Катерине, потому что тихая, очень молодо выглядящая для своих лет женщина со скромно опущенными глазами была совершенно непохожа на ту, стонущую... «Чему удивляешься? – спросил Илюшин сам себя. – В тихом омуте черти водятся, давно известно. И все-таки, зачем же они с мужем чужую баню не по назначению используют?»

– А, Дарья пришла! – раздался уверенный мужской голос. – С чем

пожаловала?

Макар обернулся. Из сада к ним шел высокий седоусый мужик, широкоплечий и загорелый дочерна, как ни странно, между ним и старшим внуком было сильное сходство, но у сына Катерины лицо было вытянутое, безвольное, а у деда – скуластое, запоминающееся.

– Огурцами пришла угостить, – ответила Дарья Олеговна. – Уродилось столько, что мы и втроем съесть не сможем. Подсоби, Алексей Георгиевич!

– Горькие, поди, приволокла... – усмехнулся хозяин. – Шучу, шучу! Спасибо, Олеговна. А это кто с тобой? – он обернулся к Илюшину.

– Сергея моего друг, – ответила тетушка. – Макаром зовут. Первый раз ко мне в гости приехал.

– Ну что, Макар, нравится тебе у нас? – спросил старший Балуков, размахисто обводя широкой ладонью окрестности, словно вся деревня была в его собственности. – Лес особенно хорош – чистый, светлый. Красота! Не то что у вас, городских.

Он повернулся спиной к Макару, приглядываясь к лесу.

– Да-да. У городских, именно... – невпопад ответил Илюшин и поймал недоуменный взгляд Дарьи Олеговны. Но ему было не до нее. На правом плече хозяина дома белел короткий шрам, очень хорошо знакомый Илюшину. «Хорошая семья, сам увидишь, – вспомнились Макару слова Дарьи Олеговны. – Побольше бы таких».

На завтрак Маша испекла целую гору сырников, но их все равно оказалось мало, и пришлось печь дополнительную порцию. Первую Сергей умял в один присест и вопросительно посмотрел на Машу.

– Что, не хватило? – растерянно спросила Маша, совершенно отвыкшая от таких appetitов. – Ладно, подождите десять минут.

Она провозилась не десять минут, а все тридцать, зато в конце концов весь стол был уставлен тарелками со сладкими сырниками. Димка перемазался вареньем, Костя сметаной. Ирина осуждающе смотрела на них и делала замечания, пока Бабкин втихомолку уплетал свою порцию.

– Вкусно, – промычал он с набитым ртом. – Давно не ел сырников.

Наконец и выбившаяся из сил Маша собралась сесть за стол. Машинально она глянула мельком в окно и сообщила:

– Кажется, к нам Макар идет, – сказала она.

Но человек, шедший по дороге, вовсе не собирался заходить к ним – он направлялся к магазину.

Бабкин привстал и тоже посмотрел в окно.

– Это не Макар. – Он вернулся обратно и принялся купать в сметане

очередной сырник. – Это студентик, который тут дачу снял на лето. Похож на Макара, но только отдаленно.

– А я его знаю, – внезапно сказала Ирина, подошедшая к окну. – Дядя Сережа, я его знаю! Он к нам приходил!

– Когда? – удивилась Маша.

– После того, как папу арестовали. – В голосе Ирины слышалось возбуждение, и Бабкин отпустил свой сырник, глядя на покрасневшую девочку. – Он очень странный... мы с ним чуть не подрались.

И она рассказала изумленным Маше и Сергею подробности визита Копушина.

– Почему же ты нам ничего не сказала? – возмутилась Маша. – Мы бы с ним поговорили!

– Мне самой было неловко, тетя Маша, – призналась Ира. – Я на него так набросилась... Прямо хотелось ему лицо расцарапать, честное слово! А потом подошел Степан Андреевич и порвал ему футболку.

– Степан Андреевич? – переспросил внимательно слушавший Бабкин. – Лесник?

– Да, Лесник. Он его прогнал и велел ко мне и к маме больше не подходить.

– А что этот... Раскольников?

– Раскольников? – Глаза Ирины расширились. – Ничего себе фамилия! Он... в общем, он ушел. Когда Степан Андреевич разорвал ему футболку, у него лицо стало белое, такое, как будто он его застрелить был готов, только ему пистолета не хватало. Ой... – Девочка перевела беспомощный взгляд на Машу. – Тетя Маша, ведь Лесника...

– Понятно, – торопливо сказал Бабкин и снова подошел к окну, наблюдая за студентом, возвращающимся из магазина. – Вон он идет, наш красавец.

– Сразу видно, что приезжий, – пренебрежительно заметил Костя.

– Почему?

– Потому что все местные знают, что магазин раньше двенадцати не откроется. Если продавщица проспится к тому времени. А если не проспится – то в обед.

Маша только собиралась спросить, откуда у ее сына такая осведомленность, как Бабкин пошел к двери, утирая на ходу губы полотенцем.

– Спасибо за завтрак, – быстро сказал он. – Господин Раскольников решил прогуляться, а я хочу составить ему компанию. Не стоит упускать такой прекрасный случай.

И торопливо вышел, оставив последний сырник плавающим в тарелке со сметаной.

Сергей прошел несколько шагов, но тут калитка соседнего дома отворилась, и оттуда вышел Макар.

– Здорово! – Бабкин увлек его за собой, не спуская глаз с фигуры студента, завернувшего в прогон. – Пошли, дело есть.

– Как спалось? – осведомился Макар. – Я провел незабываемую ночь, шарахаясь по огородам.

И в ответ на безмолвный вопрос в глазах напарника Илюшин коротко рассказал, как выслеживал ночью убийцу, а наткнулся на любовников.

– Это противно, но не противозаконно, – закончил он. – А теперь признавайся, куда мы идем.

В двух словах Сергей повторил ему рассказ Ирины и остановился. Они уже вышли за деревню и теперь стояли на проселочной дороге, от которой чуть дальше ответвлялась тропинка, ведущая на озеро. На нее-то и свернул тот, кого они преследовали.

– Макар, подожди... – Бабкин помотал головой, словно прогоняя сон. – На хрена мы за ним пошли, а? Что-то я со всеми этими убийствами совсем стал плох на голову. Идет себе чувак на озеро, а мы с тобой за ним, как дети. Пошли обратно.

И он сделал шаг назад, но Макар удержал его, нахмурившись и напряженно обдумывая что-то.

– Нет, давай все-таки еще пройдемся. День хороший, птички поют... Я, правда, не завтракал, но с помощью твоей тети компенсирую обедом. А также полдником и ужином.

– Зачем, Макар? – Бабкин стоял на месте, непонимающе глядя на него. – Ну ладно, я сглупил, так зачем продолжать глупость?

Но Илюшин уже шагал по дороге, высматривая Раскольникову, успевшего скрыться вдали. Бабкин тяжело вздохнул и пошел за ним, жалея, что с утра надел штаны, а не шорты. День становился жарким.

Родион Копушин торопливо шел по тропинке, иногда сбивая ладонью кузнечиков с цветов. Шмелей и пчел не трогал, потому что кусачих насекомых он панически боялся. Ему вообще не нравилось идти по полю, но деваться было некуда – место он выбирал сам, и выбирал тщательно. Правда, один раз ему все равно не повезло – его заметили двое приезжих, но тогда он выкрутился. Второй раз ошибку допустить нельзя, тем более что в деревне постоянно крутятся новые оперативники, присланные в дополнение к старым.

«Идиоты! – фыркнул Родион. – В малюсенькой деревне не могут найти убийцу».

Он вспомнил про мужика, которого арестовали после его показаний, и неприятная мысль кольнула Копушина: после второго убийства арестованного могут и отпустить. Кто знает, что придет в голову придуркам, ведущим расследование. Если бы Родион мог, то сделал бы все, что только зависело от него, чтобы отец маленькой дряни, посмеившей ударить его, оставался за решеткой. Он помнил ее лицо – жалкое, растерянное, когда он с таким удовольствием смеялся над ней. О том, что потом пришел Лесник и что тот сделал, Копушин предпочитал не вспоминать, хотя глубокое, радостное удовлетворение поднималось в нем при одной только мысли: его обидчик лежит сейчас в морге с расколотым черепом, и патологоанатом вырезает из него печенку.

Насчет вырезания печенки Копушин придумал сам, поскольку понятия не имел, что именно делает с трупом патологоанатом. Но деталь пришлась ему по вкусу. «Надо бы запомнить, – сказал он себе. – Потом пригодится».

Впереди показалось раскидистое дерево, и Родион остановился, приглядываясь. Затем свернул с тропы и пошел по полю, раздвигая руками цветы и колоски.

– Куда это он? – удивился Бабкин.

Они провожали взглядом студента, приближающегося к липе. У Макара мелькнуло нехорошее подозрение, но он прогнал его от себя.

– Меду решил набрать, – отозвался он. – Может, там улей в дупле? Кстати, а он не сказал нам, где учится?

– Не-а. Зачем тебе?

– Так, – неопределенно ответил Макар, – просто подумалось. Знаешь, Серега, пойдём-ка за ним. Есть у меня одно гаденькое предчувствие...

Бабкин только хмыкнул в ответ. Если Илюшин говорил, что у него есть предчувствие, то в девяти случаях из десяти оно оправдывалось. Ему самому казалось, что, как и в прошлый раз, они наткнутся на студента, валяющегося на травке и с удовольствием посмеивающегося над ними. Дураком Бабкину выглядеть не хотелось, но спорить с Макаром было бесполезно.

Утирая со лба пот, он поплелся за другом, опередившим его на десять шагов. Макар шагал по полю легко и непринужденно, как по пешеходной улице. «Словно тренировался», – пыхтя, подумал Бабкин. По спине стекали ручейки пота, и он с вожделием предвкушал, как окажется в прохладной тени дерева, раскинувшего зеленые ветви над травой. «Фиг с ним, со

студентом, – решил Сергей. – Пусть смеется. Лишь бы дойти скорее».

Под деревом стояла летняя полуденная тишина, нарушаемая жужжанием пчел и какими-то странными звуками, которые Бабкин никак не мог идентифицировать. Кто-то не то негромко напевал, не то речитативом произносил что-то вполголоса. Голос казался детским, и Сергей даже помотал головой в недоумении: они же видели одного Раскольниковова, откуда взялся ребенок? И почему не видно самого студента?

Впрочем, через пять шагов, когда они вышли из колосьев и вступили в тенистый круг под деревом, все вопросы Бабкина разрешились, и он и в самом деле почувствовал себя дураком, только по совершенно другой причине.

– Действительно, гадость, – брезгливо сказал Макар вслух. – Как я и предполагал.

От звука его голоса Родион Копушин дернулся и вскочил, торопливо застегивая шорты. Он с ненавистью смотрел на Сергея и Илюшина, пытаясь отдышаться. Бабкин поднял цветастую тряпку, валявшуюся у него под ногами, и бросил девчонке, стараясь не глядеть на ее голое рыхлое тело.

– Оденься, – посоветовал он. – И проваливай.

Та проворно схватила свои вещи, нырнула в траву и появилась оттуда спустя десять секунд, успев натянуть дешевое обтягивающее платье-сарафан. Бочком обойдя молчащих Родиона, Сергея и Макара, она бросилась бежать к тропинке.

– Я не понял! – с вызовом заявил Копушин, успевший прийти в себя. – У вас проблемы, что ли? Вы явные вуайеристы или скрытые извращенцы? Предупреждаю сразу: с вами я трахаться не буду и не надеюсь.

– Дарья Олеговна, кажется, упоминала, что девочке четырнадцать лет, – заметил Макар, игнорируя Копушина и обращаясь только к Сергею. На лице у того было написано неприкрытое отвращение.

– А не твое дело, сколько ей лет! – злобно ощерился Родион.

– Совращение малолетних, – констатировал Илюшин, провожая взглядом девчонку. – Хорошо, что до правоохранительных органов не придется далеко идти. Скажи мне, Сережа, – вкрадчиво продолжал он, – здесь всегда творится такой разврат или исключительно в честь моего приезда?

Тот молчал.

– Ага, я понял! – На лице Копушина появилась торжествующая ухмылка, он заложил руки за спину и неторопливо пошел вокруг неподвижно стоявших Бабкина и Илюшина. – Убираете конкурента, да?

Сами хотите развлечься с девочкой? Облом, дорогие друзья, кому попало она не дает.

Копушин был уверен, что бить его не станут, а потому можно поразвлечься иным способом, раз уж не удалось сделать с Ольгой. В глубине души он был в дикой ярости и хотел сорвать ее на мужиках. «Младший драться не умеет, – сообразил Родион. – А если попробует, перевес будет не на его стороне. А здоровяк и близко ко мне не подойдет».

Уверенность Копушина относительно Бабкина происходила из его знания людей. Родион не раз видел таких крупных, больших, уверенных в себе мужиков. У всех у них был странный бзик по поводу того, что нельзя бить слабых. По сравнению со здоровяком Родион, конечно же, был слабее, а значит, кодекс чести слабоумного силача не позволит ему и пальцем тронуть Копушина.

– А тебе она и вовсе ни к чему, – довольно ухмыльнулся он в лицо Бабкину, остановившись перед ним. – Ты ее раздавишь, миляга. Разве что...

Договорить ему не удалось. Неожиданный удар отбросил его к дереву. Родион врезался в ствол спиной, и послышался негромкий короткий хруст. Со страху ему показалось, что у него сломался позвоночник.

– А-а-а... – простонал он, съехав на землю, и обмяк. На скуле у него стремительно наливался бордовым след от кулака Бабкина.

– Что это хрустело? – подозрительно спросил Макар. – Серега, ты его убил? – без малейшего сожаления в голосе предположил он.

– Щас, – злобно ответил Бабкин, подходя к Копушину и пиная его ногой.

Родион слабо дернулся, но глаз не открыл.

Сергей поднял с земли сухую ветку, обломившуюся при ударе Копушина о ствол где-то наверху. Рассмотрел ее, швырнул сучок на Родиона и потопал обратно к полю.

Макар догнал его, когда Бабкин был уже на полпути к тропинке.

– Значит, тихое, спокойное место... – ядовито начал он.

Бабкин хотел что-то сказать, но вспомнил свисающую жирную грудь девочки, обгоревшую сверху от солнца, и проглотил все возражения.

– Ты куда меня привез?! – не выдержал Макар. – За последние сутки я только и делаю, что наблюдаю за безнравственными или незаконными совокуплениями! Нет, ты скажи, Сергей, – спросил он спину Бабкина, – таковы нынче сельские нравы? И ты решил меня, невинного горожанина, приобщить к деревенской культуре, да?

– Иди к черту, – кратко ответил Бабкин. – Я сам ничего не знал.

– Неужели? – саркастически осведомился Макар. – Скажи честно, какие еще сюрпризы готовит мне твое Игошино, кроме двух трупов, растления малолетних и тайных связей в чужих банях? Парочка утопленников, которые выплывут в бочке тихой старушки? Захоронения в подполе магазина? Серега, ты не молчи, хоть словечком намекни, какие очередные потрясения ждут меня в этом, как ты выразился, тихом, спокойном месте!

И поскольку Бабкин продолжал молчать, разошедшийся Макар добавил:

– А для полноты картины милые голубки Иван Петрович и его супруга Липа Сергеевна должны быть замешаны во всех злодеяниях, потому что слишком уж они невинны для такого дьявольского места, как твое Игошино!

Бабкин резко остановился, и Макар уперся ему в спину. Сергей обернулся и наткнулся на ту же мысль в глазах Илюшина, что появилась и у него самого.

– Ключ от бани, – медленно проговорил Макар.

– Никто из деревенских не оставляет баню открытой на ночь, – подтвердил Бабкин. – Получается...

– Получается, что неплохо бы навести справки о милых старичках, которые пускают в свою баню всех желающих помыться, а заодно предаться менее невинным занятиям. Может, конечно, за этим ничего особенного и не стоит, но лучше перепроверить.

– А для начала у меня есть еще один кандидат на проверку, – дополнил Сергей, снова направляясь к деревне. – Надеюсь, он не скоро придет в себя. Пададь!

Глава 17

Дом студента Родиона стоял напротив прогона – небольшой покосившийся домишко, стены которого были выкрашены ярким оранжевым цветом – словно для того, чтобы скрыть следы разрушения. Не сговариваясь, Макар и Сергей прошли мимо дома и свернули за забор. Ближайший лаз обнаружился почти сразу – доски забора прогнили, и Бабкину не составило никакого труда оторвать одну из них.

– Вот как запалят нас оперативники... – прошептал он Макару, пролезая в дыру. – Тут-то мы с тобой и повеселимся от души!

Макар несильно подтолкнул его, потому что у него самого бродили в голове похожие мысли, и стоять тут, у чужого забора, дожидаясь случайного любопытного прохожего, было неразумно. Быстро юркнув в щель следом за Бабкиным, он выпрямился и огляделся. Двор как двор, в меру заросший и запущенный. Возле крыльца – ведро с водой, четыре пары одинаковых калош и веник.

– Думаешь, он дверь открытой держит, специально к нашему приходу? – негромко поинтересовался Макар и поднялся на крыльцо.

Дверь оказалась заперта.

– Не держит, конечно. – Голос Бабкина глухо раздавался откуда-то из-под крыльца.

Макар перегнулся через перила и посмотрел вниз. Сергей просунул голову в кошачий лаз под крыльцом, и вид его оставшейся на обозрение части тела был настолько уморительным, что Макар с трудом сдержал детское желание дать напарнику хорошего пинка под зад, обтянутый штанами. Наконец Бабкин вылез наружу и разочарованно сообщил:

– Нету. Понимаешь, местные часто приколачивают там гвоздик, – объяснил он Макару, – и вешают туда ключи. Так вот, гвоздик есть, ключей нет. Наверное, с собой унес.

– Расскажи мне, пожалуйста, еще про привычки аборигенов, – попросил Илюшин. – Может быть, я исследование напишу. Вот только тему пока не сформулировал точно...

Он оглядел двор, наклонился, пошарил рукой в правой калоше и спокойно достал оттуда два ключа на металлическом колечке. Бабкин смотрел на него с видом ребенка, которому показали хитрый фокус.

– Аплодисменты излишни, – поклонился Макар. – Всего-навсего многолетняя практика по припрятыванию ключей в ботинки – и никакого

мошенничества! Пошли внутрь, исследуем жилище нашего поганца.

– Может, на топор наткнемся, – мечтательно представил Бабкин, проходя следом за Илюшиным в прохладный дом.

В домике, который неизвестная Бабкину и Илюшину старушка сдала студенту Родиону, была только одна комната, не считая крохотной кухни в пристройке, и при первом взгляде на спартанскую обстановку становилось понятно, что топора здесь нет. Сергей все же заглянул под узкую деревянную кровать, но нашел там лишь залежи пыли и старые тапочки.

Макар подошел к столу и наклонился над листами бумаги, исписанными мелкими, но разборчивыми буквами.

– Серега, здесь кое-что любопытное, – позвал он, прочитав первый абзац.

Бабкин подошел к нему и взял в руки верхний лист.

«Взгляд Оксаны был полон неизбежной ярости, – прочитал он вслух, – и слова, которые она бросала своему мучителю, были словами гнева и отчаяния. Ее заостренное, словно кинжал, лицо побледнело, а на шее бешено пульсировала голубая жилка. Владимир, глядя на жилку, испытал состояние, близкое к упоению. Как хотелось ему сжать ее белоснежную лебединую шею! Но он стиснул зубы и остался стоять недвижим, зная, что его час пока не пробил...»

– С образованием нашего распутного знакомого ситуация прояснилась. – Макар, усмехаясь, пробежал глазами остальные листки. – Филфак, я полагаю. Юноша либо будущий журналист, либо плодовитый писатель.

– Графоман, – пробурчал Сергей. – «Заостренное, словно кинжал, лицо»! Бездарь.

– Зато какие убедительные детали, – возразил Илюшин. – Взять хоть голубую жилку... Кстати, у меня есть одна догадка. Чуют мое пронизательное сердце и не менее пронизательный мозг, что девочки Иры Егоровой наш Родион домогался именно потому, что ему нужны реальные детали. Он их черпает из жизни. Провоцирует ситуацию, наблюдает, потом записывает впечатления. Не самый плохой способ, между прочим.

– Я бы за этот способ яйца ему оторвал, – мрачно сказал Бабкин. – И за кое-что другое тоже.

– Как бы там ни было, на господина Раскольниковца, или какая там у него на самом деле фамилия, как на преступника ничто не указывает, – подытожил Илюшин. – Поэтому я предлагаю покинуть жилище. И поскорее, потому что с минуты на минуту может вернуться хозяин.

– Погоди, – нахмурился Сергей. – Давай хоть узнаем, как его

настоящая фамилия, раз больше ничего не выяснили.

Он порылся в спортивной сумке, стоявшей под стулом у кровати, и вытащил из кармашка паспорт.

– «Родион Евгеньевич Копушин», – хором прочитали они с Макаром.

– Не нравится, значит, господину Копушину его фамилия... – Сергей закрыл паспорт и спрятал в сумку.

– Или по какой-то неизвестной нам причине фамилия Раскольников кажется ему более подходящей, – уточнил Макар. – Интересно было бы знать, по какой.

Друзья закрыли за собой дверь, аккуратно пристроили ключи в ту же калошу и вылезли через дыру.

– Ну что, пойдём к тетушке, – вздохнул Макар, предвкушая обильный обед, которым его будут потчевать. – Заодно обсудим, какие факты у нас имеются на данный момент.

Следователь Мазаев с тоской посмотрел на лежащее перед ним заключение эксперта – оно не привнесло в расследование ничего нового. Невыясненным оставался весьма существенный вопрос – могла ли женщина нанести Лесникову такой сильный удар топором, что череп жертвы почти раскололся пополам? Если бы ответ был отрицательным, то количество возможных кандидатов на роль убийцы сокращалось до двадцати четырех человек – именно столько мужчин разного возраста на данный момент обитало в деревне Игошино. Если же ответ положительный, то к двадцати четверем нужно было прибавить еще тридцать одну кандидатуру женского пола, исключая восемь-девять древних бабок, которые и топор-то поднять не могли.

Все эти данные Мазаев получил от местного следователя, крайне недовольного тем, что ему пришлось заниматься такой ерундовой работой. Он настаивал на своей версии: первое убийство совершено подозреваемым, который сидит под арестом и отрицает свою вину, а второе – зашедшим неизвестно с какой стороны бродягой. Мазаев, выслушав его версию, посмотрел на Забелина как на сумасшедшего, но тот ни капли не смутился и продолжал упорствовать: Лесников стал жертвой случайного убийцы. На вопрос Мазаева, зачем же случайному убийце понадобилось тюкать невинно сидящего на берегу пруда мужика невесть откуда взявшимся топором, а затем отгаскивать тело в кусты, Забелин, не моргнув глазом, ответил, что мозги убийцы – предмет темный, и что в них творится, даже врачи не всегда могут понять. Куда уж ему, человеку простому!

После такого заявления Александр Александрович стал поглядывать

на Забелина подозрительно, поскольку от дубовых дураков всегда старался держаться подальше. Правда, что-то подсказывало ему, что местный следователь больше придушивается, но подтверждения своей теории он пока не обнаружил – Забелин вел себя как образцовый тупица.

Беседы, проведенные с жителями Игошина, ясности не прибавили, и у Мазаева оставалась одна возможность – найти орудие убийства. «Лежит тот топор, закопанный под насыпью, во рву некошеном, – мрачно размышлял Александр Александрович, – и найдут его через сто лет. А мне, между прочим, вставят...»

Что именно ему вставят, Мазаев не стал додумывать – тема была неприятной, поскольку имела прямое отношение к здоровью Александра Александровича. Он решил не полагаться на заключение экспертизы и еще раз перебрать всех здоровых мужиков деревни в надежде, что хоть кто-нибудь расколется. Надежда, конечно, была призрачной и вообще, говоря откровенно, эфемерной, но других путей Мазаев не видел. Оперативники по-прежнему обшаривали лес, постепенно расширяя круг поисков, но на успешное завершение их действий особенно рассчитывать не приходилось.

Катерина Балукова собирала под яблоней падалицу, чтобы сварить из нее компот. Настроение у нее было – хуже некуда, но за много лет она привыкла скрывать свои чувства. Ее продуманный, уже почти готовый план срывался, и что делать дальше, Катерина не знала.

Она вышла замуж молоденькой, избалованной родителями девчонкой, страстно желавшей замужества. Парни вокруг Катерины водились, и все равно в ее мыслях постоянно сидел страх: а вдруг никто не возьмет замуж? Поэтому, когда половина ее подружек обзавелась супругами, Катя Сечина поняла, что пора и ей определяться.

Василий Балуков оказался вполне подходящей кандидатурой. Будущий муж Катерине виделся таким, из которого можно было бы сделать большого человека, и по ночам она строила честолюбивые планы, представляя, как будет помогать супругу в его делах, а тот благодаря ее советам станет богатым и значимым человеком в их городишке. То, что Катерина понятия не имела, чем предстоит заниматься ее будущему супругу, ее не смущало, главное – она верила в свои способности. Поэтому и выбрала в мужа Ваську: человека надежного, но ей не ровню – как-никак сама-то она окончила приличные курсы, была дочерью учительницы и могла претендовать на лучшую партию. Но лучшая партия сама могла подмять Катерину под себя, а ей, с ее бойким и вспыльчивым характером, ничего подобного вовсе не хотелось.

Поначалу Василий казался как раз тем мужем, которого она и ждала: простой, работающий, признающий главенство жены. Работа у него была не очень престижная, но и не ерундовая – механику нужны и мозги, и руки. Правда, золотыми руками господь Василия не оделил, и работник из него вышел посредственный, зато непьющий. В городке, где жили Балукеры, данное качество ценилось едва ли не больше, чем самый высокий профессионализм. Профессионалов-то пруд пруди – вон, под кустом валяются, попробуй добудись, а надежных людей днем с огнем не сыщешь...

Поэтому начальство Василия Балукера ценило, и отпуск ему давало на все лето. Когда Катерина первый раз приехала к родителям мужа надолго, она полагала, что свекор и свекровь будут ее холить, лелеять и носить на руках, поняв, какое сокровище досталось их сыночку.

Но на деле вышло иначе: свекровь смотрела на нее, как на помеху, придиралась по пустякам и доводила Катерину до белого каления, а свекор доводил до слез – нешуточных слез, а не пустых женских. Он сразу дал понять Катерине, что ее место в доме – десятое и вести себя она должна тише воды, ниже травы. А когда Катерина пыталась показать нрав, так осадил ее, что она с перепугу чуть было при нем не разревелась. Сначала выслушал ее монолог, наполненный обвинениями: мол, с ней, женой его единственного сына, тут не считаются, потом поднял тяжелую ладонь, поднес к самому носу молодой женщины и тяжело, веско проговорил:

– Если еще раз голос на меня повысишь – получишь оплеуху вот этой самой рукой. Поняла? Хочешь характерами меряться? Так тут ты мне не ровня. Хочешь шум поднимать? Возвращайся домой и поднимай, но тогда больше я тебя в своем доме видеть не желаю. Так и запомни.

С Катериной никто и никогда так не разговаривал. Отец был под каблуком у матери, которая пилила его целыми днями, а ее собственный молодой муж безоговорочно признавал превосходство жены. Алексей Георгиевич был первым, кто испугал ее не на шутку и заставил подчиниться себе. Поразмыслив, Катерина решила, что ссориться со свекром не стоит – себе же выйдет дороже. Дом в Игошине был крепкий, большой, и сидеть летом с родителями в их квартирке Катерина не хотела. Пришлось смириться с характером свекрови да свекра и думать, как налаживать отношения.

С Галиной, матерью Василия, все решилось просто – после рождения Кирилла та переменилась, расцвела, умоляла привозить внука чаще и баловала его от души. Каждый раз после визита к ней Катерине приходилось лечить сына от диатеза, потому что любящая бабушка

закармливала его сладостями. Катя и не возражала – хорошие отношения со свекровью были важнее.

Свекор тоже постепенно стал относиться к снохе по-доброму, когда та стала уступчивой, куда более дружелюбной, чем раньше. И... Катерина сама не заметила, когда влюбилась в Алексея Георгиевича. На фоне всех ее знакомых парней свекор был не просто мужиком, а Мужиком с большой буквы, хозяином, которого ей хотелось слушаться и ублажать.

Первая их связь случилась как бы невзначай, сама собой, и оба сделали вид, что ничего не произошло. Браку Катерины к тому времени было уже пять лет, но с каждым годом муж все больше утомлял ее, раздражал, а в постели она и вовсе только терпела его, со скрываемым вздохом вспоминая темперамент и стати его отца, однако успешно притворялась нежной и ласковой, потому что очень боялась, как бы муж от неудовлетворенности не начал ходить налево, не влюбился и не запросил развода. Разводиться ей было нельзя, потому что тогда проводить время с Алексеем Георгиевичем летом она не смогла бы, а жизни без него Катерина теперь себе не представляла. И она терпела нелюбимого мужа и его скучные ласки, причем научилась делать довольный вид так удачно, что Василий ничего не подозревал. Даже гордился женой перед приятелями – и хозяйственная, и покладистая, и в постели хороша.

Постепенно у Катерины и старшего Балукова выработался свой ритуал, которому оба следовали неукоснительно. Откуда взялись у свекра ключи от чужой бани, Катерина не знала и никогда не спрашивала. Но ей было понятно, что встречаться по сараям, украдкой Алексею Георгиевичу не подходит – он человек основательный, таится, будто кошка, не будет. А в любом уголке своего дома всегда был риск, что на них наткнется либо кто-то из детей, либо супруги. Поэтому баня Липы служила им верой и правдой уже много лет, и Катерина была всем довольна.

Но постепенно в ее голове стал складываться замысел, проистекающий все из той же боязни развода с мужем. Лежа по ночам с открытыми глазами, прислушиваясь к похрапыванию мужа, Катерина представляла, как хорошо было бы, если б не существовало ни Василия, ни Галины, а были бы только они с Алексеем Георгиевичем и дети. Тогда не оказалось бы никаких препятствий к их браку, и она стала бы ему достойной женой. Собственное счастье стало казаться Катерине непрочным, слишком зависящим от мужа и свекрови. Что, если Галина узнает об их отношениях? Конечно, первым делом она раскроет глаза сыну, и тогда Кате больше не увидать Алексея Георгиевича. Да и дети подрастают. Они даже – страшно вспомнить! – начинают иногда такие

слова бросать, что кажется, будто о чем-то догадываются. Всех бояться, от всех таиться... Катерина понимала: рано или поздно их со свекром отношения станут известными, и тогда же им придет конец. Вот если бы не было ни мужа, ни свекрови...

Мысль, бывшая поначалу не более чем фантазией, начала приобретать очертания, когда Катерина прочитала в газете о случайной гибели пожилой женщины в соседнем районе – та стала открывать крышку погреба, плохо закрепила ее, крышка упала и перебила старушке, собиравшейся спуститься по лестнице вниз, шею. Погреб у Балуковых был как раз такой, как надо, – с тяжелой крышкой, которую и в самом деле одному тяжело поднять. Катерина не раз помогала Галине спускать вниз банки с соленьями и вареньями и во всех подробностях могла представить, что ей нужно будет сделать. Таким образом первая часть плана вырисовывалась совершенно определенно. Оставался открытым вопрос с Василием.

Катерина относилась к мужу в общем-то хорошо и потому постаралась придумать для него смерть нестрашную и быструю. Скажем, утонул... Но Василий плавал, как выдра, в Игошинском озере мог нырять часами, и утопить его Катерине было не под силу – сама бы раньше утонула. Тогда она обдумала случайный удар током. Но и новый вариант отпал – при профессии Василия ожидать, что он случайно сунет пальцы в розетку или схватится за оголенный провод, было бы наивно. Также не подходило падение с лестницы, поскольку Василий, несмотря на худобу, мужик крепкий и наверняка остался бы в живых, и бессмысленная смерть по пьянке, например, угорел в гараже, – Василий не пил.

Отбрасывая один вариант за другим, Катерина начинала злиться на мужа, который в ее воображении никак не хотел отдать богу душу. В конце концов она отказалась от мысли расправиться с супругом ласково и по возможности бескровно, оправдывая себя тем, что по-другому он помирать не хочет, и стала придумывать новые способы убийства. В каждом из них фигурировала перерезанная шея, потому что ночной храп Василия Катерина ненавидела тихой ненавистью. Много лет муж мешал ей спать по ночам, и именно его Катерина обвиняла в том, что у нее зародились нехорошие мысли. Не храпел бы – она не мучилась бы от бессонницы, не фантазировала бы о пустом и несбыточном. Логическая цепочка ее построений была безупречной.

Найти подходящую идею опять помогли средства массовой информации. В соседнем районе полтора месяца орудовала жестокая банда, наводившая страх на жителей. Трое или четверо мужчин врываются в дома, убивали спящих хозяев, быстро исчезали с небогатым уловом. Действовали

они хаотично, и понять, по какому признаку выбирали грабители дома своих жертв, так и не смогли: банда растворилась так же неожиданно, как и появилась. Одно было важным для Катерины – они перерезали горла жертвам во сне. Но несколько раз оставили в живых женщин и детей, лишь заклеив им глаза черным скотчем.

«Отправить детей с Галиной куда-нибудь, а Алексея Георгича на рыбалку... – обдумывала Катерина. – Ворвались лиходеи ночью, заклеили мне глаза, убили Васю. Деньги надо взять заранее и сжечь...»

План выстраивался на глазах – хороший план, вполне осуществимый. Нужно было лишь продумать все детали, каждую мелочь, чтобы ни у кого не возникло ни малейших подозрений, но для Катерины это было несложно. Оставалось выбрать повод для свекрови, чтобы та уехала на ночь с детьми в город.

Он почти нашелся, и тут в Игошине случилось первое убийство.

Родион Копушин возвратился домой и первым делом подошел к зеркалу, висевшему в пыльном углу. Под глазом расплывался синяк, красный в середине и лиловый по краям.

– Гнида, – сказал Копушин своему отражению, имея в виду Бабкина. – Убить жирную сволочь!

Он сел за стол и расплакался от унижения. Родиона били всего пару раз в жизни, и каждый раз он предчувствовал, что сейчас начнется битье, успевал морально подготовиться. Получить вот так, без всякой причины, от человека, которого он считал неспособным на подобный поступок, было обидно до слез. Копушин высморкался в платок и, обнаружив кровавую соплю, расстроился еще больше.

«Пистолет, – ожесточенно думал он, умывая лицо холодной водой из ведра. – Против таких сволочей можно бороться только с пистолетом в руке. Правильно сказано: Господь создал людей слабыми и сильными, а полковник Кольт уравнил их шансы». Он представил, как здоровяк стоит перед ним на коленях, а сам Родион всаживает в него пулю за пулей, и от такой приятной картины даже синяк стал меньше болеть.

Войдя в комнату, Копушин уселся за стол и принялся размышлять, где бы достать оружие. «Легче простого, – прикидывал он. – Приехать на рынок, узнать, кто там местный авторитет, и купить у него ствол за пару штук». Продукты Родион покупал в супермаркете, местных авторитетов представлял исключительно по женским сериалам, демонстрируемым крупными телеканалами, а ствол воображался ему большим, блестящим и чем-то похожим на гранатомет. Но идея Копушину понравилась.

Взгляд его упал на чистый лист бумаги, и, продолжая воображать себя со стволем, Родион потянул его к себе. Схватил ручку, погрыз ее пару секунд и начал быстро строчить.

«Бэрил ударил его изо всех сил, сравнимых с силой медведя. Мощный кулак был подобен пушечному ядру, крошащему борт корабля. Но Рид, наученный десятью годами служения монаху первого уровня, перехватил его лапу, вывернул, и под сенью замка раздался дикий рев необузданного Бэрила.

– Отпусти! – умолял он, упав перед Ридом на колени и проклиная тот момент, когда он согласился принять грязные деньги за то, чтобы убить этого прекрасного, странного юношу. – Клянусь, я буду служить тебе, как корни служат деревьям!

– Ты будешь служить мне, как шкура служит зверю! Как дверь служит дому! Как стрела служит меткому лучнику! – звонким голосом проговорил Рид, опуская тонкую нежную руку на шею укрощенного зверя.

Бэрил прикоснулся к ней губами и упал без сил в экстазе великого служения...»

Спустя десять минут Родион Копушин, студент филологического факультета института иностранных языков, забыл и о Бабкине, и о Макаре, и об утреннем происшествии под липой.

Маша приготовила обед, сообразив привлечь к работе Ирину, и отправилась на лужайку. В самой середине сада Егоровы выкопали крошечный бассейн, налили туда воды, посадили водоросли и поселили в бассейне лягушку. Димка иногда приносил ей комаров, но лягушка комаров не брала и к Димке относилась настороженно. «Зажралась совсем», – говорил в таких случаях Димка, подражая матери.

Под яблонями вокруг бассейна поставили маленькие скамеечки, в стороне насыпали небольшую кучу песка, и получилось чудесное место для отдыха. Здесь играли Димка с Костей, и к ним Маша полчаса назад отослала Ирину – приглядеть за мальчишками, которые от изготовления арбалета перешли к вырезанию стрел.

– Последи, Ириш, чтобы они стрелы из своих пальцев не нарезали, – попросила Маша. – А я пока посуду вымою.

Управившись с делами, она пришла на лужайку и обнаружила идиллическую картину – на подстилке в тени яблони каждый занимался своим делом: Костя обстругивал стрелы ножом, Димка внимательно осматривал перья, лежащие кучкой в коробочке, а Ирина читала книжку, лежа на животе, – на сей раз учебник, а не Лукьяненко. За забором толстая

соседская девочка обрывала вишни. Лягушка не показывалась.

– Димка, откуда у тебя перья? – спросила Маша, с удовольствием растягиваясь на траве.

– Дядя Сережа принес, – ответил мальчик, увлеченный своим занятием.

Маша побоялась спрашивать, где их раздобыл дядя Сережа. Перья были куриные: белые, крепкие и чистые. «Курицу задушил, перья ободрал, тушку сварил», – мелькнуло у Маши, но она торопливо прогнала мысли. Думать следовало о будущем сценарии, а также о Веронике, которая должна вернуться завтра или послезавтра.

Но сценарий снова не обдумывался. Зверюшки, которых изо всех сил старалась представить Маша, виновато разводили лапками и качали мохнатыми головами.

Маше некстати вспомнилось, как во время съемок одной из серий случился казус: актер, управлявший зайчиком и одновременно озвучивавший его, слишком сильно потянул куклу в тот момент, когда заяц должен был исчезать из кадра. Уже после разбора полетов, сопровождавшегося истерическим хихиканьем, выяснилось, что шея куклы хитрым образом зацепилась за стол, за которым зверята вели вечернюю беседу. Актер дернул игрушку, и в руках у него осталось туловище, а голова несчастного зверька покатила по столу. «Не беспокойтесь, ребята, – ласково произнесла в тот момент точно по сценарию Мышка, – зайчик к нам еще вернется». А голова зайчика докатилась до края стола и остановилась там, таращась в камеру стеклянными глазами.

Оператор, стоявший за камерой и наблюдавший отвалившуюся ушастую голову, сполз на пол в рыданиях. Позже головы всем куклам проверили и закрепили как следует, а серию обозвали сценарием Стивена Кинга...

– Мам, когда обедать будем? – спросил Костя, прервав Машины воспоминания.

– Ты уже проголодался? – Она поднялась с травы, стряхнула пару муравьев с коленок.

– Угу. Попробуй сама стрелы делать все утро!

– Нет, спасибо, – отказалась Маша. – Ладно, я разогрею обед, а вы никуда не уходите.

– Я за ними посмотрю, тетя Маша! – откликнулась Ирина, не отрывая глаз от учебника. – Не беспокойтесь!

Маша зашла в дом, вынула из холодильника кастрюлю и поставила на плиту. Из сада доносились голоса детей, на ветке возле окна чирикала

птичка. Маша подошла к окну, чтобы рассмотреть ее, но птичка улетела, а вместо птички она заметила Бабкина, подходившего к своему дому вместе с Макаром. «Интересно, чем закончилась их прогулка?» – подумала Маша. Сидеть на веранде без дела, пока разогревается обед, не хотелось, и она решила подняться в мансарду, взять у Кости какую-нибудь книжку.

Обдумывая, что именно вытащить из его чемодана, Маша поднялась наверх, открыла дверь в свою комнату и застыла на пороге. Около ее кровати стоял человек, наклонившись над подушкой.

Переход от изумления к ярости был у Маши молниеносным. Она могла испугаться злоумышленника, пытавшегося проникнуть в дом ночью, но тот же злоумышленник, творящий свое дело днем, вызвал у нее лишь злобное возмущение, потому что наглых людей Маша на дух не переносила. Она не успела подумать о том, что Лесника убили среди бела дня, что человек, забравшийся в дом, может быть крайне опасен – у нее не осталось на это времени, как и на то, чтобы рассмотреть преступника, хотя бы его спину. Подбежав к фигуре, одетой во что-то пестрое, Маша схватила со столика первое, что попало под руку, и со всей силы ударила человека по голове.

Тот охнул, обернулся и свалился на кровать, слабо перебирая ногами. Онемев от изумления, Маша узнала соседскую девчонку, которая сорок минут назад рвала вишни около их забора. Девчонка сознания не потеряла и с ненавистью смотрела на нее маленькими серыми глазками из-под тонких бровей.

– Люблю Лукьяненко, – признался Бабкин, взвешивая в ладони увесистый том, которым Маша огрела Ольгу Балукову. – Сильный писатель, основательный. Здесь все дозоры?

– Кроме последнего, четвертого, – ответила Маша, ярость которой сменилась ошеломлением. – Сережа, зачем она притадилась сюда?

После того как Костя привел Бабкина, пока Маша сторожила Ольгу, тот отвел девчонку в соседнюю комнату, поговорил с ней минут пять и вернулся, морща нос. Выудил из Машиной кровати дохлую мышь с расплющенной головой, из Костиной – вторую, с перебитым хребтом и, держа трупики за хвостики, отнес их вниз. Все это время Маша стояла, открыв рот, потому что появление мышей в постели поразило ее даже больше, чем то, что соседская девочка Ольга Балукова залезла к ним в дом.

На лестнице показалась лобастая голова Сергея.

– Пойдем на веранду, – позвал он. – Нечего тут стоять.

– А... она? – Маша неуверенно махнула рукой в сторону второй

комнаты.

– Пусть посидит пока. Потом решим, что с ней делать.

Мальчишек Бабкин с веранды выгнал, Ирину, подумав, тоже. «Незачем про гадости слушать».

– Зачем она это сделала? – спросила Маша, усевшись напротив него.

Вздыхнув, Сергей рассказал ей о том, как они выслеживали Родиона Копушина и что обнаружили в итоге.

– Девочка рассердилась и придумала маленькую месть, – закончил он. – Особенно и не отпиралась, призналась честно. Фантазия у нее небогатая. Она видела фильм, в котором трупы домашних животных приносили врагам, и решила не изобретать велосипед.

– А мышей где взяла? – спросила Маша, в голове которой бабкинский рассказ пока никак не укладывался.

– Ну не сама же изловила, – сочувственно посмотрел на нее Сергей. – Вынула из мышеловок. Они уже не очень свежие, как ты могла заметить.

Маша перевела на него взгляд и вдруг засмеялась, представив себе диалог в магазине:

«– У вас мыши свежие?»

– Признаться, не очень. Вчерашние. Возьмите лучше тараканов».

– Сережа, а при чем здесь мы? – Она вытерла слезинку, появившуюся от смеха. – Ведь это вы с Макаром испортили ей удовольствие!

– Девочка хоть и дура, но не полная, – пожал плечами Бабкин. – Что она могла нам сделать? В дом так просто не зайдешь, а мышей моя тетушка может на завтрак съесть и не подавиться. У вас же калитка на крючочке с ноготок, днем дом вообще не запирается. Нет, она хотела именно тебе напакостить.

– Да почему мне-то?!

– Потому что она видела, что я ночую в этом доме, – терпеливо объяснял Сергей, словно учитель глупому ученику, – и решила, что ты – моя... бойфрендиха, телка, бабенка... В общем, ты поняла.

– Герлфрендиха, – поправила его Маша и встала. – Понятно. И что мы с ней дальше будем делать?

– Можно заявление в милицию написать, – предложил Сергей, но Маша покачала головой. – А проще всего отвести ее домой, чтобы с ней родные разбирались. Из того, что мне Макар рассказал, я понял: дед у нее суровый.

– Вот и веди ее... к суровому деду, – согласилась Маша. – Фу, противная девица. Надо же такую гадость придумать – мышей дохлых...

– Да у них вся семья такая, – вполголоса сказал Сергей, поднимаясь в

мансарду за Ольгой Балуковой.

Калитку открыл Кирилл, и когда он увидел Ольгу, безуспешно пытавшуюся спихнуть широкую ладонь Бабкина со своего плеча, лицо у него стало злое и агрессивное.

– Чего случилось? – спросил он грубо. – Почему вы ее...

– Меньше надо по чужим домам лазить, – ответил Сергей, легко отодвигая парня плечом и заводя девчонку во двор. – Позови деда.

– Как... по чужим? – Кирилл стоял на месте, словно не расслышав про деда.

– А так, – Бабкин огляделся, высматривая хозяев в огороде. – Сестрица твоя залезла к соседям в дом, а это, между прочим, уголовное дело.

Лицо парня изменилось на глазах, из агрессивного стало растерянным и немного жалким.

– К Егоровым? – спросил он недоверчиво.

– К Егоровым, к Егоровым, – подтвердил Бабкин. – Деда сам позовешь или мне в дом зайти?

Но Кирилл словно не слышал его. Он не сводил недоверчивого взгляда с сестры, и та вызывающе посмотрела на него.

– Ты... в чужой дом... – наконец выдавил он. – Как воровка...

В глазах его вспыхнул гнев.

– Не твое собачье дело! – огрызнулась Ольга. – А ты вообще отпусти меня! – Последние слова относились уже к Сергею.

– Дрянь! – Кирилл поднял руку и почти залепил Ольге оплеуху, но в последний момент оказалось, что его руку крепко сжимает Сергей.

– Девочек бить нельзя, – укоризненно покачал он головой. – Во всяком случае, по лицу. По заднице можно, но это не тебе решать.

Покрасневший, как рак, парень выдернул руку, и тут как раз на тропинке появился наконец хозяин дома. Не выпуская Ольгу, Бабкин дождался, пока старик подойдет, и рассказал ему о случившемся.

Ни слова не говоря, тот подошел и три раза ударил кулаком в стену дома, отчего бревна отозвались тоскливым гудением. На стук выскочили исполошившиеся женщины – одна пожилая, другая лет тридцати пяти – и с испугом уставились на старика.

– Дело есть, – мрачно сказал тот, не глядя на них. – Позовите Василия.

Одна из женщин бросилась к огороду, а хозяин перевел тяжелый взгляд на Бабкина.

– Мы разберемся, – пообещал он. – Больше она у вас не появится.

Сергей кивнул, открыл калитку и вышел, оставив девчонку в кругу ее

родных.

«Как они ее накажут, интересно?» – подумал Бабкин, останавливаясь у дороги и вспоминая пораженное лицо старшего брата девочки, узнавшего о ее проступке. Парень казался Сергею слегка придурковатым, но уважение к закону предки, видимо, вбили в его голову хорошо.

Наверняка он знал одно: ему очень не хотелось бы оказаться сейчас на месте Ольги.

Глава 18

После обеда Маша, несколько выбитая произошедшим из колеи, легла на кровать и задремала, проверив предварительно, закрыта ли наружная дверь. Мера предосторожности была вообще-то бессмысленной, потому что ребята днем выходили из дома, а ключ у них был один на всех. «Не давать же его каждому по очереди, чтобы они всякий раз запирали дверь, а возвращаясь, отдавали товарищу... – подумала Маша с иронической усмешкой. – Глупость полная». Поэтому засов она, конечно, задвинула, но исключительно для собственного душевного комфорта. И, успокоившись, уснула крепким сном.

Проснулась оттого, что в доме пахло блинами. Поначалу она не поверила собственному обонянию, но, приняв себя, вынуждена была признать, что нос ей не изменил. «В воздухе отчетливо пахло маленькими бифштексами», – вспомнила она цитату из любимых Стругацких, потому что и запах блинов был особенным – пахло не плотными блинами, не толстыми оладьями с жирными золотистыми корочками по краям – нет, пахло тонкими кружевными блинчиками, нежными и аристократическими. Такие блинчики, вспомнила Маша, истекая слюной, не макают вульгарно в сметану или варенье. Нет, с ними обращаются уважительно: выкладывают на середину начинку, загибают уголки или сворачивают в трубочку – и потом едят. Нет, не едят – вкушают!

«Боже мой, неужели Ирина расстаралась?» – изумленно предположила она, спускаясь по лестнице и выходя на веранду.

Дети, включая Ирину, сидели вокруг стола и покорно ждали. У плиты, боком к Маше, стоял Бабкин и ловко выпекал один блинчик за другим на толстой старой сковородке, которая валялась у Вероники с незапамятных времен и которой никогда не пользовались, потому что она была закопченная и без тефлонового покрытия.

– Проснулась? – Сергей на секунду отвлекся на Машу и тут же вернулся к сковородке. – А мы как раз заканчиваем. Блинчики будешь?

– Буду, конечно! Еще спрашиваешь! – Маша уселась на стул, вдыхая аромат, заполнявший кухню.

– Ничего, что я эту сковородку взял? – Бабкин качнул ручкой чугунной сковороды. – На таких лучше всего блины получаются.

– Мы ее отмыли, – похвастался Костя.

– Ну ты, положим, не особенное участие в мытье принимал... –

поддела его Ирина.

– Точно-точно, – поддакнул Димка, – не особенное.

– Клевета! – возмутился Костя. – Я ее мочалкой тер!

Между ними немедленно разгорелся спор о том, кто внес наибольшую лепту в возвращение сковороды в строй рабочей посуды. Маша сидела, откинувшись на стуле, невидящим взглядом созерцая спину Сергея, который, топчась у плиты, тихонько бурчал себе под нос песенку, как Винни-Пух, и в голове ее устанавливалась удивительная, прозрачная ясность. За окном стоял ранний летний вечер, на веранде было еще солнечно, но не жарко, и все вместе: запах блинов, шумный разговор детей, бормотание Сергея – выглядело так, словно было тем, чем на самом деле вовсе не являлось: традицией. Словно было хорошей привычкой печь блины раз в неделю и болтать обо всякой ерунде. Словно там, во дворе, ходили Митя и Вероника и скоро должны были войти в дом, торжественно выкладывая на стол ранние полосатые яблоки с красными боками. Словно не было никакого темного часа и никто не умирал в этом чудесном просторном доме, никто не плакал от горя и неизвестности. Но на самом деле он был, темный час, и Маша не могла обманывать себя, как бы ей этого ни хотелось...

– Готово, – объявил Бабкин, выставляя на середину стола здоровенное блюдо, на котором горой лежали блины. – Нижние – остывшие, верхние – горячие. Прошу!

После блинов сидели в саду, где Бабкин показывал мальчишкам, как правильно вставлять перья в стрелы. Ирина подавала советы и тоже поглядывала с любопытством, а Маша сидела, привалившись к стволу яблони и чувствуя, что живот раздулся до неприличных размеров. «Пузо, – подумала она. – Не живот, а пузо». Ужасно хотелось расстегнуть «молнию» на шортах, но она стеснялась Сергея.

– Нельзя стрелу обвязывать перьями, – говорил между тем Бабкин, нависая над двумя мальчишескими головами, темной и беленькой. – Объясняю почему: взялся ты за стрелу двумя пальцами, натянул лук – и что?

– Что? – хором спросили Костя, Димка, а заодно Ирина.

– То, что все перья у вас в пальцах остались вместе с ниткой. Слезет она, понятно?

– Понятно, – так же хором ответила троица.

– Дядя Сережа, подождите! – вмешалась Ирина. – У них ведь арбалет, а не лук!

– Сегодня арбалет, завтра лук, – солидно ответил Димка. – Стрелы должны быть этими... как их...

– Универсальными, – подсказал Сергей. – Молодец, все верно.

– Что же с ними делать, если не обвязывать? – прозвучал Костин голос, озабоченный.

Маша улыбнулась.

– Берем стрелу... – послышался шорох и тихое сопение. – Аккуратно расщепляем ее на конце... – потрескивание. – И вставляем перышко. Одно! Не весь пучок.

– А потом обматываем ниткой? – догадалась Ира.

– Угу, обматываем. – Бабкин быстро проделал все необходимые манипуляции и продемонстрировал готовую стрелу. – Ну как, нравится?

– Классно!

– Прикольно!

– И что, она в самом деле полетит?

– Обижаете, Ирина Дмитриевна! – с обидой отозвался Бабкин. – Не полетит, а со свистом помчится в цель.

Он наконец повернулся к Маше, чтобы и та оценила его работу. А она только что расстегнула «молнию» и верхнюю пуговицу на шортах, и живот ее испытал такое облегчение, что лицо Маши озарилось лучезарной улыбкой, подобной той, в которой расплывается человек, освободившийся от острого камешка в ботинке. От ее улыбки и взгляда Сергей чуть не сломал стрелу, засмутился и взял очередное перо.

– Вторую делайте сами. – Он протянул перо Димке. – Только ножом я расщеплю...

Маша закрыла глаза и блаженно вздохнула. Пузу было хорошо.

Вечером объевшиеся блинами Димка и Костя уснули почти одновременно – Димка на кровати сестры, а Костя – на Димкиной. Подумав, их решили не будить, и Ирина отправилась спать в свою бывшую комнату.

– Завтра Вероника должна приехать, – вслух подумала Маша, зажигая свет в мансарде. Сергей стоял на лестнице и смотрел на нее. – Узнает про Лесника, расстроится... Кстати, блины у тебя получились очень вкусные. Научишь меня печь такие?

Бабкин продолжал стоять неподвижно. Маша шагнула к нему и сделала то, что давно хотелось, – провела рукой по коротким темным волосам.

Волосы были мягкие, и она удивилась – ей казалось, что на голове у

него должны быть колючки, как у кактуса. Сергей перехватил ее руку, провел по своей щеке.

– «А если он на ночь бреется...» – вполголоса процитировала Маша Вишневого.

– «То, значит, на что-то надеется», – закончил Бабкин, не сводя с нее глаз и усмехнувшись.

Она стояла на верхней ступеньке и была почти вровень с ним – глаза в глаза. Сергей обнял ее, с силой прижал к себе, проводя рукой по нежной коже на шее. Поцеловал, ощущая, какие теплые у нее губы – почти горячие. Горячие и требовательные.

– Ты целоваться не умеешь, – прошептала Маша, оторвавшись от него и улыбаясь.

– А ты научи, – так же шепотом сказал он. – Можешь прямо сейчас начинать.

Он легко поднял ее, оторвал от пола и попытался донести до комнаты, но доски безбожно закрипели, и Сергею пришлось ее отпустить. Они рассмеялись вполголоса, как дети, проказничающие втайне от взрослых, но проказничающие легко, несерьезно.

– Не получится романтики, – прошептал Бабкин, снова наклоняясь к ее губам.

Маша не ответила. Ей было наплевать на романтику.

Сергей проснулся как-то резко, рывком выдернув себя из сна, хотя ничего плохого ему не снилось. Маша спала рядом, и рыжие волосы, рассыпавшиеся по подушке, в полумраке казались темными. Он хотел погладить ее по волосам, но побоялся разбудить. И только наклонился, заглянул ей в лицо. Оно было спокойным и таким безмятежным, словно она проспала уже сто лет. Спали ее глаза, спали волосы, спали ресницы. В уголках губ спала улыбка – тихая, почти незаметная. Сергей в ответ улыбнулся чуть недоверчиво и осторожно вылез из теплой постели.

За окном была ночь, но чувствовалось, что она уже подходит к концу. Светлой полосой выделялась дорога, а над домом тетушки Дарьи бесшумно поворачивался черный силуэт человечка с подзорной трубой – флюгер, который когда-то вырезал сам Бабкин. Небо за ним чуть заметно светлело внизу, как будто и там, по краю неба и земли, тоже шла дорога.

Темный час закончился. Начиналось утро.

Сергей появился, когда Макар с Дарьей Олеговной уже позавтракали, и тетушка неодобрительно покосилась на племянника. Ишь, ходок.

Довольный, как кот.

– «Я хотел быть высокой сосною... – басом напевал Бабкин, плескаясь под умывальником, хотя уже умывался сегодня один раз. – Чтоб бездельничать век напролет... по утрам не расчесывать хвою и не мыться, пока не польет. Та-ра-ра-ра! И не мыться, пока не польет». Уф, вода холодная!

Он вошел в комнату, уселся за стол и вопросительно посмотрел на Макара.

– Что делать будем, господин сыщик? – спросил. – Кстати, как спалось? По грядкам не бегал?

Макар зевнул, потянулся и сообщил:

– Сон мой был крепок и чист. С утра нас успели посетить оперативники. Судя по их вопросам, они не сдвинулись с места ни в какую сторону.

Бабкин помрачнел.

– Как и мы. – Налил себе чаю в чашку и задумчиво положил пять ложек сахара. Увидевшая это тетушка всплеснула руками:

– Куда такой сладкий? Вредно!

– Тебе вредно, а мне полезно. У меня напряженная умственная деятельность, ее нужно стимулировать сахаром.

– Сказала бы я, какая у тебя деятельность, да Макара стыжусь, – проворчала тетушка, пряча сахарницу в буфет. – А будешь много сладкого есть – растолстеешь, и ни одна рыжая девица на тебя не польстит.

– Ладно, – серьезно согласился Бабкин, – можешь одну ложку вынуть.

Тетушка обрадованно схватила чайную ложечку, обтерла ее об фартук и уже собиралась окунуть в кружку племянника, как до нее дошло, что над ней издеваются.

– Ах, засранец! – покачала она головой и сунула ложечку в карман. – Ну, погоди, и тебе...

Не договорив, она пошла к выходу.

– Стой, куда ложку потащила? – крикнул ей вслед Бабкин. – Что за клептоманские привычки?!

Но дверь за тетушкой уже захлопнулась.

Переведя взгляд на Илюшина, Сергей увидел, что тот сидит с напряженным лицом.

– Ты догадался, кто наш убийца? – с надеждой спросил Бабкин, обжигаясь горячим чаем.

Но Макар отрицательно покачал головой:

– Серега, что ты пел, когда вошел?

– Я? «Ивасей». Это такие барды крутые.
– Про «Ивасей» я и сам знаю, – отмахнулся Макар. – Слова напосми.
– Ну... – нахмурился Бабкин. – «Я хотел быть высокой сосною, чтобы время катилось рекой, чтобы ты, проходя подо мною, по коре проводила рукой».

Макар страдальчески закатил глаза.

– Серега, ты спой не то, что тебе твое примитивное и неглубоко скрытое Я подсказывает, а то, что ты пел при мне! Там слова были какие-то очень важные...

– А, самое начало... Короче, сначала про сосну, а потом – «по утрам не расчесывать хвою».

– «И не мыться, пока не полетит», – вспомнил Макар. – Отлично. Спасибо, Серега, я поймал мысль.

Он встал и быстро пошел к двери.

– Какую? – крикнул ему вслед Бабкин, но Илюшин уже был за дверью. Сергей пожал плечами и принялся допивать чай.

Макар нашел Ирину Егорову в саду, поздоровался и сразу перешел к тому, что его интересовало:

– Ира, ваша семья ходит мыться к Липе Сергеевне, правда?

– Да, – кивнула девочка. – С тех пор, как наша баня сгорела. Они нас пускают.

– А ты не знаешь, мама или папа что-нибудь дают старичкам взамен? Может быть, газеты им привозят из города или сладости... Ну, я не знаю, что еще может быть.

– Не газеты и не сладости, – сдержанно ответила Ирина. – Я случайно знаю, дядя Макар, потому что один раз подслушала родительский разговор. Все вокруг говорят, какие Иван Петрович и Липа Сергеевна хорошие, какие они славные, им родители по триста рублей каждую неделю платят.

В голосе ее зазвучала горечь.

– По триста рублей, значит, – повторил Макар. Сумма для деревни была большая. – Вот тебе и чудные бескорыстные старички...

– Да они вовсе не такие! – горячо заговорила Ирина. – Я не знаю, за что мама и папа так их любят.

«Твои мама и папа в людях совершенно не разбираются, – подумал Макар. – Как я и предполагал: очередной игошинский миф развеян».

Он поблагодарил Ирину и вернулся домой – ему было что обсудить с Сергеем.

Вечером приехала Вероника – уставшая и еле стоящая на ногах. Про похороны рассказывать не стала, обронив только, что все прошло нормально. О смерти Лесника она успела узнать от жителей соседней деревни, ехавших с ней в одном автобусе: кровавое убийство обсуждали во всем районе. Она не плакала, но вид у нее был такой, что Маша сердито подумала, готовя для Вероники чай: «Нельзя все в себе копить, Митя не виноват, а если и виноват...»

Она запнулась на этой мысли. Маше легко было представить: будь Митя ее мужем, все ее размышления были бы только об одном – как скорее вытащить супруга из-под ареста и не допустить, чтобы его посадили. Веронику терзало совсем другое – виновен ли ее Митя или нет? Поэтому, когда вечером к ним заглянули Сергей и Макар, она бросилась к обоим с таким видом, будто они принесли ответ на мучивший ее вопрос. Но ответа у них не было.

– Я не понимаю... – растерянно говорила Вероника, крутя в руках мятную веточку: запах успокаивал ее. – Не понимаю. Столько оперативников в деревне, следователь из города приехал, и все равно не могут найти убийцу! В Игошине живет всего полсотни человек, может быть, чуть больше. Почему же милиция ничего не делает?!

Бабкин собирался заметить, что милиция тут ни при чем, но Макар опередил его:

– Вероника, они все делают, – убедительно проговорил он. Женщина недоверчиво подняла на него голубые глаза, которые, казалось, за последние дни стали сероватыми. – Дело вовсе не в том, сколько человек живет в Игошине. Да хоть бы и десять!

– А в чем же?

– От любого преступления ведут два пути. – Макар покосился на Бабкина. – Сергей гораздо лучше меня знает и может объяснить.

– Сам расскажешь, – качнул головой тот.

– Во-первых, люди, – продолжал Илюшин. – Преступник разговаривает с жертвой, его видят свидетели, он проговаривается знакомым, связывается с перекупщиками, чтобы сдать вещи, если речь идет о воре. Любой из людей, с которыми общался убийца, мог бы стать ниткой, ведущей к нему. Год назад я шел по следу девушки, которая исчезла из Москвы, присоединившись к секте, за четыре года до начала нашего расследования. Группа продвигалась по лесам, старалась не привлекать к себе внимания. Но в каждой деревне, куда все-таки сектанты порой заглядывали и столько времени спустя, находился человек, который рассказывал мне о них. В каждой! Священник, пожилая женщина, ребенок

– все эти люди один за другим вели меня к тому месту, где девушка умерла. Но в нашем случае таких свидетелей нет.

– Или оперативники не могут их найти! – с отчаянием проговорила Вероника. – Я думаю, что Лесник и был такой ниточкой, поэтому его и убили.

Илюшин кивнул.

– Возможно. Второй путь – вещи, – продолжал он. – Иначе говоря, следы. Нет идеальных преступлений, что бы там ни писали в детективных романах. Человек, убивший вашу мать, Вероника, должен был оставить отпечатки в доме. Тот, кто ударил Лесника, унес с собой топор – его собственный топор, кстати. На траве были следы ног. Оперативники работают грамотно: они ищут людей и следы. Не их вина, что у них ничего не получается, потому что на самом деле единственное, что могло бы им помочь, – тот самый топор, а вы же знаете, как легко спрятать его в деревне.

– А наволочка? – неожиданно подала голос Маша, сидевшая не за столом, а в углу. – Макар, почему вы ничего не говорите про наволочку? Она ведь тоже улика. Вдруг вы ее найдете... или оперативники? Тогда станет ясно, кто убил Юлию Михайловну?

Макар взъерошил волосы и покачал головой.

– Не хочу вас расстраивать, – мягко проговорил он, – но я сомневаюсь, чтобы на наволочке были действительно важные следы, по которым можно найти убийцу.

– Зачем же тогда он унес ее?

– Затем, что слишком много телевизор смотрел, – ответил Бабкин вместо Макара.

– Именно, – подтвердил Илюшин. – Думаю, тут убийца перестраховался. Может быть, боялся, что на ткани будут отпечатки его пальцев. Но в качестве улики пресловутая наволочка... – с сомнением пожал он плечами. – Не знаю, не знаю...

В комнате наступило молчание. Вероника слишком сильно нажала на веточку, и та сломалась.

– Получается, – тихо сказала она, – что найти преступника невозможно?

Бабкин не стал отвечать. Сам он считал именно так.

– Почему же? Возможно, – раздался голос Макара, и Сергей удивленно взглянул на друга. Пока они не продвинулись ни на шаг в расследовании, не считая того, что узнали несколько неприятных деревенских тайн. – Мы с Сергеем довольно много сделали, – невозмутимо продолжал Илюшин, и

Бабкин еле сдержался, чтобы не пихнуть его под столом ногой. – Завтра или даже сегодня я поеду в город, потому что мне нужно кое-что выяснить. Вот тогда можно будет поговорить более предметно.

Он поднялся, сделал шаг к двери и остановился.

– Вероника, хочу вас предупредить, – начал он, и женщина резко повернулась к нему. – Когда мы найдем убийцу вашей матери, улики против него, скорее всего, не будет – по причинам, которые я привел. Поэтому в процессуальном плане наше расследование даст немного. Здесь стоит рассчитывать только на прокуратуру.

– Я буду знать, – прошептала Вероника. – Важнее всего мне знать самой. Знать наверняка.

– Тогда подождите немного, – небрежно проговорил Макар. – Всего лишь несколько дней.

Сергей догнал его у дороги.

– Что! Ты! Им! Плел! – рывкнул он шепотом, потому что боялся, что его громогласный вопль услышат в доме. – Макар, какой «предметный разговор»? Какое «продвинулись в расследовании»?

– Знаешь, меня это дело заинтересовало, – невозмутимо изрек Илюшин. – Поэтому я действительно собираюсь съездить в город – развеяться, подышать смогом. Можешь распаковать свою тачку – отвезешь меня сегодня вечером.

– Какого хрена?! – не сдержавшись, возопил Бабкин. – Макар, мы ничего не узнали и не узнаем! Егорова отпустят, потому что против него улики косвенные, смешные.

– Но им ведь нужно не это, – обернулся к нему Макар. – Веронике с Марией. И, между прочим, мы с тобой уже многое узнали.

– Что?! – Сергей беспомощно остановился посреди дороги. – Вытащили скелеты из шкафов? Испачкались в чужом грязном белье?

– Фантазии тебе не хватает, Серега, – с сожалением признал Илюшин, беря его за руку и переводя через дорогу, как ребенка. – Ты опираешься на классические правила расследования, которым тебя в институте учили.

– Потому что других нет! Нет других правил, Макар, ты же сам им, – он кивнул на дом Егоровых, – все объяснил! У нас ни улик, ни свидетелей. При чем здесь фантазия?!

– При том, мой многокилограммовый друг, – Макар открыл калитку и зашел во двор, оставив Бабкина снаружи, – при том, что при отсутствии объективных данных все, что тебе остается, – это нафантазировать преступление. А потом посмотреть, к чему подойдет твоя фантазия. Или к

кому. Вот и все. Легко и просто.

Он заметил тетушку Дарью, бредущую по огороду с ведром, и поспешил ей на помощь. Сергей постоял, возвышаясь над забором, помотал головой, как будто его слегка стукнули по ней, и пошел за ним следом, не обращая внимания на знакомое лицо, прмелькнувшее в двух шагах от него.

А человек, проходивший по улице мимо Макара и Сергея, бегло глянул на них и задержал шаг около дома Вероники. С того места, где он остановился, видны окна веранды, а он хорошо знал, что хозяйева всегда едят и готовят там. Людей на веранде нельзя было разглядеть, но он был уверен, что они именно там. Может быть, все, а может, только она одна. При мысли о ней он сжал кулак так, что старая трещинка на указательном пальце начала сочиться кровью, хотя пару дней назад затянулась кожей. Он слизнул кровь, стараясь подольше задержать во рту солоноватый вкус.

Он недавно видел ее – она шла по дороге, и походка у нее была такая, будто она вот-вот начнет танцевать или взлетит. Вчера она так не ходила. И губы у нее были не такими припухлыми, и глаза не такими сонными, лениво жмурящимися.

Похотливая сучка. Как и все они. Ее страх в последний раз придал ему столько сил, что он хотел пережить то ощущение еще раз, но пока не придумал, как лучше все провернуть. Появились новые помехи, к тому же после случившегося она была настороже.

«Надо попасть в дом, – понял человек. – Когда там никого не будет. Она попытается кричать...» Он представил, как зажимает ей рот, и улыбнулся. Скорей бы, скорей... А потом убежать – и ищи-свищи ветра в поле! Никто никогда его не найдет. Никогда.

Только сначала нужно осуществить то, что хочется, отчего он становится сильным, как зверь. Он доказал самому себе, что сильнее всех в этом месте, что умнее всех – потому что его не могут найти, сколько ни стараются! Осталось доказать только ей.

Перед отъездом Макар вздумал зайти к старушке Липе Сергеевне и познакомиться с ней и ее супругом. На вопрос Бабкина: «Зачем?» – Илюшин пожал плечами.

– Посмотреть своими глазами, – объяснил он. – Хочу лично убедиться в том, что милые супруги – пара кровососов, а не червячки-миномуси.

– Кто? – не понял Бабкин.

– Пусть будут голубки, чтобы тебе было понятнее, мой

непросвещенный друг, – вздохнул Илюшин, придавая физиономии выражение высокомерного превосходства.

– Я щас из тебя самого сделаю червячка-миномуси! – пообещал Бабкин, придвигаясь к нему. – И трудиться особенно не придется – ты и так худой, как червяк.

Макар хохотнул и умчался из дома, перепрыгнув через две ступеньки на крыльце.

«Взрослый парень, а ведет себя как мальчишка, – вздохнула Дарья Олеговна, глядя ему вслед. – Но вообще-то и Сережа такой же... А, бог с ними, с обоими. Лишь бы зубами во сне не скрипели».

На этой удивительно логичной для себя мысли она остановилась и обернулась к сараю. Дверь скрипит, как же она могла забыть! И тетушка Сергея направилась за масленкой.

Илюшин зашел к соседям безо всяких церемоний, потому что калитка была открыта. С заднего двора доносился стук топора, и Макар направился туда. Завернув за угол, он остановился и с интересом воззрился на открывшуюся его глазам картину.

Липа Сергеевна, маленькая костлявая женщина, колола дрова. Она негромко шмыгала, поднимала топор и резко опускала его на стоящее перед ней полено. «Кряк», – говорило полено и разваливалось. Иван Петрович относил дрова в сторону, под навес, а его супруга принималась за новое полено.

Макар поздоровался и пять минут распинался перед супругами, предлагая услужить им и привезти из города что-нибудь необходимое. Старики улыбались, переглядывались и благодарили. В результате Макар унес с собой пожелание привезти четыре пары хороших резиновых перчаток и заходить к ним почаще.

– Ну что, составил свое мнение, выдающийся сыщик? – скептически спросил Бабкин, занявший диванчик Макара. – Нормальные старики, что бы ты там ни говорил.

– Да, миляги, – нехотя признал Илюшин. – Я ошибался, полагая их кровососами. И похоже, что очень заботятся друг о друге. Между прочим, ты знал, что старушка Липа управляется с топором легко и непринужденно?

– Понятия не имел. Я думал, у них муж дрова колет.

– Так ведь у Ивана Петровича поясница больная, – высунулась тетушка Дарья из соседней комнаты. – Он вообще на ладан дышит... Вот уже двадцать лет.

– А ты не подслушивай! – быстро обернулся к ней Бабкин, и Дарья Олеговна исчезла. – Миляги милягами, Макар, но ключ от своей бани они Балуковым дали. Не могут же они не знать, как их баню используют.

– Я как раз и собираюсь выяснить, – туманно высказался Макар и повесил сумку с вещами на плечо. – Вези меня, мой верный Буцефал.

– Хорошо хоть, что не Росинант... – фыркнул Бабкин. – Насколько мне помнится, тот был жалкой клячей.

Глава 19

Илюшин не рассказывал Бабкину о цели своей поездки, но Сергей понимал, что Макар собирается выяснять детали биографий тех, кто окружал Ледянину в последнюю неделю ее жизни.

«Не получится у него ничего, – думал он с пессимизмом. – Все люди – на виду, ничего не скрывают. Кроме Балукowych. Но и у тех ничего криминального – один пакостный разврат. Несерьезно это все, детская игра. Точно, Макар просто заигрался, хочет из ничего преступление раскрыть».

Если Макар и впрямь собирался заниматься именно раскапыванием фактов, в чем Бабкин был уверен, поскольку перед отъездом Илюшин узнал у тетушки и записал на бумажке фамилию Липы Сергеевны и Ивана Петровича – Мещеряковы, то обратно не скоро вернется. «С нужными людьми связаться – день, – прикинул Сергей. – Дождаться, пока они все выяснят, – два. И сюда добраться – три. Значит, Макар должен быть в Игошине в лучшем случае через четыре дня, то есть в пятницу. А скорее всего, через неделю, потому что на каком-нибудь этапе обязательно получатся задержки».

Поэтому, услышав в среду позвякивание велосипедного звонка, выглянув в окно и обнаружив гордо восседающего на стареньком велосипеде Макара, Бабкин от изумления уронил ложку в борщ и забрызгал тетушкин передник.

– Что ж ты делаешь-то, прохвост! – возмутилась Дарья Олеговна, еле сдерживая в себе желание стукнуть великовозрастного племянника ложкой по лбу, как она порой делала в юности. – Ты мне его отстирывать будешь?!

– Я тебе новый подарю, с голым президентом, – пообещал Сергей, выскакивая из-за стола.

Дарья Олеговна попробовала представить голого президента и скептически хмыкнула:

– Президент голым не бывает. Он даже в постели с супругой – при исполнении государственных обязанностей. – И прибавила сочувственно: – Бедняжка...

Потом заметила, что племянника уже нет в комнате, покачала головой и принялась доедать остывающий борщ.

Макар дождался, пока Бабкин появится на крыльце, неторопливо слез с велосипеда и завел железного коня во двор, поглаживая ржавый руль.

– Может, ему сена задать? – предложил Сергей с крыльца.

– Он кормленный, – с достоинством отказался Макар. – Но если тебе хочется проявить участие, можешь покормить его сахаром. Тогда твоя тетя получит окончательное подтверждение тому, что шизофрения коснулась тебя мягким белым крылом.

– Почему белым? – спросил Бабкин, заржав.

– А фиг его знает, – честно ответил Илюшин, плюхаясь на ступеньку. – Захотелось мне так!

– Ну, рассказывай! – поторопил его Сергей. – Почему ты не на автобусе? Что разузнал?

– Ты, голубчик, доброго молодца сначала помой, – строго заметил Макар, – потом покорми, потом... В общем, не помню, что потом, но первые два пункта прошу соблюсти!

– А, фиг с тобой, – сдался Бабкин. – Иди, полощись. Смывай трудовой пот. Добрый, блин, молодец...

Спустя двадцать минут умытый и переодевшийся Макар уплетал борщ, рассказывая подробности своего возвращения в Игошино:

– Ваш автобус, Дарья Олеговна, который должен ходить по расписанию два раза в сутки, отменили. Причем отменили на один день – именно на сегодняшний.

– Как же ты тридцать километров-то добирался? – ужаснулась тетушка Дарья.

– С комфортом, – не стал лукавить Макар. – Первые десять километров меня подвез джип, следующие четырнадцать – «Жигули». До Малаховки.

– А в Малаховке ты стибрил велосипед, – догадался Бабкин и поймал осуждающий тетушкин взгляд. – Правильно, одним преступлением больше, одним меньше...

– Макар ничего тибрить не стал бы! – бросилась тетушка на защиту Илюшина. – Если взял – значит, нужно было. Не топать же пешком семь километров по жаре-то!

– Не тибрил, конечно, – успокоил ее Макар. – Добрые жители, представьте себе, сами вручили велосипед и разрешили вернуть, когда мне будет удобно. А вы говорите – люди стали злые...

Он доел борщ и выжидательно посмотрел на Дарью Олеговну.

– Сейчас, Макарушка, сейчас картошечка будет, – захлопотала та. – Давай тарелку.

– В общем, добрался ты хорошо, – подытожил Бабкин. – Я уверен, что мне бы никто велосипед в Малаховке не дал. А ты у нас выглядишь

молодо, невинно...

– Беззащитно, – подсказал Илюшин. – При взгляде на меня у восьмидесяти процентов женщин просыпается материнский инстинкт.

– Что разузнал, беззащитный ты наш? – спросил Сергей. – Делись наконец информацией.

Макар мигом стал серьезным. Теперь он не был похож на студента-третьекурсника, легкомысленно болтающего с другом. Вошедшая с тарелкой картошки Дарья Олеговна тут же уловила перемену, молча поставила на стол тарелку и отсела в сторону, на диван.

– С кого начинать? – спросил Макар. – Новости есть обо всех.

– Начинай с Мещеряковых, – попросил Бабкин.

– Не вопрос. Твои Мещеряковы, Липа Сергеевна и Иван Петрович – милейшие старички, как ты утверждал, – бывшие разбойнички. Правда, не с большой дороги, а из малых подъездов, что сути дела не меняет.

– Как?! – ахнула Дарья Олеговна, забыв о своей роли молчаливого слушателя. – Как – разбойнички?!

– Гопстопники, – объяснил Макар. – Работали в семьдесят втором году. Липа Сергеевна выбирала жертву – даму, одетую поприличнее, – просила ее помочь застегнуть в подъезде расстегнувшийся бюстгальтер. Та соглашалась, причем почти всегда, потому что ваша Липа – неплохой физиономист. В подъезде добрую женщину ожидал Иван Петрович – тогда еще, я полагаю, не лысый. Ее тюкали по голове, раздевали, обирали, оставляли валяться на лестнице и уходили. Вся операция занимала пять минут.

– И долго они трудились? – спросил Бабкин, стараясь скрыть, насколько новость поразила его.

– Полгода. Для таких тупых преступлений очень много. Они даже ничего не меняли в сценарии – в показаниях жертв всегда фигурировал бюстгальтер. Я думаю, что до того они промышляли чем-то другим, но доказательств нет. Взяли их случайно, когда сосед последней жертвы вышел гулять с собакой в неурочное время.

– Какая собака была? – машинально спросил Бабкин, размышляя о своем.

– Бульдог, – не задумываясь, ответил Макар. – Ивана Петровича пес сильно покусал, потому что тот сопротивлялся, а Липа Сергеевна убежала. Но ее быстро взяли, и обоих надолго посадили. Она освободилась на два года раньше, а после его освобождения супруги опять встретились и стали жить вместе. Кстати, расписаны они были еще до заключения.

– Романтично, – буркнул Бабкин.

– Очень. Я не ошибся, когда предположил, что старички привязаны друг к другу. Последние десять лет они живут в Игошине, хотя в городе у них есть небольшая квартирka. Ни в чем противозаконном замешаны не были.

– Замечены, – поправил Сергей.

– Согласен, так точнее. Мы с тобой знаем, что наши тихие старички из всего стараются извлекать прибыль – даже с Егоровых берут за помывку в бане деньги, причем вовсе не символические.

Дарья Олеговна опять тихо охнула – новость о деньгах она услышала впервые.

– Уверен, что и Балуков им платит, – хмуро произнес Бабкин. – Преступлений они не совершают, но денежку делают на всем, видно, по старой привычке. Чем могла помешать им Ледянина?

– Ничем. – Макар говорил уверенно. – Они не делают ничего противозаконного, а их прошлое никого не касается. Дарья Олеговна, если бы в деревне узнали о прошлом Мещеряковых, им бы что-нибудь грозило? Я спрашиваю, потому что не знаю ваших порядков. Могли бы дом их сжечь, к примеру?

Дарья Олеговна покачала головой:

– Нет, Макарушка. Удивились бы все сильно. Думаю, в гости звать их перестали. И все.

– Вряд ли ходить по гостям для них так заманчиво, чтобы из-за этого убивать, – засомневался Бабкин.

– Если они не готовили ограбление века, – задумчиво проговорил Илюшин.

– Угу, ограбление века. Кражу внутреннего глаза, роговой оболочки и хрусталика. Макар, кого здесь грабить?

– Не знаю, поэтому пока версию не отбрасываем. Вдруг тут у кого-нибудь в избе подлинник Виже-Лебрен висит на стене? Хотя сомнительно, конечно.

– А с Царевыми что? – вздохнул Бабкин. – Выкладывай, не стесняйся. Старшая – медсестра-убийца, а ее дочь – пожиратель трупов? После Мещеряковых могу предположить только что-нибудь жуткое.

– Нет, с ними ничего криминального. – Макар вынул из кармана аккуратно сложенный листок и пробежался по нему глазами. – Но два года назад Светлана Валерьевна Царева отдала своего сына Егора Царева в детский дом и написала отказ от мальчика.

– Ребенка?! – прошептала Дарья Олеговна, которую это известие поразило больше, чем биография соседей. – Своего ребенка отдала в

приют? Как же так?! Он же маленький, больной...

– Потому и отдала, что маленький и больной. – Макар свернул лист и сунул обратно в карман. – У него диагнозов – на половину страницы, если мелкими буквами писать. Но мать заставила ее – или упросила, я не знаю, – взять мальчика обратно. Это было сложно сделать, там какие-то свои правила: если ты подписал отказ от ребенка, то лишаешься родительских прав. Но мать с дочкой сумели отыграть назад – подозреваю, не без помощи взятки. А может быть, директриса детского дома пошла им навстречу, если они быстро спохватились. В общем, Егора им вернули. Спустя год Светлана, похоже, покушалась на самоубийство, но информация непроверенная.

– А кто отец мальчика? – поинтересовался Бабкин.

– Не знаю, – развел руками Макар. – Я не фокусник. Все, что можно было, выяснил, но на подробности личной жизни ушло бы в четыре раза больше времени. Могу предположить, что кто-то из знакомых Светланы, из тех, с кем она общалась постоянно. Хочешь – спроси у нее самой.

– Не хочу, – отказался Бабкин. – Тяжелая история.

– Тяжелая, – согласился Илюшин. – Итак, что мы имеем в результате? Мы имеем в каждой семье из тех, с кем общалась Ледянина, свои скелеты. Один мы узнали самостоятельно, – выразительно посмотрел он на Сергея, – другие нам помогли узнать. Теперь внимание, вопрос: кто стал бы душить Юлию Михайловну подушкой, если бы она выяснила то, что выяснили мы?

– Балукова, – без тени сомнения ответил Бабкин. – Или Балуков.

– Угу, – кивнул Макар. – Для Балуковых семья – святое, основа основ. Внутри они могут делать все, что вздумается, но внешне целостность не должна нарушаться.

– К тому же о них узнать легче всего, – добавил Сергей, поразмыслив. – Об остальных нам пришлось наводить справки, а этих прелюбодеев Ледянина могла просто-напросто выследить.

– С ее любовью к подглядыванию за чужой жизнью – элементарно. Вот только как выяснить, кто именно из них убийца?

Сергей помолчал, потому что думал он о другом, и это другое волновало его больше, чем вопрос об убийце, которого так умоляла найти Маша.

– Неприятно на своей шкуре проверять самые банальные вещи, – нехотя сказал он. – Живешь рядом с людьми, кажется, хорошо их знаешь... А копни поглубже – и у каждого такая темная сторона показывается, что лучше бы о ней и не знать. Маша говорила, что Ледянина именно темную

сторону у людей видела. Три семьи живут по соседству, и за каждой грехи. Неужели у всех так, а, Макар?

– Ты бы философствовал поменьше, – прозаически посоветовал Илюшин, и Бабкину стало легче, как будто в него плеснули холодной водой в жаркий день. – Нет, Серега, не у всех. У Егоровых нет, я уверен.

– А я не уверен... – пробормотал Бабкин, вспомнив Ольгу Балукову сдохлыми мышами и опять впадая в мрачное состояние. – Смешно получается! – Он поднял голову и смотрел на Макара с невеселой улыбкой. – Из всех, кто живет вокруг, свой черный чуланчик есть у каждого. Кроме разве что тетушки. – Сергей перевел взгляд на нее, и улыбка из невеселой стала искренней, доброй. – Слава богу, хоть тебя, тетя Даша, не за что подозревать.

Дарья Олеговна молчала, глядя на племянника, страдальчески сжав губы.

– Тетя? – недоверчиво переспросил тот. – Тетя Даша?

Макар пару секунд пристально смотрел на женщину, а затем тихо положил вилку на тарелку с картошкой, которую собирался съесть. Аппетит у него пропал.

* * *

Елена Игоревна Царева закрыла внука одеялом, подоткнула со всех сторон и привычно перекрестила. Уснул, слава тебе господи. Полчаса можно отдохнуть, домашними делами заняться. От Светланы никакой пользы, она совсем безрукая.

Шагнув в темную комнату, где стояли небольшая плитка и урчащий холодильник, Елена Игоревна с удивлением обнаружила на ступеньках, ведущих к чердаку, белые ноги. Одна нога нащупывала ступеньку и каждый раз промахивалась. Царева ухватила ее за ступню и поставила на нужное место. Сверху выдохнули, на голову ей посыпалась пыль, и голос дочери осторожно спросил:

– Мам, это ты?

Елена Игоревна и отвечать не стала. Она подождала, пока дочь спустится, и недобро усмехнулась:

– Что, теперь на чердаке отсиживаться решила? От меня прячешься?

– Да ну тебя, – покраснела Светлана. – Там в углу, под крышей, гнездо. Я птичку видела снаружи – маленькую, с красной грудкой, – она червяков приносит, а из гнезда пицат. Мне захотелось птенцов посмотреть, но их с

чердака не видно: балка мешает. Только писк слышно, совсем рядом, – призналась она и еще больше покраснела.

Мать поглядела на нее, покачала головой и отвернулась.

– Я супчик сварю Егору, – не оборачиваясь, сказала она, наклоняясь к холодильнику. – А ты пока за ним присмотри. Вдруг проснется?

Тихие шаги, скрип двери – и дочь исчезла из комнаты.

Плохо. Все было очень плохо. Елена Игоревна шестым чувством ощущала, как дочь выходит из-под ее контроля. «Все ей во благо, – с тоской думала Царева, – все ради нее и Егора. А она?» Елена Игоревна понимала, что является моральным стержнем их маленькой семьи, но вот финансовым, увы, была Светлана, потому что маленькую пенсию Елены Игоревны просто смешно брать в расчет. «Если бы я зарабатывала, а не она, – мечтала Царева, – вот тогда Светлана не посмела бы своевольничать. Знает, что мы с Егором от нее зависим, никуда не денемся...»

Женщина отложила половник в сторону и опустилась на корявую табуретку возле холодильника. Оперлась на него – и спину сразу захолодило. Больше всего Елена Игоревна боялась теперь двух вещей – самоубийства дочери и того, что Светлана опять отдаст Егора, на сей раз окончательно.

Ей вспомнилось, как она нашла дочь лежащей в теплой ванне с блаженным лицом, и как сразу, в одно мгновение поняла, что та собирается сделать. Воспоминание заставило ее горестно сморщиться. Крики дочери, ее собственные вопли и то, как выдирала бритву из ставших неожиданно цепкими, как птичьи когти, рук – все смешалось в голове в один огромный грязно-красный ком. Она сильно порезала себе пальцы, схватившись за лезвие, и Светлана, увидев крупные красные капли, быстро стекающие в мутноватую воду, вдруг потеряла всякую волю к сопротивлению. Воспользовавшись этим, Елена Игоревна со всей силы ударила ее по лицу, отобрала бритву окончательно, заклеила пальцы пластырем и взмолилась: «Господи, ни о чем не прошу – только дай силы и мне, и ей!»

Светлана так и осталась сидеть в ванне, и плечи ее изредка подергивались, как от судороги, пока мать не вытащила ее и не доволокла до кровати. Ноги у дочери подгибались, словно ватные, и пришлось Елене Игоревне дать ей еще одну пощечину, потому что на полпути Светлана начала заваливаться в обморок.

«Но ведь пришла же она в себя, пришла! – будто оправдываясь, воскликнула мысленно Царева. – День лежала, как мертвая, а потом я ее устыдила, позвала на помощь, и она встала...» О том, что спустя четыре месяца после попытки самоубийства Светлана недрогнувшей рукой отвела

Егора в тот страшный дом, Елена Игоревна старалась не вспоминать. Слишком тяжело пришлось ей потом – так тяжело, что приятельница, встретив Елену Игоревну спустя полгода после их последней встречи, ахнула, всплеснула руками и долго вглядывалась в иссушенное, застывшее лицо, словно надеясь разбудить в нем что-то. Напрасно. Елена Игоревна суховаато поговорила с ней и заторопилась домой – к дочери и внуку.

«Мать нужна Егору, – в отчаянии думала Царева. – Не бабушка, а мать. Что же делать, как Светлану и Егора уберечь? Господи, спаси, вразуми, наставь на путь истинный!»

Она выключила закипевший бульон, подумала и начала подниматься по ступенькам на чердак. Ступеньки были грязные, заваленные всяким хламом, но Елена Игоревна все-таки залезла на чердак и осторожно, наклоняя голову, чтобы не удариться о низкие балки, подошла к тому углу, из которого доносился писк.

– Смотри-ка, и в самом деле птенцы, – негромко сказала она самой себе и слабо улыбнулась. Присела на корточки и увидела под самым углом ската край гнезда. Словно почувствовав ее приближение, птенцы замолчали.

Царева посидела немного, вглядываясь в темноту под скатом, в которой замерли, притаились крохотные существа. Лицо ее опять стало мрачным, морщины на лбу обострились. Она перекрестилась, тяжело поднялась и пошла обратно.

Светлана, сидевшая около кровати Егора, услышала шаги на чердаке и подняла голову.

– Спи, Егорушка, спи, – успокаивающе сказала она, хотя мальчик не просыпался. – Все хорошо будет. Вот сейчас бабушка придет, про птенчиков тебе расскажет. Да я тебе и сама расскажу. Высидела птичка маленьких птенчиков, четверых маленьких птенчиков, и всех их очень любила. А один птенчик был больной. Совсем больной, летать не мог. Остальные птенцы выросли, улетели, стали сами себе корм добывать. Тяжело было птичке, Егорушка, знаешь как тяжело... Птичка умереть хотела. Хотела, чтобы ее коршун съел, или думала о камне разбиться. А потом вспомнила про своего детеныша, и стало ей стыдно. «Что же я, думает, за птичка, если не могу своего птенчика больного выкормить». И осталась с ним. Так они и жили – птичка и птенчик. И, знаешь, Егорушка, они ведь хорошо жили. Птичка искала букашек, а птенчик подрос и чирикать начал. И ты подрастешь, начнешь говорить и петь будешь, и станем мы с тобой жить, мой маленький, как две птички...

Она рассказывала спящему сыну что-то еще, не вслушиваясь в свои

слова и не замечая, что за спиной у нее стоит мать. Стоит, изо всех сил сдерживая слезы, пытаясь проглотить ком в горле, который душил ее, не давал сказать ни слова, подойти к дочери и обнять, прижать к себе, погладить по мягким светлым волосам. Светлана все рассказывала, рассказывала – про птичку, про птенца, про теплые страны, в которые они полетят вдвоем, а ее старая мать беззвучно плакала в двух шагах от дочери, слушая историю, в которой ей не было места.

* * *

– Я ее знала, – сказала Дарья Олеговна, не глядя ни на племянника, ни на его друга. – Она была... Эх, да что уж там скрывать – столько лет прошло! Она была Бориной любовницей.

– Дяди Бори? – недоверчиво уставился на нее Бабкин. – Ледянина была любовницей твоего мужа?

– Была, была... – обреченно подтвердила тетушка. – Тут, в общем-то, и удивляться особенно нечему: Борька много чего позволял себе, да я на все глаза закрывала. Понимала, что не всерьез его развлечения. Но когда он ее, стерву, встретил, все у него по-другому завертелось, не так, как он привык.

– А вы откуда узнали? – быстро спросил Макар.

– Да как не узнать, если он сам мне все и рассказал, – вздохнула Дарья Олеговна. – Пришел, плакал, в ногах валялся. Отпусти, говорит, люблю ее очень! Никогда я его раньше таким не видела. Знаешь, Сереженька, мне до того жалко стало его тогда, что я и о себе не думала: иди, говорю, ведь и себя измучаешь, и меня. Он вещи собрал и ушел.

Женщина замолчала, вглядываясь в блики света на полу, словно надеясь разглядеть в них что-то. Бабкин и Илюшин молчали, не торопили ее.

– Я, стыдно сказать, не выдержала, – продолжила Дарья Олеговна. – Захотелось мне на нее посмотреть. Когда Боря уходил, он мне адрес оставил, вот я и отправилась... по адресу.

– И какая она была... в молодости? – спросил Макар.

Тетушка Дарья подумала немного, потом сказала:

– Знаешь, Макар, не сказать, чтобы красивая. Яркая очень. Вроде смотришь – дешевая баба, а приглядишься, и сам не понимаешь, почему оторваться не можешь. Жизни в ней было много, вот что. Долго я там стояла, смотрела на нее – она во дворе на скамейке сидела, прохожих задирала. Кого задирала, с кем кокетничала... Потом Борька с работы

вернулся, я и убежала, пока он меня не заметил. Стыдно стало – самой сорок лет, а бегаю, за соперницей подглядываю, как девчонка.

– А потом что было? – спросил Сергей сочувственно. – Он ведь вернулся, тетя Даш, я знаю.

– Да ничего ты не знаешь. Не вернулся он!

– А как же...

– Не он вернулся, а выгнала она его! – Дарья Олеговна в сердцах ударила рукой по дивану, и пружины заскрипели. – Выгнала! Наигралась – и не нужен стал, вот в чем дело было! Когда Боря домой пришел, я сначала обрадовалась, а потом смотрю – лица на нем нет. Что, спрашиваю, тяжело тебе пришлось? Тут он мне все и рассказал. И знаешь, Сережа... Вот тут-то мне убить ее и захотелось.

Она подняла на племянника взгляд, и эхо прежней ненависти отразилось в нем.

– За то, что она, дрянь, с мужем моим сделала, – глухо сказала Дарья Олеговна, – убить было бы как раз по заслугам. То, что увела, в себя влюбила, – дело обычное, хоть и нехорошее. Но вот то, что она из Борьки все соки выжала за две недели, помучила его, а потом выбросила, как ненужную вещь, – такого простить нельзя.

– А ваш муж не хотел ей отомстить? – спросил Макар.

– Боря? Нет, не хотел. Эх, Макар, да он ничего не хотел – лишь бы она его к себе позвала, поманила, как собачонку. Гордость ему не позволяла самому прийти, ноги целовать, но я же видела, как он от каждого звонка дергается, как его в пот бросает.

– Она не позвонила?

– Позвонила, – усмехнулась тетушка Дарья. – Со мной поговорила, дрянь эдакая: «Борис Филимонович дома? Позовите его, будьте так любезны». А Борька аж побледнел весь, когда понял, с кем я говорю. Трубку у меня из рук тянет, а у самого пальцы дрожат. Выслушал ее, покивал, сказал: «Да-да, я понял, завтра принесу». Разговор окончил, ко мне повернулся – а глаза у самого жалкие, собачьи... Денег она у него просила, вот зачем звонила.

– И он дал? – изумился Сергей.

– Конечно, дал, куда бы он от нее делся! Назавтра и побежал. Отнес, вечером с работы вернулся, на кровать лег лицом к стене и говорит: «Дашенька, прости меня. Я тебе обещаю, что больше с ней разговаривать не буду. И искать ее не буду, и из мыслей постараюсь выкинуть».

Дарья Олеговна издала смешок, больше похожий на всхлип.

– Лежит Боря, разговаривает, будто со мной, а я-то понимаю: он не со

мною, он с душой своей разговаривает, только сам этого не видит. Сам себе обещает: не буду, мол, больше, искать ее, не буду плакать из-за нее. Жалко мне его стало – хоть волком вой. И вот тут-то я и поняла, откуда в ней, твари, жизнь берется. Она из других людей ее высасывала, ей-богу! У тех, кто сильно любил, брала много, так что им самим почти ничего уже не оставалось. У тех, кто послабее, – поменьше. Но каждого обделила, каждому жизни меньше оставила – чтоб самой радоваться, самой мужиков приманивать, как на огонек. Вот когда я это поняла, тогда и захотела ее убить.

Дарья Олеговна замолчала, и в наступившей тишине Макар обыденно спросил:

– А почему же вы ее не убили, Дарья Олеговна? Или вы убили?

Сергей дернулся, но ничего не сказал. Сжавшись, он ожидал ответа тетушки, сидевшей напротив него на стареньком диванчике. «Тетя, пожалуйста...» – мысленно начал он, сам не зная, о чем собирается попросить ее. Но Дарья Олеговна посмотрела на Макара, грустно улыбнулась, и он сразу понял, что можно ни о чем не просить.

– Нет, Макарушка, не убивала. А тогда не убила потому, что понимала: меня поймают, обязательно поймают, а я Борю своего оставить не могу. Ты сам подумай: если бы меня посадили, он и вовсе бы не выдержал. Себя бы винил, как пить дать. Что я, мужиков не знаю, что ли? Не могла я на него такую ношу возложить. А потом, когда здесь ее увидела, прислушалась к себе и подавно не стала. Бореньки нет давно, у меня жизнь своя... – не городская, а деревенская. Если подумать, то мне от стервы даже польза была.

– Какая польза?! – не поверил своим ушам Бабкин. – Тетя, ты о чем? Она же тебе жизнь испохабила!

Дарья Олеговна снисходительно улыбнулась.

– Боре она жизнь испохабила, твоя правда. И мне тоже, конечно, но я ведь поняла кое-что, когда с нами та беда случилась. Поняла, до чего сильно Борю люблю. Двадцать лет мы с ним к тому времени прожили, я уж думала, что просто привыкла – ан нет, не в привычке было дело. В любви, Сереженька. В любви. Она сильнее ненависти, хотя иногда и по-другому кажется.

Она встала со своего диванчика, взяла тарелку с остывшей картошкой, стоявшую перед Макаром, и вышла на кухню.

Макар, задумчиво изучавший узоры на ковре, перевел взгляд на молчащего Сергея и негромко сказал:

– Знаешь что, Серега... Когда в другой раз будешь у меня про темную

сторону людей спрашивать – свою тетю вспомни. Может, тебе легче станет.

Он поднялся и вышел вслед за тетушкой Дарьей – сказать, что картошку можно не подогревать.

Глава 20

Сегодня. Я сделаю это сегодня. И плевать мне на людей в доме, на ментов, шныряющих вокруг, – плевать на всех, кроме нее. Но ее страха мне теперь недостаточно. Я понял это в последний раз, когда она была напугана, но мне не стало так хорошо, как хотелось.

Я хочу ее. Всю, целиком. Нужно сесть и спокойно подумать, как бы лучше все осуществить, но у меня не получается. В паху тянет остро и так мучительно, что хочется бросить все и бежать туда, к ней, – и ударить ее, чтобы она потеряла сознание, а потом сделать с ней все то, что я собирался...

Кто-то идет. Мне нельзя выдавать себя. Я умнее их всех – потому что меня никто не нашел. И никто не найдет, когда я сделаю то, что хочу. Они все очень удивятся, потому что ни один из них не подозревает меня, и даже не может представить, глядя на меня, на что я способен. Раньше меня это огорчало, но теперь-то я понимаю, как это хорошо.

Вы все будете завидовать мне.

* * *

С утра Александр Александрович Мазаев был в ярости. Во-первых, столбик градусника с семи часов начал ползти вверх и к половине девятого остановился на тридцати двух градусах. Жару Мазаев ненавидел, но если в городе ее можно было пережить при помощи кондиционеров, то в той дыре, где он вынужден сидеть уже который день, рассчитывать на благо цивилизации не приходилось. Значит, снова будет болеть голова, рубашка пропахнет потом, аппетит проснется только ночью, когда кормить его, следователя Мазаева, никто не разбежится.

Вторая причина, почему Александр Александрович пришел в ярость, заключалась в сообщении игошинских оперативников. Казалось бы, ничего особенного в нем не было: по заданию Мазаева оперативники Валерий Низовцев и Алексей Полошин осмотрели пруд, находившийся за домом убитого Лесникова, и доложили, что ничего в нем не обнаружили. Собственно, Мазаев и не особенно рассчитывал найти в пруду орудие убийства – это было бы слишком просто, а он вот уже два дня как понял, что ничего простого от столь поганого дела, как нынешнее, ожидать не

стоит.

Злился он не поэтому. А потому, что распоряжение исследовать пруд он отдал накануне поздно вечером. А оперативник отчитался перед ним в восемь утра.

– А скажи мне, Валера... – вкрадчиво заговорил Александр Александрович, чуть морщась, потому что голова уже начинала болеть. – Скажи мне, Валера, сколько времени у вас ушло на то, чтобы осмотреть пруд?

Валера стоял около машины, и лицо его выражало глубокий пофигизм. Он не понимал, зачем Мазаеву потребовалось брать его за шкирку и вместе с ним на собственной личной машине с утра пораньше мчаться в Игошино, как будто у них не было других дел. Еще и Лешку прихватил. Третий оперативник, вместе с Мазаевым приехавший из города, сидел на заднем сиденье и, похоже, не собирался покидать душный «жигуленок».

– Ну... – Валера, пытался сообразить, какой еще гадости ожидать от чокнутого следователя. – В общем, около часа.

– Около часа. Ага.

Мазаев отошел от машины и сделал пару шагов к пруду. Из-под его ноги выпрыгнула толстая лягушка и бухнулась в воду. Мазаев тихо выматерился.

– Значит, вам хватило часа на то, чтобы осмотреть весь пруд, – подытожил он. – Ты хочешь убедить меня в том, что за час вы обыскали дно? – Голос его стал угрожающим, и Валера понял, что теперь его ждут неприятности. – И как же вы это сделали?

– Как-как... Глазами, – огрызнулся Валера.

Мазаев прошипел сквозь зубы что-то, Валера не разобрал. Да он особенно и не вслушивался.

– Мы все кусты обыскали, Александр Александрович, – вмешался Полошин. – И ближние заросли, и вон те, дальние.

– Умница, – ласково кивнул Мазаев. – Значит, и ближние, и дальние. А теперь слушайте внимательно: нужно было не кусты обыскивать, а нормально, по-хорошему протралить дно! Понятно? Потому что есть шанс, что убийца бросил топор именно в воду! Если это был топор, конечно...

– Хрен ли толку его искать? – буркнул Валера себе под нос, не сдержавшись. – Если и бросил, так на нем теперь все равно отпечатков нет.

– Ты, Низовцев, не пытайся головой думать, – резко сказал следователь, – а делай то, что тебе сказано. Василий Андреевич вам поможет.

– А как дно-то тралить? – растерянно спросил Алексей, крутя головой

во все стороны. – Вы нам костюмы подводные дадите?

Мазаев еле сдержался, чтобы не выругаться. Чертова жара! Чертовы идиоты! Каких же тупиц берут в оперативники...

– Я вам дам снаряжение, – бросил Александр Александрович, еле сдерживаясь. – Точнее сказать, вы его сами найдете. Ваше снаряжение – лодка и грабли. Надеюсь, дальше объяснять не надо? Василь Андреич! – крикнул он, и пожилой оперативник выбрался из машины. – Сориентируй ребятшек, а то сами они горазды только по кустикам лазить.

Опер флегматично кивнул, и Мазаев пошел в тень. Голова болела все сильнее.

– Что же, вот тут на лодке плавать и по дну граблями шкрябать? – сморщился Леша Половцев. Только сейчас он в полной мере осознал, чем придется заниматься по такой жаре, и мысленно посылал проклятия в адрес приезжего хлыща, который прохлаждался в ту секунду в тенечке. – Да мы до вечера не управимся!

– Если языком чесать не будем, то управимся, – спокойно возразил пожилой опер. – С вас лодка, ребяташки. Приступайте.

Вероника с утра была сама не своя – вздрагивала, не слышала, что говорят ей дети и Маша, уронила любимую Митину чашку, после чего чуть не расплакалась. Чтобы привести ее в чувство, Маша приказала ей прогуляться по саду, но получилось еще хуже: Вероника пошла не по саду, а по деревне, и недалеко от дома покойного Лесника наткнулась на следователя, который, как она знала, ведет теперь дело гибели Степана.

Измученная неизвестностью, Вероника бросилась к нему в полной уверенности, что уж он-то, молодой парень с высокомерным острым лицом, сможет рассказать ей, как идет расследование. А главное – скажет, что Юлю и Степана убил один и тот же человек. Ведь он же следователь, он не будет ей врать! Если следователь скажет: убийца – один человек, значит, Митя не виноват, вот что самое главное!

Но все вышло совсем не так, как она думала. Парень даже не смотрел на нее во время разговора, а сидел, сощурившись, и нехотя цедил слова сквозь зубы. Это Вероника пережила бы – как будто она не привыкла к хамству мелких чиновников, с которыми ей доводилось общаться в роли просительницы... Хуже, страшнее, невыносимее было другое: он не подтвердил ей то, что она рассчитывала услышать.

– Следствие идет, – сухо повторял он, пока она стояла рядом и пыталась выжать из него хоть что-то, хоть какую-нибудь информацию. – Ничего другого сказать вам пока не могу.

На лодке по пруду плавали двое ребят, тыкая в дно граблями. Вероника помнила их – они ходили по домам после смерти Юли. Лица у ребят были красные, и тот, что постарше, постоянно сплевывал в воду.

– Вы думаете, что мой муж виновен в убийстве? – беспомощно спросила она.

И Мазаев не сдержался. Его все раздражало с утра, а тут, словно мало ему было двух придурков-оперативников и ненавистной жары, приперлась жена подозреваемого и начала приставать с идиотскими расспросами, и блять что-то о его собственном мнении, которое, оказывается, было очень важным для нее.

– Какая разница, что я думаю? – повысил голос Александр Александрович. – Я ничего не думаю. Я расследую дело, и в данный момент вы мне мешаете. Что вам вообще от меня нужно?

Он не собирался ей грубить. Просто было очень жарко, у него болела голова, а те, в лодке, десять минут назад вытащили со дна кастрюлю, облепленную ряской, и с издевательскими смешками выкинули на берег. Один из придурков посоветовал направить ее на экспертизу: вдруг, мол, именно ею угробили бедного Лесникова. Поэтому Мазаев был очень, очень раздражен. Но грубить он не собирался, тем более что по-человечески ему было даже немного жаль растерянную светловолосую женщину, топтавшуюся около него. Просто ему и в самом деле нечего было ей сказать. Совершенно нечего.

Она сглотнула, тихо пробормотала: «Извините, пожалуйста» – и быстрыми шагами пошла прочь от озера. Мазаев посмотрел ей вслед со смешанным чувством жалости и презрения, но уже через секунду забыл и про беседу, и про саму Веронику. Болела голова, а двое посреди пруда опять вытащили какую-то старую рухлядь.

Увидев застывшее лицо Вероники, закрывающей калитку, Маша поняла, что ее план сорвался. Спросила негромко:

– Вероника, что случилось?

– Все нормально, Маш, – ответила Вероника, разуваясь. – Знаешь, давай детей будить. День будет очень жарким.

Услышав про жаркий день, Маша сообразила, что нужно делать. Она проскользнула в комнату, где последние две ночи спала Ирина, разбудила девушку и тихонько изложила свою идею.

За завтраком, пока сонные мальчишки ковырялись в тарелках с кашей, Ира предложила:

– Мам, а давай сходим на озеро? Мы умрем, если будем весь день в

саду сидеть!

– На озеро? – растерялась Вероника, занятая своими мыслями. – А как же... как же твоя учеба? У тебя экзамен через восемь дней!

– Сделаю перерыв, – пренебрежительно пожала плечами девушка. – Все равно я уже подготовилась, осталось только повторить. Начну с завтрашнего дня. Пошли, мам! Нельзя все время затворниками сидеть. Костя, ты хочешь на озеро?

– Хочу, конечно! – живо отозвался мальчик, с которым Маша тоже успела провести перед завтраком подготовительную работу. – Но только с бутербродами. Тетя Вероника, вы сделаете бутерброды?

– Я... я даже не знаю...

Вероника успела отвыкнуть от детей и не ожидала такого напора. Ей стало казаться, что они ведут себя бессердечно: Митя арестован, а они собрались на озеро! Но, оглядев всех троих, увидела, какими ждущими, требовательными глазами мальчишки смотрят на нее, и на секунду ей стало стыдно за собственные мысли. Они же дети! Даже Ирина и та, по сути, совсем девчонка. Вон как она обрадовалась, даже глаза засияли.

– Хорошо, я сделаю бутерброды, – кивнула Вероника, и обрадованные Костя с Димкой хором завопили: «Ура!»

– Я арбалет возьму, – деловито сообщил Димка. – Поставим мишень и будем стрелять по ней.

– Тогда нужно дядю Сережу позвать, он ведь помогал нам стрелы делать, – вспомнил Костя. – Мам, давай его позовем!

Маша посмотрела на сына, потом перевела неуверенный взгляд на Веронику. Ей предстояло сказать, что она не пойдет с ними на озеро, а сейчас, при общей радости детей, сделать это было не так легко. И, кроме того, она вовсе не была уверена, что Вероника обрадуется сопровождению в виде Сергея Бабкина.

– Конечно, позовем. И его, и Макара, – радостно сказала Вероника. Маша удивленно посмотрела на подругу, и та вспомнила, что Макар и Сергей по просьбе Маши пытаются сами расследовать убийство Юли, и лицо ее помрачнело. – Нет, Костя, они, наверное, не пойдут. У них дела.

– А мы попробуем, – неожиданно вступила в разговор Маша, вставая из-за стола. – Может, они согласятся.

Двадцать минут спустя экспедиция была собрана. Два пакета с едой и водой, один с подстилкой и еще один с надувным матрасом, аккуратно свернутым в рулон, стояли около крыльца.

– Зря с нами не идешь, – пробасил Бабкин, поворачиваясь к Маше. –

Искупались бы...

– Сережа, мне нужно работать, – серьезно возразила она. – Пойми, я не могу позволить себе бездельничать и оставлять без сценариев команду: они живо найдут другого сценариста. И без меня полно желающих придумывать сказки и получать за это деньги. Уже сколько дней прошло впустую: я за две недели написала всего три сценария, а должна была минимум семь.

– Ладно, ладно, понял, – пробурчал Бабкин. – Значит, ты работаешь сценаристом, а мы работаем группой психологической поддержки.

Маша бросила взгляд на Веронику, разговаривавшую в отдалении с детьми и раздающую кепки и панамки. И подумала: «Надо нагружать ее детьми по полной программе. Пусть водит их на озеро, в лес, следит за ними – до тех пор, пока не решится, что будет с Митей. Иначе она совсем утонет в своих мыслях и сомнениях».

– Вы с Макаром для нее – как спасательный круг, – вслух сказала она Сергею, понизив голос. – Знаешь как она обрадовалась, когда Костя предложил вас позвать!

– Значит, это Костя предложил? – прищурился Бабкин. – Понятно.

– Ничего тебе не понятно! – хмыкнула Маша, мигом сообразив, к чему он клонит. – Если бы я собиралась идти с Вероникой, я бы тоже предложила тебя позвать. Трогательный комплекс юных девиц на тему «приглашать или нет понравившегося мальчика» у меня, знаешь ли, уже по возрасту не прокатывает.

– А я – понравившийся мальчик? – озабоченно спросил Бабкин, нависая над ней, и Маша весело рассмеялась.

– Давай я скажу тебе, что ты – балшой и силный самэц? – предложила она с нарочитым акцентом. – И ты от меня отстанешь. Иди, тебя уже ждут.

– Еще не ждут, – отозвался Бабкин, мельком обернувшись к Макару и заметив, как тот с озабоченным видом возится в сумке с огурцами, которую всучила ему тетушка Дарья, а Вероника заглядывает ему через плечо. – Слушай, ты неправильная женщина. Я это вчера понял.

– Мы с тобой вчера не общались, – напомнила Маша.

– Правильно. Но я нашел у тетушки одну книжку, детективную, и там описывается, как должна вести себя с мужчиной настоящая женщина. Она должна... – Бабкин нахмурился, припоминая, – ...часто дышать ему в плечо, смотреть на него снизу вверх, терять сознание от оргазма, трепетать от его мужественности. Да, чуть не забыл: еще она должна покорно идти за ним, смотреть в широкую спину и вспоминать их последнюю ночь. И краснеть при этом. Почему ты не краснеешь?

– Давай лучше я сознание потеряю во время оргазма, – предложила она. – Когда у нас по плану ближайший оргазм?

– Иди ты... – пробормотал Бабкин, краснея сам. – Нету в тебе романтики.

– Серега! – позвал Макар. – Мы идем сегодня или вечер потерян?

Провожая их взглядом, Маша мысленно похвалила саму себя и тут же вздохнула. Хотелось идти на озеро вместе с ними, подначивать Сергея, шпынять Костю, грызть огурец и забрасывать огрызки кто дальше. «И трепетать от его мужественности», – вспомнила она и негромко рассмеялась.

Человек, услышавший ее смех, дернулся, будто ему дали пощечину. Он ненавидел, когда женщины так смеялись. В этом смехе было что-то неуловимое, как бабочка, которую невозможно поймать ни одним сачком.

«А я тебя все-таки поймал, – подумал он. – Почти. Осталось совсем чуть-чуть».

Он отошел от забора и неслышно исчез в глубине егоровского сада.

К двенадцати часам Валера и Алексей подумывали о том, что в пруду можно спрятать труп следователя. Выброшенный на берег хлам, который они выловили граблями, послужил бы отличным грузилом, притянувшим тело ко дну. Несколько примирял оперативников с действительностью Василий Андреевич, который от задания не отлынивал, периодически сменял одного из парней в лодке и безо всякой брезгливости ковырялся в мусоре, валявшемся на берегу.

Мазаев не заметил, как заснул в тени под деревом. А когда проснулся, обнаружил, что голова перестала болеть. Воздух над гладью пруда, потревоженной движением лодки, дрожал от жары. Но жара показалась следователю не такой, какой была утром, – наполненной тяжелой влажностью, а сухой, легкой. Он поднялся на ноги, обошел пруд и осмотрел добычу оперативников.

– Много осталось? – спросил он Василия Андреевича, уже зная ответ: за то время, пока он спал, можно было протралить весь пруд.

– Вон та часть, у дальнего берега, – показал рукой опер.

Мазаев кивнул и снова ушел в тень – стоять под солнцем не было сил.

«Пустышка, – билось у него в голове, – опять пустышка. Прав придурок Валера: даже если и найдется топор в пруду, отпечатков на нем не осталось».

Следователь сплюнул и уже собирался уходить, но тут из лодки

раздался голос Алексея:

– Тише, Валер... Ну-ка стой!

Валера затормозил веслом ход лодки, и Полошин потащил к себе граблями со дна что-то тяжелое.

– Труп нашли, кажись! – крикнул Валера.

Мазаев насторожился.

– Типун тебе... – отозвался Василий Андреевич. – На тебя его повесим. Осторожно, лодку не переверни! – прикрикнул он на Полошина, перегнувшегося через борт хилой лодчонки. – Да аккуратно, аккуратно...

Алексей медленно тянул на себя то, что зацепили грабли, и вот на черной поверхности пруда показалось что-то красно-белое.

– Фигня, – подал голос Валера, успевший наклониться и рассмотреть предмет, – пакет какой-то. В смысле, не пакет, а мешок.

– Какой еще мешок? – Мазаев вышел из тени и подошел вплотную к зарослям камыша на краю пруда, не обращая внимания на то, что новые ботинки пачкаются в липкой грязи.

– Какой-какой... Плотный, полиэтиленовый. Внутри чего-то есть. Тяжелый.

– Значитца, опять облом, – пробормотал себе под нос опер на берегу. – Топор в мешок всяко класть бы не стали.

– Он завязанный! – крикнул Алексей. – Узлом!

– А внутри-то что? – не выдержал Мазаев. – Развязать можешь?

– Не, он затянут, – после пары попыток откликнулся молодой опер. – Нож нужен.

Через три минуты лодка пристала к берегу, и плотный красно-белый пакет выкинули на землю. Он и в самом деле был тяжелый.

– Как ты не порвал-то его, Алексей? – удивленно заметил Василий Андреевич. – В нем килограммов шесть, не меньше.

– Я его случайно за ручки зацепил, потому и не порвался, – объяснил оперативник. – Валерка, где у тебя ножик?

Они сгрудились втроем вокруг мешка, пока Валера пытался срезать узел.

– Плотный, сволочь, – пробормотал он, оправдываясь. – Не получается никак.

Наконец он проткнул ножом толстый полиэтилен, взрезал и достал из пакета то, что лежало сверху.

Алексей заржал, а Мазаев отвернулся.

– Хорошие были часы, – покивал Василий Андреевич, – жалко, что не ходят.

– Тут еще тарелка разбитая... – Валера доставал осколки и аккуратно складывал рядом с мешком.

– Короче, мусор решили выкинуть, а с мусоропроводом поблизости не сложилось, – подытожил Алексей и пошел к лодке. – Валер, поехали, нам последний участок нужно обследовать.

Они подошли к берегу и залезли в лодку, тихо матерясь про себя.

– Пятьдесят три года живу, – задумчиво заметил пожилой опер, – а первый раз вижу, чтобы мусор в такой плотный пакет складывали. Я в таком картошку таскаю с рынка, за раз по десять килограмм. И ничего, не рвется.

Дернувшись, Мазаев быстро подошел к мешку и, широко раскрыв его, стал вытаскивать все содержимое. К сломанным часам и осколкам от тарелки прибавились старый металлический подсвечник, железная трубка и какое-то тряпье. Выбросив тряпки, следовательно остановился и машинально вытер руки о чистые джинсы. На джинсах остались две склизкие полосы. Василий Андреевич крикнул и покачал головой.

– Эй, вы! – хрипло позвал Мазаев оперативников. – Возвращайтесь обратно.

Алексей и Валера, успевшие отплыть на пару метров, недоуменно переглянулись.

– Чего случилось-то? – не понял Валера.

– Понятых ищите, – хриловато произнес Мазаев, не отводя глаз от раскрытого пакета.

На дне его, под чугунной сковородой и грязной крышкой от кастрюли, виднелся острый край топора.

Маша написала первые две страницы сценария через пень-колоду, и на третьей дело окончательно встало. Как она ни уговаривала себя, как ни пыталась придумать интересные, неизбитые реплики, раскрывающие тему, в голову лезло только одно – «жара»... В самом доме было прохладно, но здесь, под крышей мансарды, казалось, застывал даже ветер, влетающий в окно. Сонная пчела залетела внутрь, лениво покружилась вокруг ноутбука и вылетела обратно.

«Хочу быть пчелой, – подумала Маша. – Забраться в цветок, ковыряться в пыльце...»

Маше представилось, как Вероника, Сергей, Макар и дети идут сейчас через поле, в котором качаются васильки, и ей стало безумно жалко, что в такой прекрасный день она решила остаться дома. «Все равно ведь не работается...» – мысленно заныла она, обдумывая, не бросить ли все и не

отправиться ли следом за всей компанией. Но тут же вспомнила лицо редактора, строго напоминающего о том, сколько сценариев нужно для передачи на лето, и поняла, что компания и купание в озере откладываются. Работать так работать.

Но Машин мозг, плавающий от жары, считал иначе. Он подсовывал видения озер, морей, огромных океанов, в которых плескались киты, пуская вверх фонтаны всего, чего угодно, но только не сценариев. Маша постаралась представить мышку и зайчика, но и они прыгали в воду, поднимая брызги. Перед ее мысленным взглядом возник ежик в спортивной майке и шортах, стремительно плывущий под водой. Колючки у него колыхались, как водоросли, а зубастой пастью ежик стремительно ухватывал мелких рыбок, не успевших проскользнуть мимо. «Господи, бред какой...»

Она открыла глаза, и видение с подводным ежиком исчезло. Зато Маша почувствовала, что ее знобит. Спустилась вниз, достала из Вероникиной аптечки градусник и сунула под мышку. Поднялась обратно в мансарду и, прижимая к себе руку, уставилась на экран, где обрывалась незаконченная строчка.

Минут десять думала, как закончить предложение. Потом спохватилась, вытащила градусник и охнула, разглядывая ртутный столбик термометра. Тридцать восемь и три! Замечательно. Вот и поработала...

– Как же я умудрилась заболеть в такую жару? – спросила она сама себя.

Стало окончательно ясно, что сегодня сценарий не будет дописан. Голова отяжелела, озноб не прекращался. Выключив компьютер, Маша решила спуститься вниз и сделать горячий чай, а заодно принять что-нибудь против простудное. Но, подойдя к двери, она вдруг почувствовала такую слабость, что сразу передумала, залезла в кровать, под теплое одеяло, и облегченно закрыла глаза.

Ее начал накрывать спасительный сон, с которым она боролась последние полчаса. Перед глазами мелькали смутные образы, непонятные существа, в которых она угадывала героев передачи, для которой писала сценарии. По комнате прошел, стараясь ступать неслышно, молодой динозавр. «Значит, температура растет», – мелькнуло в голове, и это была последняя здравая мысль, пришедшая Маше в голову, – она погрузилась в глубокий сон.

Сначала легкий, странный – ей снилась студия, в которой делалась передача, и во сне актеры были такими, как всегда, но одной из кукол за столом оказалась Юлия Михайловна, и это было не очень приятно. Во сне

Маша пыталась убедить мать Вероники уйти, но Ледянина отрицательно качала головой и смеялась хрипловатым смехом. Из-за ее шеи торчала рука актера, управлявшего ею, но Маша никак не могла разобраться, как ни старалась, кто же озвучивает Юлию Михайловну.

От попытки понять это она проснулась на секунду, помотала головой, прогоняя сонную хмарь, но тотчас же уснула опять. Второй сон был светлым, спокойным – будто она сидит на берегу пруда и болтает ногами в прозрачной желтоватой воде. Кто-то пытался дойти к ней из-за леса, но никак не мог, потому что заблудился – в точности так же, как однажды она сама с Костей.

Пожалев того, кто плутал между сосен, Маша привстала и помахала ему рукой. Человек заметил ее и пошел к ней, и это было хорошо, потому что в такой жаркий день гораздо лучше сидеть около пруда, чем бродить по лесу, не зная, в какой стороне деревня. «Вместе посидим, – подумала Маша во сне. – Поболтаем ногами». Она подняла глаза на того, кто уже выходил из леса, и узнала Лесника.

Лесник шел к ней, огибая пруд, и голова его была расколота сверху точно посередине. По лбу что-то текло, и, когда он подошел ближе, Маша увидела, что это козье молоко. Ей стало не по себе. Лесник остановился в десяти шагах от нее, но глаза его она видела так близко, словно мужчина сидел рядом. Они были голубые, очень добрые. И встревоженные.

«Молочка хочешь?» – спросил Лесник, и Маша быстро замотала головой, потому что пить то, что текло из трещины в его черепе, ей не хотелось. Но не хотелось и обижать Лесника.

«Надо попить, – ласково сказал Лесник, как говорят детям, которые не хотят принимать горькое лекарство. – Вот выпьешь – и проснешься здоровая».

Но она не хотела просыпаться здоровая, а хотела сидеть и сидеть на берегу пруда с желтоватой водой, болтая в ней ногами.

«Попей, пожалуйста!» Голос его стал настойчивым, и он уже протягивал неизвестно откуда взявшуюся чашку молока, но никак не мог дотянуться до Маши, потому что до нее было далеко – целых десять шагов.

Маша сочувственно смотрела на Лесника, но не делала никакой попытки встать и подойти к нему. Она знала откуда-то, что сам он не сможет пройти эти десять шагов, и по-прежнему болтала ногами.

«Просыпайся, – сказал Лесник. – Слышишь? Просыпайся, пожалуйста!»

Он уже не улыбался, глядя на нее, а смотрел с испугом.

«Проснись, слышишь? Встань, открой глаза. Попей молочка».

Маша покачала головой.

«Проснись, милая!» Теперь и в голосе его зазвучал испуг, но встревожило Машу не это, а то, что молоко из белого стало красным. Густая красная струйка стекала в воду с его лица, и вода тоже становилась красной.

«Проснись!» – громко, требовательно позвал Лесник, и Маша вскочила на ноги. Красное в пруду подбиралось все ближе, словно подталкиваемое какой-то волной. Но волн на пруду не было, и поверхность оставалась неподвижной.

«Открой глаза! Вставай, вставай!» Голос звучал теперь словно колокол, а вся вода в пруду стала темно-красной, почти черной. Маша сделала отчаянную попытку проснуться, но что-то мешало, тянуло ее обратно в сон – туда, где на берегу кровавого пруда стоял перепуганный Лесник и умолял ее проснуться. Словно пруд засасывал в себя, не давал отвести глаз, наполнял голову, как пустой сосуд, изнутри, вытесняя все мысли.

«Посмотри на меня, – раздался голос Степана. – Постарайся, посмотри на меня».

В его голосе было столько боли, что Маша оторвала взгляд от воды и взглянула наконец на Лесника. Она увидела голубые глаза, такие ясные, что казалось, будто смотришь в небо. «Проснись, ласточка, – тихо попросил Лесник. – Скоро совсем поздно будет». И, с отчаянием продираясь сквозь сон, понимая, что нужно во что бы то ни стало выполнить его просьбу, Маша открыла глаза, словно вынырнула из омута.

Человек, приготовившийся ударить ее, не ожидал этого. Он никак не ожидал, что в последнюю секунду, когда одна его рука уже будет лежать у нее на шее, а другую он занесет для удара, женщина проснется и уставится на него серыми глазищами, совершенно не сонными, будто она и не спала вовсе. Он не ожидал, что вместо ужаса, дикого страха, который она должна была сейчас испытать, увидит в ее глазах сначала изумление, а затем ненависть. Поэтому на мгновение ослабил хватку, и она рванулась, ударила его кулаком по лицу и быстро скатилась с кровати.

– С-сука! – взвыл он и повалился на нее. Приминал ее к полу всем телом, ощущая, как отчаянно женщина ерзает под ним, пытаясь выбраться. Изловчившись, она ударила его коленом, но удар пришелся по бедру и только разозлил его.

– Сейчас ты у меня...

Он не договорил, потому что понял, что она собирается сделать – заорать. И ладонью заткнул ей рот, а другой рукой схватил наконец за разметающиеся рыжие волосы, как и мечтал все последние дни, прижал ее

голову к полу.

Она застонала, и он испытал торжество. Вот! Вот то, чего он хотел, – она его боится, готова на все, лишь бы он не тронул ее! Он негромко зашипел от удовольствия, потому что ему нравилось видеть, как заплещется страх в ее глазах, когда она услышит его шипение. Но, вопреки его ожиданиям, она смотрела на него с яростью, но без страха. Она не боялась, и из-за этого он ненавидел ее, потому что она не оправдывала его ожиданий.

– Я тебя, суку... – прошептал он, наклонившись к ее уху и вдыхая запах ее волос.

Она была вся горячая – он только сейчас почувствовал, какая горячая у нее кожа. Он попытался переменить положение, чтобы растянуть «молнию» на брюках, хотя чувствовал, что все идет не так, совершенно не так, как он задумывал, а все потому, что в ее глазах не было страха. Но, как только он отпустил руку, прижимавшую ей волосы, она рванулась с яростной силой, выкрутилась из-под его руки и вцепилась зубами ему в палец.

– Ах ты тварь!

От внезапной боли он перестал соображать, забыл обо всем, что собирался сделать, и врезал рыжей дряни, не оправдавшей его ожиданий, по щеке. Удар оказался хорошим: голова ее мотнулась так, что, казалось, чуть не отлетела, и женщина виском стукнулась о ножку железной кровати. В глазах, только что пылавших яростью, мелькнуло короткое удивление, и они обессиленно прикрылись.

Слизывая стекающую с пальца кровь, он встал и озлобленно ткнул ногой лежащее на полу тело. Она все испортила, все! Ему больше не хотелось наслаждаться ее страхом, потому что он понял: никакого наслаждения не будет. Почему-то сейчас она не боялась, а значит, все, что ему оставалось, – это сразу закончить дело. Хотя он собирался развлечься, доставить себе удовольствие и лишь потом убить ее.

Он осмотрел комнату, но ничего подходящего не увидел. Значит, придется руками, как он и собирался. Оттащив ее тело от кровати, он нагнулся, примерился, но в последнюю секунду передумал. Что-то его не устраивало... Наконец он осознал, что именно.

ОНА ЕГО НЕ ВИДЕЛА! Эта сука, которая посмела отравить ему все удовольствие, все-таки должна была перед смертью испугаться – испугаться так, чтобы в ее глазах и после смерти оставался страх. Но тогда она должна была быть в сознании...

Он не знал, как приводят в сознание людей, поэтому пару раз

встрянул ее, а потом еще раз ударил по щеке. Все его желание пропало, и теперь ему хотелось только одного – убить ее так, чтобы она смотрела ему в глаза перед смертью и понимала, что он делает. Отомстить ей.

Она и в самом деле начала приходить в себя – сначала негромко застонала, затем мутные глаза, которые теперь казались не серыми, а зеленоватыми, открылись. Она смотрела на него, но пока не видела.

– На меня гляди, поняла? – Он наклонился к ней и коротко ткнул кулаком под ребра, не удержавшись.

Женщина опять застонала, на долю секунды прикрыла глаза, но он снова дал ей оплеуху. Она не смела убежать сейчас, потому что его время уже было на исходе, и пора было заканчивать с этим делом и уходить.

– Гляди сюда! – повторил он и уселся на нее сверху, приготовившись взять хотя бы часть того, что ему полагалось.

«Надо притвориться, – сообразила приходящая постепенно в сознание Маша. – Он хочет, чтобы я его видела, значит, можно еще потянуть время». Она не знала, зачем это нужно, потому что Вероника с детьми вернутся не раньше, чем через три часа. Но надежда на дикую, редкостную случайность оставалась, а значит, она должна бороться с ублюдком до последнего.

– Ну, давай! – приказал тот сам себе.

По его интонации Маша поняла, что больше его ничто не остановит. Хотела поднять руку и вцепиться в него, но совершенно обессилела после удара о кровать и смогла только слабо дернуться. Он положил две руки ей на горло, чуть сдавил и наклонился, пристально вглядываясь в ее лицо. От него пахло потом. Потом – и страхом.

– Ты же меня боишься, – прошептала Маша и попыталась ухмыльнуться, но угол губы был разбит, и ухмылка не получилась.

– Что?! – Он не поверил своим ушам.

– Ты, урод, меня боишься, – повторила Маша, глядя в лицо убийцы Лесника. – Ты и убиваешь-то меня от страха.

Этого он вынести не мог. Прошипев что-то нечленораздельное, он вцепился пальцами в нежную кожу на ее шее, и в этот момент сзади раздался тихий голос.

– Мама... – сказал кто-то от двери.

Убийца обернулся и увидел мальчишку, ее сына. Парнишка стоял, прижимая к себе какую-то деревяшку, и огромными, вполлица, глазами смотрел на мать.

– Костя, – прохрипела женщина. – Костя, беги!

И по отчаянию, прозвучавшему в ее голосе, он наконец-то понял: ему

удастся привести ее в ужас. Она все же испугается напоследок – пусть и не его самого, но испугается.

Убийца разжал руки и начал вставать, чувствуя, что мальчишка не побежит, что он сможет схватить его. Он успел сделать один шаг по комнате.

– Мама, – тихо, чуть не плача, повторил Костя, которому было очень страшно, и отпустил курок арбалета.

Заостренная деревянная стрела коротко просвистела по комнате и ударила убийцу в живот. Это была детская стрела, старательно заточенная Бабкиным, расщепленная на конце и обвязанная ниткой, чтобы белое куриное перо не вылетело из нее. Но даже детской стрелы хватило, чтобы пробить ткань одежды и кожу и застрять в теле.

– А-а-а! – дико заорал убийца, не понимая, откуда взялась боль.

От его крика словно проснулся дом – хлопнула дверь внизу, по лестнице протопали шаги, и несколько человек один за другим ввалились в комнату, оттолкнув в сторону Костю, застывшего со своим арбалетом.

– Вот ты где, голубчик... – выдохнул Валера, сшибая его с ног и доставая наручники. – А мы-то тебя у деда искали. А ты, Кирюша, решил, значит, Лесником не ограничиваться.

– Это и есть Кирилл Балуков? – несколько удивленно спросил Мазаев, брезгливо разглядывая худого прыщавого парня с коричневым от загара лицом. Парень взвизгивал и пытался достать что-то, торчащее из живота, но руки у него были в наручниках.

– У него там стрела, – прошептала Маша, которой помогал подняться молодой опер со славным, чуточку детским лицом. – Костя в него выстрелил.

Выйдя из оцепенения, мальчик бросился к Маше и прижался к ней.

– Мамочка, я его убил? – всхлипнул он, все еще крепко держа арбалет.

– Ты его не убил, – сказала Маша и рухнула на кровать, не отпуская от себя сына. – Ты меня спас, Костя.

Глава 21

– Кирилл? Кирилл Балуков? Внук нашего Алексея Георгиевича? – Дарья Олеговна негромко повторяла одни и те же вопросы снова и снова, до сих пор не веря в то, кто именно оказался убийцей.

Сидели на веранде, потому что места для всех нашлись только здесь. Узнав от племянника о том, что на Машу было совершено покушение, Дарья Олеговна подпрыгнула и заявила, что не может упустить такого случая и узнает все из первых уст. Поэтому отправилась к Веронике и теперь сидела на табуретке, время от времени поправляя ободок в волосах, который все грозил упасть на стол. Димка, уставший от всеобщего волнения, крепко спал в своей комнате.

Для Маши притащили кресло, и она устроилась в нем с ногами, закрывшись пледом, несмотря на вечернюю жару. Она только что выпила наконец свое лекарство, и ее клонило в сон, а сидевший рядом Сергей озабоченно поглядывал на нее. Все произошедшее казалось Маше чем-то не очень реальным и совершенно несерьезным – все, кроме появления Кости с его арбалетом. И выстрела.

Она уже знала, что сын вернулся потому, что забыл арбалет, а они собирались с дядей Сережей стрелять на озере по мишени. Теперь арбалет лежал на столе как военный трофей.

– Значит, из такой вот фигни можно человека ранить? – задумчиво спросил Макар, двигая к себе игрушку. – Кто бы мог подумать...

– Сразу видно, что у тебя было буржуйское детство, – фыркнул Бабкин. – Я из такой, как ты выразился, фигни в десять лет кошку убил.

– Ага. В глаз, – кивнул Илюшин. – Чтобы шкурку не попортить.

– Вы кошку убили? – с негодованием спросила Ирина, поворачиваясь к Бабкину. – Зачем?!

– Случайно, – попытался оправдаться тот. – Но, в общем, был такой позорный факт в моей биографии. Правда, у нас стрелы были покруче, – показал он на колчан, который гордо висел у Кости на боку.

– Костя, ты молодец, – очень серьезно сказала Вероника. – Если бы не ты...

Все замолчали, и даже тетя Даша перестала повторять имя Кирилла Балукова. Каждый понимал, что бы случилось, если б Костя не забыл дома арбалет и не вернулся с половины пути.

– Зачем? – в тишине жалобно спросила тетушка Даша. – Зачем ему

было убивать Машу? И Степу? У них же такая хорошая семья!

– У них не хорошая семья, – ответил Макар. – У них очень плохая семья, Дарья Олеговна. Представьте себе, что вы свою петрушку, или укроп, или что там у вас растет на огороде, накроете камнем. Что получится?

– Как что? Погибнут, – не понимая, чего хочет от нее Макар, ответила женщина растерянно.

– А если не погибнут? Может такое случиться?

– Может, почему бы и нет. Если ростки небольшие, то они искривятся и постараются из-под камня выбраться. Будут кривые, с изгибами.

– Вот именно так и произошло у Балуковых, – сказал Илюшин. – Дед у них властный, свою семью держит в страхе. Всех прижал, как камень, – и сына собственного, и жену, и невестку, и всех внуков. Но каждый из них постарался, как мог, вылезти из-под камня.

– Только вылезли криво, – мрачно добавил Бабкин, вспомнив Ольгу со студентом Копушиным-Раскольниковым.

– Кривее некуда, – согласился Илюшин. – Катерина Балукова спит с собственным тестем...

– Как?! – хором ахнули Дарья Олеговна и Вероника. Ирина покраснела.

– Непринужденно, по всей видимости, – пожал плечами Макар. – Так вот, Катерина изменяет мужу с его собственным отцом. Ольга, ее средняя дочь, похоже, пошла в мать.

– Подлости в ней больше, – поморщился Бабкин, вспомнив дохлых мышей.

– Мы не знаем, что за человек Катерина Балукова, – напомнил Илюшин. – Не знаем, какие подлости делает она за закрытыми дверями. Сдается мне, что не может жить вместе такая большая семья, и чтобы никто не знал, даже не догадывался об отношениях Катерины со старшим Балуковым... Как его там?

– Алексей Георгиевич, – вздохнув, подсказала тетушка Дарья.

– Вот-вот. С ним самым. Думаю, что либо муж Катерины, либо ее свекровь догадываются о чем-то, а может, и знают наверняка. Вот Ольга точно знает, я совершенно уверен.

– А Кирилл? – спросила Вероника, вспомнив парня, постоянно работавшего на огороде. – Господи, до сих пор не верится...

– Понятия не имею, – честно сказал Илюшин. – Но он самый старший из детей, к тому же парень, поэтому на нем наверняка срывали раздражение и злость. Судя по тому, что он подстерегал Машу возле бани, я склонен

предполагать, что Кирилл знает об отношениях деда и матери.

– Он трус, – подала хриплый голос Маша из своего кресла, и все повернулись к ней. Вероника встала, потрогала Машин лоб и озабоченно покачала головой. – Точно вам говорю, он страшный трус. Когда он собирался меня задушить, то ужасно боялся. Ему приходилось себя накручивать.

Бабкин хотел выругаться, но взглянул на Ирину с Вероникой и сдержался.

– Ты с оперативником разговаривал? – напомнил Макар. – Давай выкладывай, что он тебе рассказал.

– Парень во всем признался, – ответил Сергей. – Практически сразу. Если бы ему в машине дали ручку и бумагу, он бы еще в пути начал показания давать, до того был перепуган. Маша права – он редкостный трус. И падаль, – прибавил сквозь сжатые зубы и поймал на себе укоризненный взгляд Вероники. – Признался, что хотел Машу изнасиловать, – последние два слова Бабкин выговорил с трудом, – только сначала собирался ее либо придушить слегка, не до смерти, либо по голове стукнуть, чтобы она потеряла сознание.

– Специфический насильник, – задумчиво проговорил Макар.

– Да он вообще не насильник! Основным качеством, которое определяло все его поступки, и в самом деле была патологическая трусость.

– Ничего себе трус, – покачала головой Ирина. – Он Степана Андреевича убил!

– Он убил его от страха, – сказал Бабкин. – Сначала Кирилл напугал Машу в бане – после того, как дед чуть не выпорол его за какую-то провинность. Он ничего не продумывал – просто пошел отлежаться к липинской бане, как часто делал, а там заметил Машу и решил отвести душу. Кстати, у него с собой был нож, – нехотя прибавил Сергей. – Поэтому ожидать от подонка можно было всего, что угодно.

– Хорошо, ты там мимо проходил, – откашлявшись, заметила Маша. Вспомнила: – Вот тогда мне было очень страшно.

– Лесник мог бы остаться жив, если бы Балуков не вздумал стереть свои отпечатки со стекла, – продолжал Сергей. – Он решил, что по отпечаткам его могут найти, и отправился рано утром на участок Липы Сергеевны. Про отпечатки парень знал, потому что пару лет назад его задерживали по подозрению в краже и отпечатки, разумеется, перекатали. Но около бани ходил Лесников со своими козами и увидел его.

– Ну и что? – непонимающе пожалла плечами Дарья Олеговна. –

Поступок, конечно, Кирилл совершил гадкий, ничего сказать не могу, но зачем же было Лесника-то убивать?! Ему ж за хулиганство ничего бы не грозило! Правильно я понимаю, Сережа?

– Ты-то понимаешь правильно, – кивнул Бабкин. – Только Кирилл Балуков этого не понимал.

Кирилл сидел в камере, в которой, кроме него, никого не было, и в тупом оцепенении раскачивался вперед-назад. Над ним смеялись! Милицейские, которые задавали вопросы, так ржали над ним, что он чуть не расплакался прямо в кабинете. Они назвали его дураком, хотя Кирилл вовсе не дурак, сам-то он хорошо знает. И сказали, что теперь его точно посадят, а за то, что он делал до этого, не посадили бы.

Но дед, сколько он себя помнил, всегда пугал его тюрьмой за проступки. Только говорил не «тюрьма», а «зона». Как-то раз Кирилл с ребятами хотели взломать ларек, чтобы утащить водку и сигареты, их поймали и долго держали в милиции. Когда всех отпустили, отец выпорол его, а потом дед объяснил, заколачивая слова ему в голову, что с ним сделают на зоне, если он туда попадет. Раньше Кирилл никогда о таком не думал, не мог даже представить, что подобное можно сделать с ним, с Кириллом Балуковым, пятнадцати лет от роду. Но дед говорил так страшно и внушительно, что Кирилл сразу ему поверил и ночью повторял про себя слова деда: «Самое страшное, кретин, что с тобой может случиться, – это зона». Нет, не так. Дед говорил – Зона.

И когда Кирилл подстерегал рыжую около бани, он боялся только одного – что его поймают, будут судить и отправят на Зону. Поэтому он бросился стирать свои отпечатки. Но Лесник, бродивший поблизости и видевший его, испугал еще больше. Лесник советовал пойти и признаться во всем, не понимая, что тогда Кириллу настанет конец. Старый пень! Он даже не хотел задуматься над тем, что ожидало бы Кирилла, если бы он признался, как подсматривал за рыжей, и смеялся, и шипел, а потом ждал ее в кустах и чувствовал, как она боится. Лесник повторял какую-то ерунду, половину из которой он даже не понимал. А потом Кирилл догадался, что нужно сделать, и убил его топором, который захватил с собой, когда шел на озеро. На самом-то деле не догадывался, конечно, а сразу знал, зачем идет, потому что на Лесника, алкаша проклятого, нельзя было надеяться. Он бы обязательно проговорился про стекло в бане и отпечатки, и Кирилла бы арестовали.

Кирилл так думал. И знал, что все сделал правильно. Но эти, в кабинете, которые ржали над ним и называли придурком, сказали что-то

такое, чего он поначалу и не понял. Они сказали, что за хулиганство возле бани ему ничего бы не было, а Лесник что-то перепутал спьяну, и даже если бы он проговорился – даже тогда Кирилл остался бы на свободе.

Что же получается – он зря его убил?! Он так и спросил, а они заржали – все, кроме одного, молодого и бледного, который не заржал, а смотрел так, как будто ему немного жалко Кирилла. Кирилл почувствовал это и спросил у бледного, что же теперь с ним будет. Он, кажется, даже немного заплакал в тот момент, потому что ему стало страшно. А бледный пожал плечами и потом сказал, что ему, Кириллу Балукову, дадут срок, а какой – решит суд.

Но ведь это неправильно! Он не знал, что за то, что он делал возле бани, его никто бы не посадил! Они же должны понимать, что Кирилл не знал, и убил Лесника только поэтому! А они смеялись, называли его придурком и спрашивали, зачем он убил тетку, которая жила по соседству. Говорили ему, какой он идиот, и спрашивали, зачем Кирилл положил топор в мешок. Сказали, что на топоре остались отпечатки пальцев, потому что он был в пакете, и вода в пакет не затекла. И в конце концов, когда он закричал на них всех, его увели из кабинета и оставили здесь, в камере, в которой пахнет хлоркой, и теперь он мог только раскачиваться из стороны в сторону и тихо объяснять кому-то неизвестному, что он не знал о том, что его не отправят на Зону за то, что он делал у бани. В том-то все и дело! Произошла ошибка, глупая ошибка! Не может быть, чтобы его посадили за ошибку!!!

– Лесников сказал ему что-то вроде «лучше бы тебе признаться, парень», – продолжал Сергей. – Уж потом, когда Кирилл пришел к нему домой. Сам Балуков точно повторить его слова не смог, но смысл до него дошел: он решил, что Степан Андреевич предлагает ему во всем признаться, чтобы ему дали срок поменьше. Тюрьмы Балуков боится панически, поэтому, недолго думая, стукнул Лесника по затылку топором и оттащил тело в кусты.

– А топор? – заинтересовался Макар. – Ты сказал, что отпечатки Балукова нашли на топоре. А они были в базе, потому что он в юности по какой-то фигне привлекался. Но топор нашли утром, а оперативники были у Маши уже днем. Только не говори мне, что они успели за такое короткое время снять отпечатки, отправить запрос по базе и получить ответ! Что-то здесь не складывается...

– Все складывается, если больше верить в человечество, – снисходительно объяснил Сергей. – Общая база отпечатков, понятное дело,

в областном центре, и пока до нее дойдет запрос и вернется обратно, можно половину Игошина поубивать. Но в райцентре хранятся карточки с отпечатками тех, кто у них когда-либо привлекался. Знаешь, что сделал следователь... как его... Мазаев, когда они выловили топор и первым делом сняли с него отпечатки? Уговорил эксперта сверить их визуально с теми карточками, которые хранятся в райцентровской картотеке.

– Да ты шутишь? – Глаза Макара округлились. – Невозможно! Их там...

– Много, много. Один из оперов, Леха Полошин – хороший парень, кстати, рассказал, что следователь развернул бешеную деятельность: его с напарником посадил сортировать те карточки, которые точно не подходят, а сам с экспертом начал проверять остальные.

– Они бы не успели, – покачал головой Илюшин.

– Не держи ребят за дураков. Они проверили первым делом тех, кто живет в Игошине и чьи отпечатки хранятся в райцентровской картотеке. Таких людей не очень много, и на Кирилла Балукова они наткнулись быстро.

– Получается, когда за ним приехали, следователь не мог знать точно, что он убийца? – уточнила Вероника.

Бабкин кивнул.

– Не мог, потому что эксперт лишь заверил, что отпечатки очень похожи, но подтвердить их полную идентичность он просто-напросто не успел. Мазаев действовал на свой страх и риск.

Вероника мысленно взяла обратно все слова, которые утром сказала в адрес следователя.

– Значит, Балуков убил Лесника, – задумчиво проговорила Маша, – а топор в пакете бросил в воду?

– Именно так, – подтвердил Бабкин. – Представляете, что он сделал? Вместо того чтобы топор закопать в землю или тупо бросить в воду, Балуков подошел к вопросу серьезно: нашел в доме Лесника очень прочный мешок, в каких раньше челноки шмотки таскали туда-сюда через границу, сунул туда топор, сложил всякое барахло потяжелее, чтобы тянуло ко дну, и зашвырнул в пруд. В результате радостный эксперт снял чудные отпечатки, которые в воде просто не сохранились бы. А в пакете – сохранились!

– Во дурак! – изумленно покачал головой Макар. – Слушай, это недоступно моему пониманию. Что за дикая логика? Сам-то Балуков свой поступок как-нибудь объясняет?

– Угу, причем довольно логично. Он сообразил, что топор будут искать везде, в том числе и в пруду. По голливудским фильмам представлял, что для этого привлекут водолаза. Вот и решил, что топор с отпечатками водолаз быстро заметит, а на мешок не будет обращать внимания – вроде как выбросили мусор, ну и ладно.

– Понятно, – сказал Илюшин. – Действительно, логично.

– Подождите, мне непонятно, – подала голос Маша. – Почему же Лесников советовал ему признаться и говорил о том, что надолго его не посадят? Что он имел в виду? Он же не мог знать о том случае около бани – я уверена, его тогда не было рядом.

– И в самом деле, – поддержала ее Вероника. – Получается неувязка в рассказе Балукова. Может, он все придумал? Его в милиции избили, вот он и признался в том, чего не делал....

– Ага, и стрелу ему в милиции в живот воткнули, – недовольно сказал Бабкин. – Ничего он не придумал. Его и бить не нужно было, он сам все рассказал. А неувязка... Черт, вот неувязку я не могу объяснить, – неожиданно признался он.

– А я могу, – небрежно сообщил Макар. – Серега, представь себе: ты встал с бодуна рано утром... Представил?

– Представил, – ухмыльнулся Бабкин.

– Потом ты пошел пасти коз. Можешь не представлять, у тебя все равно не получится. В общем, если ты с бодуна рано утром увидишь какого-то идиота, который окно бани моет, что ты подумаешь?

– Я подумаю, что он идиот. А что еще я могу подумать?! Ну, наверное, что идиоту не спится.

– Ты, Серега, не алкоголик, – с некоторым сожалением признал Илюшин. – А Лесников был алкоголиком. Если хронический алкаш видит непонятное ему действие, а незадолго до того в деревне убили человека, то он не сможет не связать действие и убийство! Понятно?

– Хочешь сказать, что Лесников счел Кирилла виновным в убийстве Ледяниной? – удивился Бабкин. – Да ну, ерунда полная.

– Ерунда, – не стал спорить Макар. – А у тебя есть другое объяснение его словам о том, что Балукову срок дадут меньше? У меня – нет. Лесников мог сказать так в одном-единственном случае: если был совершенно уверен, что убийца – Кирилл Балуков. Но если Балуков не врет, а я думаю, что он не врет, то за время, прошедшее после убийства матери Вероники, он видел Лесникова только один раз – когда стирал свои несуществующие отпечатки с окна бани.

– Почему несуществующие? – вмешалась Маша. – Он прижимал руку

к стеклу!

– Подумаешь, прижимал, – пожал плечами Макар. – Потом провел рукой – и смазал. Отпечаток пальца – вещь неустойчивая. Вот Серега может рассказать как бывший оперативник. Серега, ты о чем задумался?

Бабкин вздохнул. Ему не хотелось говорить, о чем он думал. Но он все же признался:

– Я думаю, кто убил Ледянину, Макар. Мы-то исходили из того, что это сделал убийца Лесника, заметавший следы. Но теперь понятно, что все не так.

– Вы думаете, что не Кирилл убил Юлю? – нерешительно произнесла Вероника, переводя взгляд с Макара на Бабкина и обратно.

– Мы не знаем, – покачал головой Илюшин. – Раньше мы предполагали, что вашу мать убил кто-то из Балуковых.

– Многовато у нас убийц на одну семью получается, тебе не кажется? – хмыкнул Бабкин. – Хотя вообще-то запросто, почему бы и нет? – спросил он сам себя. – У них там уроды через одного.

– Девочка маленькая хорошая, – тихо сказала Ирина. – Они ее Васькой зовут.

– Почему бы и нет... – задумчиво повторил Макар, думая о чем-то своем.

Вероника тревожно взглянула на него, но спрашивать ни о чем не стала. Когда ей рассказали, что на Машу покушался их сосед и теперь Маша дает показания, а соседа допрашивают в прокуратуре, она обрадовалась так сильно, что даже не сразу спросила, как же дела у подруги. Ей казалось, что теперь все точно будет хорошо, потому что у нее не было и тени сомнения в том, что убийца ее матери и тот, кто хотел убить Машу, – один и тот же человек. Но позже оказалось, что парень не признался в убийстве Юли, и Макар только что сказал, что он не знает, кто убийца. Вероника почему-то очень доверяла всему, что говорил светловолосый парень трудноопределимого возраста, которого она увидела первый раз две недели назад.

«Две недели, – подумала она. – Боже мой, всего две недели прошло, а кажется...»

– Засиделись мы с вами, – неожиданно поднялась с места тетушка Дарья, прервав мысли Вероники. – Слава богу, что все живы, что убийцу поймали. Прямо страшно подумать, что творилось у нас.

Она сочувственно взглянула на Машу, по-прежнему закутанную в плед.

– Как вы себя чувствуете? – наклонилась она к ней. – Страху такого

натерпелись, что упаси господь!

Маша благодарно улыбнулась. Она не натерпелась страху, но объяснять это было излишним.

– Спасибо, Дарья Олеговна, – сказала она. – Сейчас уже лучше.

– Ну и слава богу, – покивала тетушка Дарья. – Вечер уже, поздно. Пойду я.

Она требовательно взглянула на Макара и Сергея, и те покорно поднялись.

– Поздно уже, – внушительно повторила тетушка. – Знаю я вас, мужиков, как начнете разговоры разговаривать, так до утра просидите. А им, – кивнула она на Веронику с Ириной и Машу с Костей, – отдыхать нужно, спать подольше.

Вероника встала, чтобы проводить всех, за ней потянулись Костя и Ирина, а Маша так и осталась сидеть в кресле. Бабкин, обойдя недовольную тетушку, присел перед ней на корточки и заглянул в глаза.

– Ты как? – спросил он, потому что не знал, о чем еще можно спрашивать.

– Нормально, – хрипло ответила Маша. – Только горло болит. Я сейчас еще одну растворимую гадость выпью и пойду горло полоскать.

– Соли побольше сыпь, – посоветовал Бабкин. – И соды.

– Без тебя знаю, – проворчала Маша. – Иди, а то тебя тетушка съест.

– Машка, – помолчав, тихо сказал Сергей. – Почему мы с тобой обо всякой фигне говорим? Я тебе совсем другое хотел сказать, не про соль...

Он хотел сказать, что страшно волновался за нее, пока она давала показания. Хотел сказать, что, узнав о том, что случилось в доме Егоровых, чуть не бросился к Балуковым – избить мужиков их гнилого семейства, хотя поступок глупее для него, рационального человека, трудно и придумать. Хотел сказать, что потом, когда увидел синяки на ее шее, на него нашло что-то темное, страшное, отчего возникло желание расколоть топором башку ублюдка Кирилла точно так же, как тот голову несчастного Лесника. Что он не хочет уходить от нее сейчас, хотя Маша вовсе не выглядит несчастной, потрясенной произошедшим, дрожащей и невменяемой.

Он не умел говорить это все. Язык отказывался молоть подобную сентиментальную чушь, которая на самом деле вовсе не была чушью, он понимал. Но выразить словами не мог. Поэтому Бабкин сидел на корточках перед Машиним креслом и молча смотрел на нее.

– Я и так знаю, что ты мне хотел сказать, – заметила Маша. – Что ты за меня переживал. Правильно? Правильно. Вот видишь, от температуры я

начала читать твои примитивные мысли. Что ты сейчас подумал, я не расслышала?

– Я подумал, что тебе нужно поспать, – сказал Бабкин, поднимаясь. – У тебя синяки под глазами, ты знаешь?

Полчаса спустя они с Илюшиным сидели уже вдвоем, без всякого аппетита глядя на грибы в сковородке, пожаренные тетушкой Сергея.

– Дарья Олеговна, я не могу ужинать в десять часов, – отказался Макар, отодвигая тарелку. – Я и так у вас поправился на пять килограммов.

– А надо бы – на восемь, – упрекнула тетушка. – А раньше-то когда было ужинать, если у соседней такое несчастье?

– Типун тебе на язык, тетя Даша! – встрепенулся Бабкин.

– Чуть не случилось, я хотела сказать, – торопливо поправилась та. – А вообще-то несчастье и осталось, никуда не делось. Сами говорите: Кирилл Лесника нашего убил, а мать Вероники не трогал.

– Я иначе сказал, – напомнил Макар. – Я сказал: мы не знаем.

– Ты так для Вероники сказал, – с неожиданной пронизательностью заметила Дарья Олеговна. – Все вы знаете, по вас видно. Кирилл, конечно, пакость пакостью, но старуху не он придушил. Ладно, не хотите грибы – как хотите.

Она забрала сковородку и обиженно удалилась на кухню.

– Приехали, – констатировал Бабкин после долгого молчания, наступившего за ее уходом. – Собственно, мы и до этого приехали.

– Серега, твой лексикон упрощается с каждым днем, – хмыкнул Макар. – Не приехали, а находимся в некоторой неизвестности по поводу того, что предпринимать дальше.

– То есть в тупике, – подытожил Бабкин. – Кретина Балуква оперативники и сами бы нашли – по отпечаткам на топоре. А вот с убийцей Ледяниной – ни малейшего просвета. Макар, он себя не выдаст. Ты понимаешь, что мы исчерпали все свои возможности? У нас их вообще-то и так было негусто.

– Ты, Серега, пессимист, – вздохнул Илюшин, раскладывая диванчик и застилая его простыней.

– Станешь тут пессимистом! Макар, мне кажется, нужно Егоровой честно сказать, что мы ей не поможем. Зачем подавать ложную надежду? Или ты думаешь, что за оставшиеся две недели убийца придет к нам с повинной? Сам же знаешь, что не придет.

– Знаю, – согласился Макар.

– Ты рассчитываешь найти наволочку?

– Нет, не рассчитываю.

– Тогда на что ты надеешься? – не выдержав, повысил голос Бабкин. – У нас нет улик, нет подозреваемого, у нас нет никакого плана действий, которые могли бы спровоцировать его на то, чтобы выдать себя каким-то образом! Макар, что ты хочешь делать дальше?

– Дальше я хочу лечь спать, – обернулся к нему Илюшин, глядя снисходительно сверху вниз. – И тебе предлагаю сделать то же самое. Кстати, у твоей подруги очень крепкие нервы. Сразу видно, что женщина уже побывала в браке.

Бабкин не нашелся, что ответить на реплику, и довольный собой Макар повалился на диванчик.

* * *

В доме Балукowych впервые за всю их жизнь стоял дикий шум. Бешено кричал Алексей Георгиевич, надрывалась Катерина, изо всех сил визжала Ольга Балукова, которую мать протащила по полу за волосы и бросила около стола. Десять минут назад Ольга бросила им в лицо фразу, которая заставила онеметь всех Балукowych.

– Я, может, уже давно взрослая! – визгливо выкрикнула она, прячась от деда, который собирался выставить ее за дверь, чтобы обсудить вопрос о Кирилле. – Я, может, уже со взрослым человеком встречаюсь! И не только встречаюсь, но и все остальное, чего вам знать не обязательно!

Она в общем-то не хотела так говорить, само сорвалось. Просто когда дед приказал ей выйти из комнаты и не слушать их разговор, потому что она еще не доросла, в ней разыгралась ужасная обида. Как не доросла?! Они считают ее маленькой? Так пусть знают, какая она маленькая! Маленькие, между прочим, со взрослыми мужиками не трахаются, они в куклы играют!

– С каким таким взрослым человеком ты «все остальное»? – страшным голосом спросил ее дед, и девочка сразу испугалась и раскаялась в том, что не сдержалась. – С каким?!

– С Родей... из дома напротив... который студент, – призналась она, надеясь, что к студенту у деда отношение будет хорошее. – Он же такой взрослый! Книжки пишет, он сам говорил...

– Ах ты... – с ненавистью произнес дед, словно выплевывая каждое слово, и повернулся к ее матери: – Кого ты нам вырастила, а, Катерина?

Вздвогнув, словно ее хлестнули кнутом, Катерина перевела беспомощный взгляд на Ольгу, и он зажегся яростью.

– Значит, ты у нас уж взрослая... – задыхаясь, сказала Катерина, подсакивая к дочери и ловко хватая ее за куцый хвостик. – Значит, с мужиками взрослыми можешь спать? Ах ты дрянь!!

Вот с этой секунды в доме Балуковых и поднялся такой шум, какого старые стены никогда не слышали.

– Ты виновата, ты! – вопила между тем Галина, тыча пальцем в невестку, тащившую дочь по полу. Ольга кричала и извивалась.

– А ты помолчи! – попытался одернуть ее старший Балуков.

Но Галина продолжала обвинительно тыкать пальцем и вопить, пока Алексей Георгиевич не дал ей легкую пощечину, чтобы уgomонилась. Тут Галина заревела так, что визг Ольги показался им всем ерундой по сравнению с ее басистым ревом.

Василий, оцепенело созерцавший эту дикую сцену, тихонько выбрался из комнаты, вышел на свежий воздух и глубоко вздохнул несколько раз, пытаясь прийти в себя. Его раздирали на части смешанные чувства, которым он не мог и не умел найти названия. Знал только, что ему нужно сделать одно дело, одно очень важное дело... Потому что в суматохе, поднявшейся после Ольгиного признания, все забыли про человека, виновного в том, что он обесчестил его дочь.

Родион Копушин не слышал криков в доме напротив. Он увлеченно заканчивал рукопись, которая должна была стать новым словом в современной литературе. Характеры, более глубокие, чем в жизни; диалоги, наполненные философским смыслом и одновременно легкостью; сюжет фантастический и в то же время жизненный... Родион по праву мог собой гордиться!

Копушин подошел к зеркалу и откинул голову назад, представляя свою фотографию на обложке журнала.

– Как я пришел к сюжету моего произведения? – бесстрастно спросил незримого собеседника. – Это было озарение! Я знаю, вам сложно понять, что оно такое, но поверьте мне на слово...

На предложении туповатому собеседнику поверить Родиону на слово дверь распахнулась, и в комнату ворвался высокий, худощавый человек, в котором перепугавшийся Копушин узнал отца Ольги.

– В-в-вы что?! – попятился Копушин. – В-в-вы зачем?

Не тратя времени на разъяснения и выслушивание Родионовых оправданий, Василий неловко вытянул вперед кулак и попал Копушину по носу. Из носа немедленно потекла кровь, Родион с криком отшатнулся, а Василий, который при виде крови окончательно впал в азарт, принялся

лупить его со всех сторон, не разбирая, куда приходятся удары. Бил он бессмысленно и без особого результата, но Копушину показалось, что сейчас он умрет.

– Помогите! – простонал он, валясь на пол. – Убивают!

От его слов Василий слегка пришел в себя. Он стоял над Родионом, сжав кулаки, и с удовлетворением изучал окровавленное лицо противника.

– Будешь еще чужих дочерей портить, а? – Наклонился к Копушину и потрянул его за плечо. Родион взвизгнул и съежился. – Будешь?! Заморыш гнилой. Тьфу!

Василий сплюнул куда-то в сторону, повернулся и вышел, громко топая по полу. Родион постонал еще немного на полу, затем попытался приподняться. Наконец ему удалось встать на ноги, доковылять, ощупывая свое тело, до кровати.

– На помощь! – слабо воззвал в пространство Родион, чувствуя, что жизнь вытекает из него.

Господи, зачем он связался с какой-то деревенской дурой?! Хотел легкого секса и простых развлечений? Хотел преклонения? Вот оно, преклонение, – явилось в образе зверя-папаша, который измордовал его почти до потери сознания.

«А ведь с них станется заявление в милицию написать...» – в ужасе сообразил Копушин и опять застонал, на сей раз от страха. Нужно срочно уезжать отсюда! Его били в Игошине уже два раза. Два раза!! Второй раз до крови! Над ним глумились!

Смыв с лица кровь, Копушин кинулся собирать вещи. Он допускал, что папаша может вернуться второй раз, а может, и третий. «У нее и брат есть, – запоздало вспомнил Родион. – И дед!» Представив себе Василия Балукова, помноженного на три, Копушин стал бросать вещи в сумку с удвоенной скоростью.

Он так торопился, что чуть не забыл свою рукопись, лежащую на стуле. Родион сделал шаг к ней и остановился, пораженный до глубины души. На верхнем листе красовался гнусный плевок Василия Балукова.

«Я их всех убью! – пообещал себе Копушин. – Только потом».

Он протер рукопись тряпкой, попавшейся под руку, сунул ее в сумку и стремительной рысцей выбежал из дома. Он пробрался огородами, потому что панически боялся идти по деревне, и через десять минут только кривая тропинка, проложенная среди зарослей крапивы на участке Марьи Ковригиной, говорила о том, что здесь пробежал будущий великий писатель Родион Копушин.

Утром Маша проснулась, чувствуя себя совершенно выздоровевшей. Костя, вечером настоявший на том, чтобы их кровати сдвинули вместе, около полуночи вскочил и принялся двигать кровать обратно.

– Костик, ты что? – испуганно дернулась Маша, тотчас проснувшись. – Что случилось?

– Ты храпишь! – прошипел мальчик, толкая кровать в сторону. – Я все время просыпаюсь!

Маша рассмеялась, помогла ему передвинуть кровать на прежнее место и спокойно уснула до утра.

Как ни странно, утром состояние Вероники заботило ее больше, чем вчерашний кошмар, который казался теперь именно кошмаром и ничем иным: плохим, страшным сном, который следовало просто выкинуть из головы. Она помнила Лесника, просившего ее проснуться, и появление убийцы так естественно вписалось в ее сон, что было сложно провести границу между сном, в котором оставался Лесник, и явью с Кириллом Балуковым. Она и не проводила. Но вчерашнее неожиданное и спасительное появление Кости – перепуганного, готового расплакаться, с арбалетом в дрожащих руках – было точно тяжелой явью.

Но сам Костя чувствовал себя превосходно и готов был повторять по десять раз, как он застрелил кровавого убийцу, покушавшегося на его маму. К завтраку Маше надоело его безудержное славословие самому себе, и она пригрозила, что отберет арбалет, если Костя сейчас же не переведет разговор на какую-нибудь другую тему.

– Тетя Вероника утром плакала, – мигом сообщил сообразительный Костя, зная, чем можно отвлечь мать.

Маша и в самом деле задумалась, и Костя тут же утащил свою игрушку. Стрелы он теперь постоянно носил с собой – на всякий случай.

«Начинается... – думала Маша про Веронику, стараясь прогнать нарастающее раздражение. – Нормальная жена поговорила бы с мужем, прямо спросила: „Ты убил, милый?“ Вот и решились бы все ее мучения. Но Вероника из другого теста. Она, даже если и поговорит, все равно после начнет мучиться: „А вдруг он мне неправду сказал? Вдруг решил меня пощадить!“

Из коридора послышались шаги, и появилась сама Вероника – бледная, но аккуратно причесанная и улыбающаяся.

Раздражение Маши исчезло так же быстро, как появилось, и его

сменила острая жалость. «Что я ее ругаю? – спросила себя Маша, рассматривая опущенные плечи подруги. – Они с Митей и правда совсем из другого теста. Если бы у меня была такая мать, как у Вероники, и ее бы кто-нибудь придушил, я бы ему спасибо сказала. А для Вероники это страшное преступление. И главное – упаси господь, чтобы виноватым оказался ее муж. Наверное, так, как она думает, – правильнее. Нравственнее».

– Держи, – Вероника поставила перед Машей стакан с пенящейся жидкостью. – Ты температуру утром мерила?

– Тридцать семь, – отчиталась Маша.

– Выздоровливаешь, но пока не выздоровела. Пей лекарство, Маша. Милая моя, ты такое потрясение пережила... Я полночи не могла уснуть. – Вероника села напротив и погладила Машу по плечу. – Совсем у меня нервы сдали: даже расплакалась утром, как подумала, что этот... – голос ее задрожал, – ...что Кирилл собирался с тобой сделать. Выпей лекарство. Ты не беспокойся, все будет хорошо. Я же вижу, что ты беспокоишься. Не надо, милая моя.

Маша смотрела на нее с выражением, которое Вероника не могла понять.

– Ты что? – удивилась она. – Машенька, что ты так смотришь?

– Ничего. Просто так.

Маша, морщась, выпила противное лекарство, и Вероника тут же перехватила у нее стакан.

– Ой, – удивленно сказала она, бросив взгляд в окно. – К нам опять Макар с Сергеем идут. Только без тети Даши.

– Если тебе неприятно самому говорить, давай я скажу, – предложил Бабкин, пока они переходили дорогу. – Вот так прямо и начну: не знаем мы, Вероника, кто убил твою мамашу...

– Репетируешь? – искоса глянул на него Макар и тряхнул и без того взлохмаченной головой.

– Не трясси волосами, – сердито огрызнулся Бабкин, – всех блох на меня растрясешь. Постричься тебе надо, а то ты скоро будешь похож на Копушина. Он тоже нечесаный и с длинными патлами.

– Да не нервничай ты, – убедительно сказал Илюшин. Они уже подходили к дому Вероники. – Главное, предоставь все мне и не начинай кричать в самый ответственный момент, что мы ничего не знаем.

– Но мы и в самом деле ничего не знаем! – шепотом заорал Бабкин, потому что они уже стояли на крыльце и Вероника шла к двери – слышны

были ее шаги.

– Говорю – не кричи! Доброе утро, Вероника. Как спалось?

Через пару минут они сидели вчетвером в комнате, залитой утренним солнечным светом, от которого все предметы казались золотистыми. Дети спали в своих комнатах.

Вероника молчала, выжидательно глядя на Макара. Бабкин молчал, потому что не хотел начинать тяжелое объяснение. Маша молчала, потому что ей было совершенно нечего сказать.

– Ситуация сложилась нетипичная, – сообщил Макар всем троим. – Сергей вчера сказал мне, что у нас нет ни малейшей зацепки, с помощью которой можно было бы найти убийцу вашей матери, Вероника. В общем, положение и в самом деле таково.

Вероника вздохнула и покорно кивнула.

– Однако это вовсе не значит, что мы не найдем преступника, – продолжал Илюшин, игнорируя возмущенный взгляд напарника. – Просто мы сделаем не совсем то, что обычно...

Раздался стук в дверь, и Макар замолчал.

– Это, наверное, Елена Игоревна, – поднявшись, сказала Вероника. – Я ей позавчера дуршлаг одалживала.

Царева вошла на веранду – как всегда, с прямой спиной и без улыбки на сухом лице. Она поздоровалась и протянула Веронике белый эмалированный дуршлаг.

– Спасибо, вы нас выручили, – сказала она. – У нашей хозяйки очень маленький набор посуды в доме, вот нам и приходится одалживаться по соседям.

– Да что вы, заходите, конечно, – улыбнулась Вероника. – Мы всегда рады помочь.

– Я слышала о том, что вчера случилось... – Царева посмотрела на Машу, и во взгляде ее что-то ожило, проявилось сочувствие. – Вам нужна наша помощь?

– Нет, спасибо, – немного растерялась под ее взглядом Маша. – Все в порядке, Елена Игоревна.

– Я молюсь за вас, – проговорила та спокойно. – Господь да сохранит наши души и убережет нас от лукавого.

Она строго взглянула на Бабкина, проговорила: «Всего хорошего», – и пошла к двери. Ее остановил голос светловолосого парня, который не так давно расспрашивал ее про васильки и помогал переносить коляску с Егором. Она не сразу поняла, о чем он спросил ее, и обернулась к нему.

– Что вы сказали, простите?

– Я спросил, зачем вы убили Юлию Михайловну, – повторил Макар.

Глава 22

– По вашей вере ведь это страшный грех, не так ли? – Голос Илюшина был заинтересованным, как будто он спрашивал ее о прогнозе погоды на следующую неделю.

Лицо Царевой окаменело. Без выражения она глядела на него, не двигаясь с места.

Веронике показалось, что все вокруг исчезло, слилось с золотистым утренним светом. Она на секунду зажмурилась от лучей, бивших в окно. Не осталось ни Маши, ни Сергея, ни светлой веранды, а только голос – спокойный голос, спрашивающий:

– Так зачем вы ее убили, Елена Игоревна?

– Я... – Голос Царевой стал похож на карканье. – Я...

Она покачнулась, и Бабкин молниеносно вскочил. Но Царева не упала. Жестом сухой руки остановив его, она дошла до стула, села, сохраняя прямогу осанки, и медленно проговорила:

– Потому что я не могла поступить иначе.

* * *

В поле начал подниматься ветер. Сначала он разогнал облака на небе, потом расшевелил листву на липе и наконец спустился в траву и колосья, среди которых синели васильки. Светлана запрокинула голову в небо и улыбнулась. Егор сидел рядом, в тени липы, и смотрел на цветы.

– Жалко, что бабушка с нами не пошла, правда? – спросила сына Светлана. – Мне тоже жалко. Она говорила, идти тяжело по жаре будет. Но мы же с тобой пришли, правда?

Она посмотрела на мальчика и улыбнулась. Тот, наклонив голову набок, перевел взгляд на мать.

– Ах ты мой хороший! – обрадовалась Светлана. – Давай я тебе сначала ножки помассирую, а потом и спинку, как нас бабушка учила. Смотри, какую я простынку с собой взяла.

Она разложила под липой небольшой коврик. Все-таки замечательно, что сегодня она решила наконец уйти с надоевшего участка – первый раз за весь месяц! Коляску с сидевшим в ней Егором было тяжело толкать по песку, но зато потом, на тропинке, она легко ехала сама. «А в другой раз мы

и до озера дойдем, – подумала Светлана, гордясь собой и тем, что она упростила мать отпустить их, и тем, что сыну и в самом деле нравилось сидеть в тени липы и смотреть на живые качающиеся цветы, а не на срезанные, в букете. – Только обязательно возьмем с собой бабушку. Нужно и ей выходить, хотя бы иногда».

* * *

Она понимала, что рано или поздно кто-то докопается до правды. Ибо сказано: тайное всегда становится явным. И она верила в это, старалась, чтобы в ее жизни было как можно меньше таких тайн, которые нужно хранить крепко-крепко, опасаясь, как бы они не вылезли наружу неприглядной черной изнанкой жизни. Но почему-то ей казалось, что до тайны доберется женщина – может быть, дочь убитой, а может, ее рыжая подруга. Или разговорчивая бойкая старушка, живущая неподалеку. И странно было видеть напротив себя спокойное молодое лицо, с интересом устремленное к ней, – лицо человека, который только что спросил, зачем она убила ту страшную женщину. «А ведь ему больше, чем я думала, – не к месту сообразила Царева. – Никакой он не студент».

– Сколько вам лет? – спросила она, вглядываясь в Макара. – Можете не отвечать. Больше тридцати. Если бы я сообразила раньше...

Елена Игоревна замолчала, потому что поняла: оттого, что она неправильно оценила возраст какого-то парнишки, ничего бы не изменилось. Совершенно ничего.

– Я всегда знала, что правда выплывет наружу. – Она закрыла глаза рукой, но тут же убрала руку, будто устыдившись секундной слабости. – Вопрос был только во времени. Тайное всегда становится явным.

Макар хотел сказать, что не всегда, но сдержался. Он посмотрел на Веронику и увидел, что та замерла, вцепившись взглядом в Цареву, как будто стоило ей отвести глаза – и все исчезнет.

– Вы... – проговорила Вероника шепотом, – вы убили мою мать!

Илюшину показалось, что она пытается вдохнуть – и не может, словно что-то встало в горле и мешает. Но в следующую секунду она и в самом деле глубоко вздохнула, как пловец, вынырывающий из глубины, лицо ее исказилось, и вдруг... вдруг Вероника засмеялась. Тоненьким, жалобным смехом засмеялась, не похожим ни на смех, ни на плач. Царева не смотрела на нее, она по-прежнему не отрывала взгляд от Макара.

– Вы... – тихонько смеясь, повторила Вероника. – Господи, какое

счастье!

Смех оборвался, и Маша, которая уже хотела броситься к подруге, замерла.

– Какое счастье, – повторила Вероника. И откинулась на стуле, расслабилась, как будто кто-то вытащил иглу из больного органа, и боль тут же прошла, словно ее и не было.

– Нехорошая твоя радость, – хрипло произнесла Царева, но Веронике было все равно, что она скажет.

– Нехорошо людей убивать, – быстро возразил Макар. – Это грех.

– Ты сам не знаешь, что говоришь! – Елена Игоревна не шевельнулась на стуле, но всем показалось, будто она резко наклонилась к Макару. – Грех соблазнять малых сих! А она соблазняла! В ней сам дьявол сидел, языком ее разговаривал, руки ее к моему внуку протягивал, душу дочери хотел забрать!

– Вы о чем?! – не выдержал Бабкин. – С ума сошли на почве религии?

Елена Игоревна глянула на него с таким презрением, что он замолчал.

– С ума сошла? – женщина усмехнулась. – Я внука своего четыре года выхаживаю. Видел ты моего мальчика? Отвечай!

– Видел, – нехотя сказал Сергей. – При чем здесь он?

– Четыре года, – повторила Царева, словно не слыша. – Четыре года... Два раза Егорушка чуть не умер, два раза Господь сохранял его. Дочь моя другим человеком стала, через муки прошла из-за сына, и до сих пор в муках душа ее живет. Только я-то знаю, что вылечим мы его, что Господь нас не оставит. А она... – Голос Елены Игоревны понизился до шепота. – ...Она заявила, что убить его нужно, Егора. Или в приют отдать, на смерть мучительную. Мол, так всем легче будет. А теперь скажи мне, кто же из нас с ума сошел: я или она?

Бабкин молчал.

– Так я тебе отвечу, – продолжала Царева тихим голосом, кроме которого ничего больше не было слышно на веранде егоровского дома. – Есть люди, которые и в самом деле с ума сходят. Другие, те, что в здравом уме, вроде тебя, их жалеют. Но они Господом нашим любимы и обласканы им будут после смерти. А есть такие – слышишь меня?! – такие, кто с души сошел. Не с ума, а с души. Потерял душу или продал ее... Вот такой *она* и была.

– Не судите и не судимы будете, – сказал Макар. – Я ничего не путаю?

– Не смей ерничать, – оборвала его Елена Игоревна. – Грешен человек, да. Но одно дело встретить человека без души и молить Господа за него, а другое – видеть, как он душу, близкую тебе, к страшному греху склоняет. К

такому греху, после которого душа сама умирает! Такие люди большую власть над другими имеют, а над слабыми, неверующими – особенно. Слабые сами к ним летят, как мотыльки к огню. Раз – и нету божьей твари.

– Вы боялись, что ваша дочь откажется от Егора, – вдруг поняла Маша.

– Как сделала один раз, – добавил Сергей, тоже неожиданно прозревший. – Такое ведь уже было, правда? Светлана сдала сына в детский дом, но вы забрали его обратно. Точнее, уговорили ее забрать.

Царева помолчала, прикрыв глаза и застыв в полной неподвижности.

– Один раз я смогла Светлану переубедить, – проговорила она наконец, не открывая глаз. – Второй раз не смогла бы. Дьявол ее искушал, нашептывал, а она бы поддалась – потому что слабая, потому что от Бога отворачивается. Вот после второго раза ее уже ничто бы не спасло. Ни ее, ни меня, ни Егора. Отдала бы она мальчика, пожила в свое удовольствие – и убила бы себя. Или так и осталась с душою мертвой жить. Не могла я этого допустить, не могла, не могла...

От ее истового нашептывания Машу бросило в жар.

– Однако кардинальный способ вы выбрали, чтобы оградить дочь от дурного влияния, – не выдержала она. – Неужели нельзя было просто уехать из деревни, Елена Игоревна?

– Как же вы не понимаете? – покачала головой Царева. – Дочь моя должна была увидеть: было зло – и не стало его. Тогда задумалась бы о том, что нельзя безнаказанно грех творить, что наступит расплата, обязательно наступит! Она и задумалась...

– Как вы в дом вошли? – спросил Макар.

– Что в него входить, если все открыто, – усмехнулась Царева. – Калитку я и раньше отпирала, когда у Вероники кастрюли-сковородки брала. А дверей здесь отродясь не запирают. Если Господь захотел бы меня от такого греха отвратить, так и двери закрыты были бы, и калитка на запоре.

– Логика железная, – мрачно заметил Бабкин. – Главное – удобная.

Но Царева не слушала его. Она пристально смотрела на светловолосого парня, который задумчиво водил пальцем по столу. Тот называл свое имя, она точно помнила, но никак не могла его выудить из памяти. Какое-то редкое и немного смешное... Макар! Вот как его зовут – Макар!

– Послушайте, Макар, – проговорила Елена Игоревна и улыбнулась – улыбнулась тому, что смогла все же вспомнить его имя. – Вы отпустите меня?

Четыре пары глаз изумленно глянули на нее.

– Отпустить?! – хором изумились Маша и Вероника.

– Куда отпустить? – пробасил Бабкин.

Но она не вслушивалась в их голоса и не собиралась отвечать на глупые вопросы, потому что остальные люди не имели для нее значения. Они были неважны. Важен был только Макар, которого во что бы то ни стало нужно было убедить отпустить ее. Он принимал решение – Царева хорошо это чувствовала.

– Куда вы хотите идти? – удивленно спросил Макар, как будто то, что она спрашивала у него разрешения, было в порядке вещей.

– Я скажу вам, где наволочка, – торопливо пообещала Елена Игоревна. – Скажу. Вы только отпустите меня ненадолго, всего на... – она запнулась на секунду, что-то подсчитывая в уме, – ...на полчаса. Вы ничего не потеряете.

Макар недоверчиво вглядывался в ее лицо, словно не понимая, о чем она его просит.

– Почему? – наконец сказал пораженно. – Вы не можете...

– Я не смогу в тюрьме, – прошептала Царева так тихо, что ее почти никто не расслышал, и тут же повторила чуть громче, умоляюще глядя на Илюшина: – Не смогу в тюрьме. Я уже старая, Макар. Очень старая. Прошу вас, пожалейте меня, не обрекайте на то, что мне не по силам выдержать.

Маша с Бабкиным переглянулись, не понимая, что происходит.

– А что на наволочке? – вдруг спросила Вероника.

– Ничего, – ответила Царева, помолчав. – Я... я просто боялась оставлять ее. Наверное, потому, что прикасалась к ней. Вот и унесла с собой. Макар, – позвала она, – разрешите мне уйти. Я умоляю вас, пощадите...

Эти книжные, высокопарные слова Царева произнесла так просто и так обреченно, что Илюшин тяжело вздохнул и кивнул.

– Показания... – выговорил он. – Вы опишете при свидетелях то, что сделали. Укажете, где спрятали наволочку. Елена Игоревна, вы сделаете это?

– Да. Я обещаю вам.

Она легко поднялась, словно ее освободили от тяжелого груза, и, не взглянув ни на кого, пошла прочь. Вероника, Маша и Сергей смотрели ей в спину, словно зачарованные.

Царева остановилась в дверях и обернулась к ним, сидевшим неподвижно на веранде, залитой утренним светом.

– Спасибо, – сказала она, глядя на Илюшина. – Я буду молиться за вас.

И вышла из комнаты.

Наступившее оцепенелое молчание первым прервал Бабкин.

– Макар, что здесь произошло?! – вскочил он с места. – Твою мать, куда она пошла?!

– Признание писать, – сдержанно ответил Илюшин. – Серега, я не мог ей отказать. В конце концов, такие вопросы человек сам решает.

– Да какие вопросы?! – рявкнул Бабкин. И вдруг понял. Он тяжело опустился на стул и покачал головой. Протянул: – Зря. Так нельзя, Макар.

– А как можно? – Илюшин поднял на него темно-серые глаза, очень серьезные. – Ты все слышал. Что бы ты сказал ей на моем месте? Вероника, – обратился он к молчащей женщине, – вы тоже все слышали. Теперь вы знаете, что ваш муж не убивал Лебянину.

Вероника кивнула, и Маше показалось, что сейчас она опять засмеется. Но вместо этого Вероника спросила:

– Что же теперь дальше будет, Макар? И что нам теперь делать?

– Нам? – переспросил Илюшин. – Нам – ждать. Если я правильно понимаю, то не очень долго.

Он подошел к окну и стал смотреть в ту сторону, куда уходила Елена Игоревна Царева, держа спину так прямо, как будто ее позвоночник прибили к кресту.

Липа Сергеевна с мужем ничего не понимали. Десять минут назад пожилая соседка зашла к ним домой, ни с того ни с сего попросила листок бумаги и ручку, еще и прибавила что-то вовсе непонятное: что она, мол, пишет записку добровольно, а не по принуждению, и чтобы они об этом не забыли. Липа Сергеевна предложила соседке чаю, но та только головой помотала. Старушка переглянулась с мужем и больше ничего не говорила.

Соседка писала – быстро, уверенно, без помарок. «Может, у нее дома бумаги нет?» – предположила Липа Сергеевна и уже хотела предложить женщине тетрадку и карандаш, но та свернула исписанный листок пополам и протянула ей.

– Дайте, пожалуйста, еще один, – суховато сказала она. – Мне нужно написать записку дочери.

Иван Петрович от ее тона нахмурился и хотел было отчитать дамочку, но Липа Сергеевна взглядом остановила его. В конце концов ей стало любопытно, почему хмурая и неразговорчивая соседка пишет дочери записку, хотя дочь, Липа Сергеевна своими глазами видела, час назад ушла гулять с сыном. «Случилось, может, что? – размышляла старушка и представляла, как будет обсуждать происходящее с соседками. –

Поссорились, что ли?» Ее так и тянуло за язык спросить напрямую, но что-то ей подсказывало: женщина отвечать не станет.

А та дописала вторую записку – Липа Сергеевна видела, что она получилась куда короче, чем первая, – и перевернула на столе текстом вниз. Потом сказала самой себе:

– Все, кажется... Да, все.

Она решительно встала, еле кивнула Ивану Петровичу, внимательно посмотрела на Липу.

– Вторую записку отдайте дочери, – без выражения сказала она. – Первую у вас возьмут.

И вышла, не прощаясь.

– Ну-ка, дай почитать-то... – сунулся к Липе муж.

– Постой, сначала сама прочитаю, – отстранила она его, нацепила на нос очки и приблизила листок к глазам. Почерк был ровный, крупный – как школьный. Сначала Липа пробежала вторую записку, охнула и схватилась за первую.

– Вот кто, значит, убил-то... – протянул без удивления Иван Петрович, читая текст из-за ее спины. – «Наволочку спрятала на чердаке, под балкой, в правом углу со стороны сада, если стоять лицом к нему». А все на Балукова-внука думали. Ну и ну! Только зачем же она нам-то ее оставила, а?

– Чтобы мы свидетелями были, – злобно сморщилась Липа Сергеевна. – Тьфу, зараза!

– Ладно тебе, Липочка, – успокоил ее супруг. – Главное, чтобы свидетелями, а не кем иным. Куда же она пошла, а? Как ты думаешь? Идти-то ей теперь и некуда... Разве что в лес?

Тело Елены Игоревны нашли на чердаке. Она знала, что мальчик туда не сможет залезть и, значит, не увидит ее после смерти. Веревка, обвязанная вокруг балки, не выдержала веса тела и оборвалась, но к тому моменту было уже поздно – Елена Игоревна Царева умерла. Она лежала на боку в совершенно естественной позе, и вытянутая рука закрывала лицо – как будто Елена Игоревна не хотела, чтобы те, кто найдет ее, увидели, каким уродливым и страшным оно стало после смерти.

Два дня спустя

Вероника уехала встречать Митю в город, и вернуться они должны

были только вечером, на последнем автобусе. С обеда Ирина начала хлопотать: крутилась на кухне, вызвалась сама сварить любимый папин суп и предложила испечь шарлотку. «Возвращение декабриста из ссылки», – хмыкнула про себя Маша, но вслух поддержала инициативу девушки, хотя ей было бы удобнее, если б Ирина приглядывала за Димкой, а не реализовывала свои кулинарные амбиции. Но, в конце концов, с Димкой играл Костя. К тому же Маша хорошо понимала, чем вызваны хлопоты Ирины. «Чувство вины – серьезная штука, – думала она, помогая чистить яблоки для шарлотки. – Вы с мамой не верили, что Митя не виноват, правда? Теперь самим стыдно, что не верили, что обвинили его в убийстве. Ничего, все у вас теперь наладится».

– Все у вас теперь наладится, – она сама не заметила, как произнесла последнюю фразу вслух, и Ирина недоверчиво и чуть испуганно взглянула на нее.

Маша рассмеялась и тряхнула головой.

– Не обращай на меня внимания, – посоветовала она, – просто я сама с собой начала разговаривать. Слишком долгое общение с нашими правоохранительными органами никому не идет на пользу.

Она вспомнила, как долго и настырно всех их расспрашивал следователь после самоубийства Царевой – особенно Сергея и Макара. Сама она честно рассказала обо всем, за исключением одного – последней просьбы Елены Игоревны, обращенной к Макару. У нее было смутное ощущение, что и остальные умолчали об этом, но наверняка она не знала, а спрашивать не стала.

– Как же она смогла? – негромко спросила Ирина, и Маша не сразу поняла, что девушка спрашивает о том же, о чем думает она сама. – Тетя Маша, наша соседка... она ведь была верующей, правда?

– Православной, – кивнула Маша. – Для них самоубийство – самый страшный грех.

– Вот я о том и говорю! – вскинулась Ирина. – Тетя Маша, а вдруг... вдруг она не сама повесилась? Вдруг был другой человек, замешанный в убийстве, и он решил убить ее – испугался, что она выдаст? Как же можно взять и убить саму себя...

Девочка поежилась, и Маша сочувственно посмотрела на нее. Глупенькая, совсем еще молоденькая. Ей проще вообразить двух страшных убийц, чем убийцу внутри человека.

– Мы с тобой не знаем, насколько глубоко верующей она была, – тщательно подбирая слова, разговаривая, как со взрослой, объяснила она. – Существование в тюрьме до конца жизни очень страшная перспектива. Я

думаю, Ириша, что страх в ней пересилил все остальные чувства. Мне кажется, – добавила Маша, подумав, – что в чем-то Елена Игоревна была похожа на Кирилла Балукова, который убил Лесника и хотел убить меня. Она боялась, как и он. Боялась твоей бабушки – потому что она давала ее дочери ужасающие советы, а дочь их слушала. Боялась, что Светлана решит последовать им. Боялась за своего внука. Может, мои слова прозвучат глупо, но... страшно жить в страхе. Проще убежать от него. Или умереть.

Катерина Балукова, рыдая, собирала вещи. Господи, как же так?! Ее выставили из дому и кто?! Галина, ее свекровь, которая двадцать лет слова не сказала поперек мужа, а только и знала радости, что с внуками нянчиться. Как же так получилось? И почему Алексей Георгиевич не заступился? Он же мог, должен был поставить жену на место!

Но Алексей Георгиевич этого не сделал. Полчаса назад Галина позвала невестку в дом и без всякого предисловия сказала, глядя прямо на нее глупыми куриными глазами:

– Собирай свои вещи, Катерина, и больше в моем доме не появляйся.

Так и сказала – «в моем доме». И муж ее не поправил, не осадил.

– Да вы что, Галина Антиповна? – Пораженная Катерина даже вспомнила отчество свекрови, хотя всю жизнь звала ее тетей Галей. – Что с вами?

– Со мной-то все в порядке, – усмехнулась та. – А тебе здесь больше нечего делать. Долго я тебя терпела, да закончилось мое терпение. Купит Васька другой дом, там и будете жить.

– А как же... как же Василиса? – жалко спросила Катерина, уже понимая, что все кончилось – и счастье ее кончилось, и жизнь ее кончилась: не из-за тех слов, которые произнесла свекровь, а из-за того, что свекор стоял рядом с женой и не говорил ни слова, не перебивал ее. Хотелось крикнуть: «А как же я?!», но она сказала про Василису.

– Ваську можешь привозить на лето, – разрешила Галина. – А сама уезжай. У тебя в городе дела много будет: сыну помогать, адвокатов хороших искать.

«Адвокатов! Откуда она слова-то такие знает?»

– Алексей Георгиевич... – робко заикнулась Катерина со слабой надеждой, что свекор все-таки вмешается и все поставит на свои места.

– Занимайся... сыном... – проговорил тот, не глядя на нее. – Раз такое несчастье, мать должна помочь.

Катерина побелела, повернулась и вышла. На пороге остановилась и спросила:

– Василию что сказать?

– То и скажи, – удивленно отозвалась Галина, – что нужно в город ехать. А уж потом придумаешь что-нибудь. Двадцать лет придумывала и сейчас придумаешь.

Эти «двадцать лет» добились Катерину. Она вышла и прислонилась к прохладной стене. Одна мысль колотилась у нее в голове: «Надо было раньше их убивать. Теперь уже поздно. Господи, почему же я раньше ее не убила?!»

И она расплакалась – горько, обиженно, как ребенок, сожалея о том, что нужно было убить двух человек раньше. Как бы тогда всем было хорошо! Господи, как же тогда всем было бы хорошо....

– Как всем вместе хорошо! – облегченно и радостно сказала Вероника Маше, проходящей мимо нее со свежесдобитой шарлоткой на блюде.

Шарлотка дымилась и благоухала. Дольки яблок, присыпанные корицей, торчали из теста, как маленькие лодочки, опрокинутые набок. И сама Вероника хотя и не благоухала, но светилась так, как созревающее золотисто-зеленое яблоко светится утром на ветке.

Маша только улыбнулась в ответ. Митя сидел на веранде барином, обняв обоих детей, и вид у него был гордый и немного самодовольный.

– Арестант вернулся, – шепнул Маше на ухо Бабкин, перехватывая у нее шарлотку и отщипывая сверху кусочек. – Семья ликует.

– Не нарушай гармонию! – тоже вполголоса приказала она, отбирая блюдо. – Семья имеет полное право.

– А я что говорю? – удивился Бабкин. – Я именно так и говорю. Кстати, Костя уже дважды рассказал Дмитрию о своем подвиге и, кажется, собирается рассказывать в третий.

Маша зашла на веранду и поставила шарлотку на стол. Следом за ней Вероника принесла праздничные чашки, которые стояли на верхней полке в буфете «для красоты».

– Где же Макар? – спросила она, оглядываясь. – Сергей за стульями пошел, а куда пропал Макар?

– А куда пропал Макар, а куда пропал Макар! – передразнил ее Димка, распевая во все горло.

Мальчик весь вечер дурачился, плясал, обнимал отца и только перед ужином неожиданно без всякого повода расплакался и убежал за дом, в заросли мяты. За ним пошла Ирина и очень скоро привела брата обратно – немного смущенного, но уже успокоившегося.

– Макар обещал принести варенье, которым тетушка угощает, –

сообщил Бабкин, внося на веранду тяжелый стул. – Что-то она там варит из крыжовника жутко вкусное и трудоемкое. С орешками.

– С орешками – значит, царское варенье, – сказал Митя и улыбнулся, как будто в словосочетании «царское варенье» было что-то очень радостное и веселое.

И маленький Димка улыбнулся тоже, словно отражая улыбку отца.

Маша собиралась резать шарлотку, но замерла с ножом в руке, глядя на них и на прижимающуюся к отцу Ирину. «Что бы они делали, если бы не Царева? – подумала она. – Как бы они дальше жили?»

Митя встал, и дети дружно встали вместе с ним.

– Маша, мы принесем мяты для чая, – сказал Митя. – Смотрите, без нас не начинайте.

Когда он вышел, Бабкин забрал у Маши нож, несколькими точными движениями разрезал пирог и негромко спросил:

– Ты заметила, какие они счастливые? Елки-палки, как бы они с Ледяниной дальше жили, вот в чем вопрос?

Маша посмотрела на него, удивленная совпадением их мыслей. Одна идея начала вызревать у нее, и эта идея при ближайшем рассмотрении нравилась ей все больше и больше. Она так честно и призналась:

– Сережа, у меня появилась идея. Давай ее с тобой обсудим потом, когда чаепитие закончится.

– Идет, – кивнул Бабкин. – Обсудим.

Поздно вечером, оставив Костю в кровати с Лукьяненко в обнимку, Маша спустилась вниз. Димка спал, Макар ушел домой, Вероника с Митей и Ириной сидели на веранде, а вокруг настольной лампы кружилась пушистая коричневая бабочка.

– Сергей сказал, что сейчас придет. – Вероника подняла на Машу глаза, снова ставшие светло-голубыми.

– Тогда я его на улице подожду, – решила Маша и спустилась во двор, плотно прикрыв за собой дверь, чтобы в дом не залетали комары.

Бабкин появился спустя три минуты и сел на скамейку рядом с ней.

– Выкладывай свою идею, – сказал он. – Кстати, она у тебя длинная? Если длинная, можем по деревне прогуляться.

– Она у меня короткая, – ответила Маша, примериваясь, с чего бы начать – с самой идеи или с аргументации. – Аргументов в ее пользу много, а сама идея – маленькая. Но может принести неплохие дивиденды.

– Да? – оживился Сергей. – Ну-ка, поподробней.

– Я тебе предлагаю на мне жениться, – легко сказала Маша, качая

ногой. – Или даже вот как: я тебе предлагаю руку и сердце. На колени становиться не буду, потому как это пережиток, – предупредила она. – А главное – тут насекомые ползают. И крапива попадает. Ну что, как тебе моя идея?

Бабкин ошарашенно помолчал, осмысливая услышанное.

– А... а какие аргументы за? – осторожно поинтересовался он.

– Во-первых, я тетенька финансово независимая, – начала перечислять Маша. – Во-вторых, у меня уравновешенный характер. В-третьих, мы с тобой подходим друг другу. В-четвертых, ты хорошо ладишь с Костей. В-пятых, ты готовишь умопомрачительные блины... За такие блины тебе все прегрешения можно простить авансом.

– Я и суп могу варить, – заметил Бабкин. – Грибной.

– Ты уже цену набиваешь, – строго сказала Маша. – Но, в общем, я могу считать это дополнительным аргументом в пользу нашего брака.

Сергей усмехнулся в темноте.

– Сколько тебе нужно времени «на подумать»? – деловито осведомилась она. – Суток хватит? Или ты сразу соглашаешься?

– Ага, ишь какая, сразу... – хмыкнул Бабкин. – Даже не думай. Правда, пока что я только аргументы за услышал. А где против?

– Против сам придумаешь. – Маша встала, потому что на крыльцо вышла Вероника и начала вглядываться в темноту.

– Маша, – негромко позвала она, – тебя Костя искал. Ты еще здесь?

– Здесь, здесь, – отозвалась Маша, выходя из темноты. – Что ему, обормоту, не спится?

Она обернулась к Сергею и помахала рукой.

– И все?! – удивился Бабкин. – А где поцелуй на прощанье?

– Поцелуя не будет, чтобы на твой мозг не влияли дополнительные факторы, не поддающиеся логическому анализу, – объяснила Маша. – Тебе нужно рассуждать здраво, вот и рассуждай. У тебя целые сутки впереди. Спокойной ночи!

Сергей зашел в комнату, нащупал выключатель на стене, но включать свет не стал. Илюшин посапывал на диванчике, перемежая посапывание негромким храпом.

– У меня к тебе предложение, Макар, – сказал Бабкин, глядя в темноту. – И вопрос. И не притворяйся, что спишь.

– Сначала вопрос, – разрешил друг, прекратив сопеть и храпеть. – Только я лампу включу, чтобы видеть твое одухотворенное лицо.

Он протянул руку и щелкнул переключателем. Ночник зажегся и

осветил взъерошенного Макара.

– Как ты догадался? – Бабкин сел на табуретку. – Макар, ну вот как ты догадался, а? – повторил он то, что мучило его третий день. – Слушай, я терпел, пытался понять, но честно могу признаться – все равно не понимаю. У нас же ничего не было! Ни-че-го! Никаких данных. Никаких улик. Макар, мы же с тобой как раз говорили об этом, когда шли к Веронике. А потом ты вдруг спросил у Царевой, зачем она убила Ледянину.

Он покачал головой, и на лице его было написано такое искреннее, почти детское недоумение, что Макар чуть не расхохотался.

– Правда, откуда ты узнал, что убила она, а? – не успокаивался Бабкин – Илюшин, признавайся! Откуда?

– Да не знал я! – с легким раздражением ответил Макар. – Серега, я понятия не имел, что именно Царева убила мать Вероники.

– То есть как?! – не понял Бабкин.

– Да так, просто. Не знал – и все. Очевидно было, что убийцу нам не вычислить. Но круг подозреваемых можно было сузить с вероятностью девяносто девять процентов до тех, кто общался с Ледяниной последнюю неделю. В него входили Вероника, ее муж, их дети, вся семья Балуковых, Лесников и Царевы, мать и дочь. Да, и Маша. Я выстроил всех по ранжиру... Понимаешь?

– Нет. Каким образом?

– В конец списка попали те, кому сложнее было убить Ледянину: например, сын Егоровых. Или старшая из Балуковых, Галина, – она всегда на виду. После них шла сама Вероника Егорова, поскольку у нее не подходящий для подобного убийства склад характера. Кстати, и старшего Балукова я отнес сюда же: для него подобное убийство было бы несвойственно, он скорее подходил на роль того, кто убил Лесника.

Макар сел на кровати и потянулся к тумбочке. Похлопал по ней рукой и нащупал маленький листочек из блокнота тетушки Дарьи, в котором она записывала рецепты.

– Вот, посмотри. – Он протянул листок Сергею.

– «Дима Егоров», – прочитал Бабкин верхнюю строку. Затем в столбик стояло: «Галина, Алексей, Светлана Царева». А следующие имена почему на одной строчке?

– Потому что я их оценил примерно одинаково, – объяснил Макар. – Грубо говоря, Катерина Балукова, ее сын и муж набрали бы семь баллов по десятибалльной шкале.

– И Дмитрий Егоров, – бросив взгляд на листочек, добавил Сергей. – Ты считал, что он мог быть убийцей?

– Вполне, – кивнул Илюшин. – Почему бы нет? Но первым в списке претендентов оказался не он.

– «Царева», – прочитал Бабкин самую нижнюю запись, обведенную дважды. – Но почему?!

– Имела возможность и знала порядки в доме, – начал перечислять Макар. – Была поражена поведением Ледяниной. Очень религиозна, а следовательно, нетерпима. Пережила глубокую трагедию. Находилась в состоянии постоянного стресса из-за болезни внука. Ну и, наконец, панически боялась, что дочь откажется от ребенка. Суммируем – получаем Цареву в качестве наиболее вероятного кандидата на роль убийцы.

– Да твое суммирование выеденного яйца не стоит!

– Не стоит, – тут же согласился Илюшин. – Конечно. Как и весь мой список, который всего лишь на десятую долю шага приблизил меня к разгадке. Но благодаря ему Царева оказалась первой, кого я спросил об убийстве, потому что у меня был прекрасный план. – Макар усмехнулся. – Я хотел поинтересоваться у каждого, кто мог оказаться убийцей, зачем он убил Ледянину. Первой спросил Цареву. Остальное ты знаешь.

У Бабкина стало такое выражение лица, как будто его ударили по голове чем-то тяжелым.

– Макар, ты серьезно? – спросил он, не веря своим ушам. – Ты собирался их всех взять на понт? И все?!

– Ты путаешься в терминологии: не понт, а необоснованная психологическая атака, – поправил Илюшин. – В пяти случаях необоснованная, в одном – обоснованная. Мне очень повезло, что я сразу попал на этот один случай.

– Не может быть... – В сознание Сергея начало проникать то, что сказал Макар. – Я который день ломаю себе голову, а все дело в том, что ты ляпнул наудачу: «Зачем вы убили Ледянину?!»

– Ну... в общем... да, – признался Макар. – А ты чего хотел? Головоломного расследования? Сопоставления улик? Анализа мельчайших деталей поведения подозреваемых?

– Хотя бы! – взвыл Бабкин, не сдерживаясь, и тетушка Дарья в соседней комнате перестала храпеть. – Но вот так нахально... Просто спросить, не вы ли преступник... и попасть на преступника?!

Он обхватил голову и начал раскачиваться на табуретке.

В дверь постучали, затем створка приотворилась, и в щелку просунулось недовольное лицо Дарьи Олеговны с челкой, стоящей дыбом.

– Ты чего шумишь? – недовольно спросила она. – Полдеревни перебудил.

– Тетя Даша, – повернул к ней страдальческое лицо Сергей, – ты пойми: он даже не догадывался, кто преступник! Всего лишь предполагал, и то с небольшой долей вероятности!

– Ну и чего же тут удивительного? – проворчала тетушка. – Я вот тоже не догадывалась. Приличная такая женщина была Елена Игоревна, хоть и не особо приветливая. А Макару откуда же было знать?

– Вот и я о том же! Он не знал! Просто взял – и спросил ее, тупо и без изысков.

– А тебе обязательно изыски нужны... – съехидничала Дарья Олеговна. – Без изысков ты никуда! Правильно, Макарушка, молодец! Вот так и нужно преступления раскрывать. А ты, Сережа, спи, а не завидуй.

С этими словами она закрыла за собой дверь, воинственно фыркнув напоследок.

– Просто поразительно, – бормотал Бабкин себе под нос, застилая кровать. – Ни малейшего намека на удачу, и тут появляется господин Илюшин и ловит рыбу на голый крючок. Просто-напросто наглость, по чистой случайности увенчавшаяся успехом. Чему тут завидовать?

– Ничего ты не понимаешь. Я – гений, – скромно сказал Макар. – Гений сыска. Ни одна мельчайшая деталь не ускользает от моего внимания. Я ни о чем не забываю и на все обращаю внимание.

Он выключил свет, накрылся одеялом и отвернулся к стене.

– Эй, – негромко позвал Бабкин, которому стало весело. – Гений сыска! Шерлок Холмсович Игошинский! Ты кое-что упустил из виду.

Он сел на кровать и ухмыльнулся.

– Что? – живо повернулся к нему Макар.

– У меня к тебе было еще и предложение, кроме вопроса. Вопрос я задал, осталось предложение.

– Предлагай, – согласился Илюшин. – Ерунду какую-нибудь предложишь?

– В общем-то, да, – не стал лукавить Бабкин. – Мне свидетель нужен на свадьбу. Пойдешь?

– Ты женишься? – ужаснулся Макар. – С ума сошел? И я – свидетелем? Это даже хуже, чем ты – женихом! Забудь и думать.

– Я так и знал, что ты согласишься, – обрадовался Сергей, лег в постель и улыбнулся в темноте.

Эпилог

На кладбище раскачивались золотые шары, кланяясь во все стороны круглыми головками. Сентябрьский день был теплым и таким же желтым, как высокие цветы, посаженные на могиле Елены Игоревны Царевой. Светлана вырвала сорняки, протерла тряпочкой фотографию и положила перед крестом сиреневые астры, которые любила мать.

Егор сидел рядышком в коляске. Он уже привык к тому, что каждые выходные мама везет его на автобусе, а потом долго толкает коляску по дорожке между могилами, пока они не останавливаются около ограды, почти скрытой за цветами с красивым названием «Золотые шары».

Светлана села на скамеечку и достала из кармана куртки простой листок бумаги, сложенный вчетверо. Развернула. Ей не нужно было читать написанное, потому что она знала его наизусть. Она только повторила вслух последнюю строчку. «Сохрани Егора, или грех мой был напрасным».

– Все получилось, как ты хотела, – негромко сказала Светлана фотографии матери. Елена Игоревна была сфотографирована молодой, но и на этом раннем снимке ее лицо было суховатым, а взгляд темных глаз пронизательным и жестким. – Они решили, что грех – это убийство той женщины. Ты очень умная, мама. Ты их всех обманула. Даже записку мне ты написала так, что они прочитали, как им было удобно. Спасибо тебе.

«Вот только зря ты боялась, будто я смогу оставить Егора, – добавила она про себя, продолжая разговаривать с матерью. – Ты потому и умерла, правда? Ты хотела, чтобы я осталась с сыном и никогда уже не бросила бы его. А еще ты боялась, что милиция найдет того, кто убил нашу соседку, потому что сама все поняла, когда поднялась на чердак и нашла там ту несчастную наволочку. Ты даже выстирала ее, мама, и положила обратно. Хотя, знаешь, я ведь зря унесла ее – на ней не было никаких следов. И милиция, даже если бы и нашла наволочку, ничего не смогла бы доказать».

Только ты ведь не знала этого, правда? Ты думала, что на ней есть следы того, что я сделала, когда задушила женщину, вливавшую яд во всех, с кем она соприкасалась. И еще ты думала, что я могу послушаться ее и в самом деле бросить Егора в приюте, как она советовала. И ты умерла, мама, ты сделала самое страшное, что только могла сделать, чтобы спасти меня и одновременно привязать меня к Егору, – своей смертью, своим последним желанием, своей страшной жертвой».

Светлана вспомнила, как, дрожа, входила в дом Егоровых – с

надеждой, что калитка будет закрыта, или дверь запрут на засов, или в доме останется кто-то из детей, и ей придется притвориться, будто она зашла за какой-нибудь посудой – они с матерью часто занимали посуду у соседей. Но все получилось так незаметно, так легко и просто, что, уже входя в комнату той женщины, Светлана знала – она убьет ее, тихо выйдет из дома, вернется к сыну, и все будет, как прежде. Никто не будет напоминать ей о том страшном поступке, который она совершила два года назад, потому что каждый раз, когда Ледянина советовала ей отдать Егора в детский дом, Светлана вспоминала, что она уже сделала это один раз. И каждый раз, слушая соседку против своей воли, она начинала смотреть на сына глазами Юлии Ледяниной и видеть перед собой не больного мальчика, которого понемногу приучалась любить, а маленького уродца, от которого нужно избавиться любым способом.

«Знаешь, мама, она как будто гипнотизировала меня, – молча пожаловалась Светлана фотографии. – Я не хотела ее слушать, правда! Только какая-то часть меня слушала – неправильная часть, нехорошая. Я сама никогда бы не отказалась от Егора, но она как будто заставляла меня. Говорила, что его нельзя любить... Я знала, что это неправда, но, когда она так говорила, мне и в самом деле начинало казаться, что нельзя.

Я сделала самое простое и самое правильное. Ее нужно было убить, потому что она была как гниль, от которой загнивает все, что рядом. Я не жалею ни секунды о том, что убила ее, потому что после ее смерти я смогла спокойно дышать и спокойно любить Егора, не боясь ничьих слов и не вспоминая о том, как два года назад предала его.

А ты, мама, ты испугалась, да? Когда тебя обвинили в убийстве, ты испугалась, что они подобрались уже близко ко мне, что они вот-вот найдут меня... И тогда ты призналась. И сделала все так, что они поверили тебе. Ради меня и Егора ты пошла на то, что твоя вера считает самым страшным грехом, какой только может быть. Я не верю в твоего бога с его жестокими правилами, но какое это имеет значение? Главное, что в него верила ты».

– Я никогда не брошу Егора, – пообещала она Елене Игоревне, смотрящей на нее с памятника жестко и без улыбки. – Ты не беспокойся, мама.

– Ба-бя, – сказал детский голос позади нее, и Светлана резко обернулась, чуть не закричав.

Егор сидел в коляске, наклонившись вперед, и всматривался в лицо на фотографии. Он вспомнил ее! Бабушка гладила его каждый день, разговаривала с ним, а когда она наклонялась, от нее пахло чем-то приятным, хотя и не так хорошо, как от мамы. Бабушки давно не было

рядом, но сейчас он вдруг узнал ее – и сопоставил плоское лицо на снимке с тем, которое привык видеть каждый день.

– Бабя, – повторил Егор, с трудом ворочая непослушным языком. – Мама, бабя! Мама, бабя!

Он сам удивился тому, как слова рождались во рту, и вылетали из него, и становились слышны всем вокруг. Еще удивился тому, что не пробовал сделать этого раньше, потому что слышать самого себя было интересно и необычно. Егор только не понимал, почему плачет мама, сидя на земле около его коляски, и трясется так же, как трясся игрушечный человечек на машинке, когда бабушка везла ее по камням.

– Егорушка, – всхлипнула Светлана, – мальчик мой, умница! Маленький мой, скажи еще что-нибудь!

Она слушала сына, повторяющего два слова, и счастливо смеялась сквозь слезы. Егор выздоровеет, научится разговаривать, будет называть ее мамой! И теперь наконец-то они будут счастливы, и можно будет ничего не бояться, а просто жить, забыв про все страхи, и про смерть, и про темное время, в котором она существовала последние четыре года.

Потому что самый темный час – это час перед рассветом.